

Библиотека
Драматурга

СКАРРОН

Издательство
«ИСКУССТВО»

Библиотека драматурга

Редакционная коллегия:

А. АНИКСТ, Г. БОЯДЖИЕВ, Г. ГОЯН, А. ДЫМШИЦ,
А. КАРАГАНОВ, Н. КОНРАД, Б. РОСТОЦКИЙ,
Е. СУРКОВ

Издательство
"ИСКУССТВО"
Москва 1964

ПОЛЬ
СКАРРОН

Комедии

Перевод с французского

“ ИСКУССТВО ”

PAUL SCARRON
LES COMÉDIES

Статья и примечания
В. ЛОЗОВЕЦКОГО

Переводы
А. ЭФРОН И МИХ. ДОНСКОГО

ПРЕДШЕСТВЕННИК МОЛЬЕРА

Слава Скаррона, автора «Комического романа» и признанного творца бурлескных поэм, привела к забвению его как драматурга. А между тем он являлся самым выдающимся предшественником Мольера. Созданием образов Жодле и Криспена Скаррон заложил основы французской комедии, в которой на протяжении долгого времени главным персонажем утвердился веселый, никогда не унывающий слуга. Вместе с тем тематика комедий Скаррона будет продолжена Мольером, Реньяром Лесажем. Осуждая все вычурное в нравах, языке и литературе своего времени, Скаррон предвосхищал одну из основных тем французской драматургии XVII—XVIII веков. Лучшие образы слуг комедий Скаррона — Жодле, Криспен, Филипен, Беатриса и другие — своим здравым народным смыслом, инициативой, оптимистическим восприятием жизни близки образам мольеровских слуг. В борьбе со старым, патриархальным укладом жизни герои комедий обоих драматургов находят в слугах энергичную поддержку и понимание.

Не меньше значение Скаррона и в развитии драматургического мастерства, которому он в своих эстетических высказываниях уделяет большое внимание. Скаррон много сделал для того, чтобы придать комедии драматическое единство. Он создал комический диалог, живой и гибкий по своему характеру и построенный на резких столкновениях противоположных сторон. Впервые во французском театре комическое стало у Скаррона не только средством развлечения, как это было в комических жанрах до него, но и формой, за которой скрывалась серьезная мысль. Скаррон любил говорить, что комедия призвана не только развлекать, но и поучать.

История, к сожалению, не сохранила высказываний Мольера о своем старшем современнике. Но не случайно пьесы Скаррона неоднократно включались в репертуар Мольеровского театра. К тому же обоих драматургов сближала любовь к известному фарсовому актеру

Жодле (1590—1660), именем которого Скаррон назвал главного персонажа своих комедий — слугу, а Мольер пригласил к себе в труппу старого актера и не только дал ему роль подложного виконта в пьесе «Смешные жеманницы», но и назвал героя комедии Жодле.

Как Скаррон, так и Мольер уделяли большое внимание чтению философских сочинений античных мыслителей. Мольер, как известно, перевел на французский язык поэму Лукреция Кара «О природе вещей», Скаррон интересовался философией Эпикура, которому следовал Лукреций. Оба драматурга были чуткими последователями своего современника философа-материалиста Пьера Гассенди. Продолжая в своей драматургии лучшие традиции ренессансного театра, Скаррон как бы протягивает руку Мольеру.

Под пером Скаррона французская комедия из чисто развлекательного жанра стала превращаться в комедию нравов и общественного воздействия

* * *

Поль Скаррон (1610—1660) родился в Париже в семье советника парижского парламента. Смерть матери и вторичная женитьба отца на женщине, невзлюбившей его детей от первого брака, омрачили детство будущего писателя. Когда мальчику исполнилось тринадцать лет, мачеха добилась того, что отец отослал его к родственникам в небольшой городок Шарлевиль. Здесь Поль пристрастился к чтению. Его любимыми писателями были гуманисты Возрождения. Жизнерадостная поэзия Маро, разящий стрелами сатиры феодальное общество и религию «Гаргантюа и Пантагрюель» Рабле, роман «Дон-Кихот» и «Назидательные новеллы» Сервантеса укрепили молодого Скаррона в мысли, что ценность литературы заключается в ее жизненной правде. Впоследствии, став известным писателем, Скаррон в своем «Комическом романе» призывал этому учиться у Сервантеса. Вопреки поэтическим склонностям своего сына отец настоял на его духовной карьере. Девятнадцати лет от роду Скаррон был посвящен в сан аббата, но он никогда не исполнял своей должности. К этому же времени относятся его первые стихи и увлечение театром, не покидавшее его всю жизнь. Пребывание в 1634 году в Риме в качестве секретаря епископа Бомануара обогатило Скаррона знанием искусства. В Риме он сблизился со знаменитым французским художником Пуссеном, который одобрительно отзывался о его увлечении живописью. Скаррона привлекала жизнь простолюду, сцены которой часто служили предметом его зарисовок. Веселый и неистощимый на всякие забавные выдумки, Скаррон был душой общества. Он не-

плохо пел. Страстный любитель народных зрелищ, он и сам в них участвовал.

В 1638 году Скаррон тяжело заболел и до конца своей жизни остался парализованным, страдая от мучительных болей и сохранив лишь дар речи и подвижность рук. Материальное положение Скаррона, всегда тяжелое, в особенности ухудшилось после смерти отца (1642). Больной, он остался без средств к существованию, к тому же с двумя сестрами на руках. Затянутый им судебный процесс против мачехи из-за отцовского наследства, продолжавшийся шесть лет, окончился не в его пользу. Проиграв процесс, Скаррон написал памфлет против сутяжничества, в котором рассказал о своих невзгодах. Правда, вскоре через знакомую придворную даму ему удалось добиться у королевы шутовского звания «больного королевы» с пенсией в пятьсот экю. Но пенсия выплачивалась нерегулярно, а когда началась Фронда, ее выплата и совсем прекратилась. Скаррон был одним из первых французских писателей-разночинцев, живших литературным заработком. Уже став известным писателем, но не избавившись от нужды, он любил, смеясь, говорить, что живет на доходы своего «маркизата Кине» (Кине был парижским книготорговцем). По обычаю писателей того времени, Скаррон посвящал свои произведения знатым лицам в ожидании от них милостей. Но цену их меценатства Скаррон хорошо знал и высмеял в своем шуточном послании к собаке своей сестры. В нем он писал: «Послание очень честной и развлекательной сучке, г-же Гюльомет, левретке моей сестры. Привет!»

В нем со свойственным ему юмором писатель говорит о лицемерии поэтов, раздающих патент на бессмертие не достойному, а тому, кто может больше заплатить за посвященную ему поэтом книгу. Но и это не спасает автора от голода и нищеты. Заканчивается послание словами, полными глубокой иронии: «Вашего собачества чувствительно признательный слуга Скаррон».

Еще задолго до Лесажа и Бомарше он писал о тяжелой участи писателя, на которого титулованная знать смотрит как на шута и ждет от него развлечений.

«Важные господа, — говорил он, — приезжают поглазеть на меня, как ездили глазеть на слона, и проводят у меня послеобеденные часы, когда у них нет другого дела»¹.

Творчество Скаррона развивается в период господства во французской литературе антиреалистических жанров. Торжество феодаль-

¹ См.: А. Франс, Собрание сочинений, т. 8, М., Гослитиздат, 1960, стр. 342.

но-католической реакции во второй половине XVI века, а затем религиозные войны вызвали кризис гуманизма Возрождения во Франции. Литература отворачивается от жизни, которая теперь считается грязной и низменной, недостойной быть предметом поэтического изображения. Законодателями эстетических норм становятся аристократические салоны, где поэты проходят своеобразную школу воспитания благородных манер и вкусов.

Печать аристократизма и поэтической изысканности характерна для пасторального романа «Астрея» (1610) д'Юрфе, положившего начало прециозному направлению во французской литературе, в частности галантно-героическому роману¹. Значительное влияние на роман оказывала возрождаемая на рубеже XVI и XVII веков идеалистическая эстетика Платона и его последователя Плотина, которая перефразируется в светских салонах в духе куртуазно-рыцарского кодекса морали.

Очень хорошо о нравах литературных салонов и эстетических вкусах, господствовавших в то время, писал Анатоль Франс: «Со времен «Астреи» все старались говорить высоким стилем. В особенности Рамбулье, задававшим тон, был введен в употребление язык весьма изысканный, но совершенно непригодный для людей, живущих в подлунном мире. Некий дворянин... вызвал всеобщее негодование тем, что произнес слово «овес», считавшееся там неблагородным. Выйдя из себя, дворянин крепко выругался и, как передают, побежал отвести душу к Скаррону...»².

Верность гуманистическим идеалам Возрождения сохраняли лишь те писатели, которых называли либертенами, вольнодумцами.

«Но были все же писатели, не поддавшиеся пуристскому влиянию отеля Рамбулье и его приверженцев, салонов и Академии, за что их клеймили прозвищами либертенов, грязных писателей, красножких поэтов. Обладая пламенным темпераментом, мятежным духом

¹ См.: Гомбервиль, Полександр (1629—1637); Ла Кальпрене, Кассандра (1642—1645); М. Скюдери, Артамон, или Великий Кир (1647—1653). Тематику своих произведений авторы этих многотомных романов брали из античной истории и истории Востока. Но они мало заботились об историческом правдоподобии своих произведений. В древнегреческих и древнеримских героях угадывались идеализированные портреты французской знати. Благородное происхождение героя (цари и принцы), презрение к народу и его языку составляют его эстетические нормы. Герои романов говорили возвышенным, так называемым прециозным языком.

² А. Франс, Собрание сочинений, т. 8, стр. 331—332.

и большой философской смелостью, они продолжали пользоваться неочищенным языком и писать ходовым буржуазным слогом»¹.

Либертены были противниками как католицизма, так и кальвинизма — двух религиозных учений, разделявших в то время Францию, и проповедовали эпикуреизм и религиозный скептицизм. Они объявляли себя последователями материалистических учений Возрождения, в частности Монтеня и Шаррона. Среди либертенов были такие писатели, как Сент Эвремон, Ф. Бернье, Сирано де Бержерак, Саразен, друг Скаррона, автор сочинения «Рассуждение о морали Эпикура»² (1646), восторженный поклонник философии Пьера Гассенди, и многие другие. Некоторые из них подвергались преследованиям, подобно Теофилю Вио, который за проповедь атеизма был приговорен к сожжению и лишь случайно спасся.

Признанным главой либертенов считался французский философ-материалист Пьер Гассенди (1592—1653), оказавший большое влияние и на Мольера.

В кружке либертенов, собиравшихся в салоне известной светской красавицы Нинон Ланкло, образованнейшей женщины того времени, Скаррон познакомился с Сент Эвремоном и другими вольнодумцами. Через них он усвоил философию Эпикура, жизнеутверждающий характер которой сказался на его поэзии. Изучал Скаррон также и материализм Гассенди, результатом чего явился неоконченный и, к сожалению, утраченный перевод Скаррона с латинского «Этики» Гассенди. Мысль Гассенди, что нравственным является все то, что соответствует интересам разума и естественным чувствам людей, и что «никогда не надо покидать дорогу добродетели и не предпочитать своекорыстия честности, несправедливости справедливости», — глубоко запала в душу Скаррона³.

От либертенов усвоил Скаррон и религиозный скептицизм. Полностью разделяя взгляды Сент Эвремона о невозможности перенесения законов античной эстетики на современную литературу и заимствования сюжетов из античной литературы, Скаррон отстаивал принципы реалистической эстетики.

Время, когда жил Скаррон, было эпохой превращения Франции в абсолютную монархию. Народные движения тех лет, направленные против феодально-крепостнических порядков, были той почвой, на которой укреплялись демократические убеждения писателя.

¹ Поль Лафарг, Литературно-критические статьи, М., Гослитиздат, 1936, стр. 64.

² Данная работа упоминается в книге: Pierre Gassendi, Sa vie et son oeuvre, P., 1955, p. 165.

³ Там же, стр. 100.

Вот почему значительным событием в жизни и творчестве Скаррона было его участие во Фронде (1648—1653). Фронда явилась заключительным аккордом тех многочисленных антифеодальных восстаний, которые потрясли Францию всю первую половину XVII века. Расправляясь с мятежной феодальной знатью, не хотевшей отказаться от своих средневековых привилегий, виднейшие деятели французского абсолютизма Ришелье и Мазарини всю силу своей карательной политики направляли и против народных масс. Доведенные до нищеты налоговой системой и поборами интендантов, а также самоуправством местных сеньоров, крестьяне и городские низы поднимались на борьбу. В 1639 году в Нормандии вспыхнуло одно из крупнейших крестьянских движений — Восстание босоногих, поддержанное руанскими горожанами. Смерть Ришелье (1642) и последовавшая в следующем году смерть Людовика XIII привели к ослаблению королевской власти в годы регентства и вызвали новую волну народного движения. В то же время в Париже парламентская буржуазия, недовольная узурпацией ее старинных прав королевской властью и налоговой политикой Мазарини, фактически правившего страной в годы малолетства Людовика XIV, объединилась с городскими низами. В результате создавшейся в Париже в августе 1648 года революционной ситуации королевский двор бежал из столицы. Так началась Фронда, в ходе которой буржуазия, испуганная размахом народного движения, изменила ему. Последующее участие феодальной знати во Фронде, так называемая «Фронда принцев», кончается ее предательством интересов народных масс и соглашением с королевской властью. Пафос народных движений не прошел бесследно для Скаррона. Он нашел свое отражение в политических сатирах и комедиях Скаррона, в особенности в его «Комическом романе», проникнутом духом враждебности к буржуазному своекорыстию и дворянскому своеволию и глубокой симпатией к бесправным комедиантам бродячей труппы актеров, подлинным героям романа.

Годы Фронды явились расцветом народно-сатирической поэзии, принимавшей характер бурлеска¹. В ней в одинаковой степени предаются осмеянию и двор во главе с Мазарини и предводители знати во главе с принцем Конде и коадьюктором Ретцем. Особенной популярностью среди народных масс пользуются сатиры и памфлеты, направленные против Мазарини. Эти памфлеты получили название «мазаринад». Об успехе «мазаринад» можно судить по тому, что за короткий промежуток времени их появилось свыше четырех тысяч.

¹ Свое название бурлеск получил от итальянского слова «бурла», что означает — злая шутка.

К этому времени Скаррон был уже признанным метром бурлескной поэзии. В 1643 году вышел первый сборник его стихов («Сборник бурлескных стихов»), затем бурлескная поэма «Тифон, или Гигантомахия» (1644). В годы Фронды бурлескная поэзия Скаррона достигает своего расцвета. Он создает поэму «Вергилий наизнанку» (1648—1651) и свои лучшие комедии. По своему религиозному скептицизму поэмы Скаррона близки таким анонимным поэмам, как «Экстаз Франции, умирающей от любви к распятому Христу, в бурлескных стихах», «Страсти господ нашего в бурлескных стихах» и др., подрывающим авторитет церкви. Не случайно, что бурлескный характер «мазаринад» был причиной того, что они все приписывались Скаррону. В действительности же Скаррон был создателем единственного памфлета против Мазарини, но по своей политической остроте превосходящего все написанные до него. По цензурным соображениям памфлет печатался в Голландии, а затем в тюках товаров был переправлен в Париж. Памфлет вызвал возмущение двора, и выплата пенсии «больному королевы» прекратилась.

Однако Скаррон далеко не разделял и мечты фрондеров о возвращении «дворянской вольности». Совершенно в духе народной сатиры того времени он обрушился на фрондеров, когда стали ясны корыстные интересы, руководившие вождями «Фронды принцев»:

«Пора вам пасть во прах, фрондеры,
О снисхождении моля.
Глупцы, безумцы, горлодеры,
Пора вам пасть во прах, фрондеры.
Вам не сыскать нигде опоры,
Поддержит вас одна петля...
Пора вам пасть во прах, фрондеры,
О снисхождении моля»¹.

В это время у Скаррона зародилась мысль уехать из Франции. О мотивах, побудивших его к этому, он писал своему другу Саразену: «Через месяц моя собачья судьба увлечет меня в Вест-Индию. Прощай, Франция! Прощай, Париж!.. Я отказываюсь от бурлескных стихов, от комических романов и от комедий, чтобы переселиться в страну, где не будет ни святош, ни мошенников, прикрывающихся благочестием, ни инквизиции, ни зимы, убивающей меня, ни флюсов, которые меня уродуют, ни войны, из-за которой я умираю с голоду».

Но поездка не осуществилась. Вскоре он познакомился с совсем юной Франсуазой д'Обинье, внучкой известного поэта-сатирика

¹ Перевод Э. Линецкой.

Агриппы д'Обинье, оставшейся сиротой, без средств существования, решившей идти в монахини. Заметив ее нерасположение к монастырской жизни, поэт как выход из положения предложил ей выйти за него замуж, на что получил согласие. Умер Скаррон в бедности. Окруженный перед смертью своими друзьями, он, по своему обыкновению, шутил, говоря: «Дети мои, вы никогда обо мне не будете столько плакать, сколько я вас заставлял смеяться». Вскоре после смерти Скаррона его вдова была взята воспитательницей детей в дом г-жи Монтеспан, фаворитки Людовика XIV. Там ее увидел король, и дальнейшая судьба вдовы писателя была связана с именем короля, фактически женой которого она стала и получила известность под именем г-жи Ментенон. При дворе Людовика XIV не любили вспоминать о поэте-вольнодумце Скарроне, и, возможно, поэтому вдова Скаррона говорила, что она никогда не была замужем.

* * *

Когда Скаррон пришел в театр, на сцене шли прециозные трагикомедии и пасторали Ротру и Сюдери. Авторы их черпали сюжеты из псевдоисторических и пастушеских романов. На сцене галантные кавалеры и дамы, переодетые в костюмы древнегреческих и римских героев, а подчас и героев Древнего Востока, говорили выпенненным языком о своих любовных страданиях либо изображали жеманных пастухов и пастушек.

«В театре влюбленные все были героями, и всякий раз, когда герой вздыхал по принцессе или пастушке, дуновение его вздохов пригибало к земле деревья во всей округе. Прекрасные глаза обязательно именовались светилами»¹. Даже появление замечательных трагедий Пьера Корнеля «Сид» (1636) и «Гораций» (1640) мало что изменило в театральных вкусах аристократического зрителя, который всему на сцене предпочитал пасторали, мода на которые установилась со времен романа д'Юрфе «Астрейя» (1625). До Скаррона французская сцена была наводнена Цезарями, Лукрециями, Дидонами и Кориоланами. Но репертуар театра не ограничивался серьезными жанрами. Большим успехом пользовался фарс, этот излюбленный со времен средневековья комедийный жанр. Что касается собственно комедии, то она также была лишена значительного общественного содержания. Еще со времен регентства итальянки Екатерины Медичи и царствования ее сына Карла IX во Францию стали приезжать итальянские труппы актеров, в частности комедии масок, кото-

¹ А. Франс, Собрание сочинений, т. 8, стр. 332.

рая к этому времени стала подвергаться все большей и большей аристократизации. Складывающаяся под ее влиянием салонная французская комедия подчас сохраняла итальянские имена своих персонажей и носила черты аристократической фривольности и гедонизма. Излюбленными героями ее были офицер-бахвал, врач-шарлатан, учитель-педант и другие. Порой комедия носила романтический характер, и тогда ее действующими лицами являлись пираты, похищенные девушки и верные рабы.

Простой народ больше предпочитал фарс, который живо откликался на злобу дня.

На рубеже XVI—XVII веков в связи с развитием драматургии фарс стал утрачивать свое значение. Испытывая на себе влияние комедии, он стал превращаться в чисто развлекательный жанр. Но все же в нем еще были сильны черты народности: насмешливое отношение к высшим сословиям, юмор, сочный народный язык, богатый пословицами и поговорками. К тому же отсутствие связного литературного текста и расчет на импровизацию открывали широкий простор для контакта со зрителем, что еще более увеличивало популярность этого жанра.

В молодости Скаррона большим успехом пользовались фарсы, даваемые знаменитым по своей неистощимой веселости трио — Готье Гаргилем, Тюрлюпенем и Гро Гильомом, выступавшими на сцене «Бургундского отеля».

В 30—40-х годах XVII века после смерти Гро Гильома любимцем зрителя становится фарсовый актер Жюльен Бедо, выступавший на подмостках театра Маре под именем Жодле. Современники называли Жодле галльским Денокритом за обличительный характер его смеха. Слава Жодле достигла своего расцвета в годы Фронды, когда он выступил с бурлескными стихами на кардинала Мазарини, обещая «превратить в пепел его святейшество». Популярность Жодле была столь велика, что ему приписывается авторство многих «мазаринад».

На пути создания своих драматических произведений Скаррон обратился к двум источникам. Первый был фарс. Для этого он и привлек на первые роли в своих комедиях Жодле. Вводя фарсового актера в качестве главного литературного персонажа, он, с одной стороны, вносил в комедию утраченный ею дух народности, с другой — расширял содержание фарсового образа, превращая его в литературный персонаж. Что касается композиции и тематики своих комедий, то Скаррон обратился к испанским драматургам позднего Ренессанса — Франциско де Рохасу, Тирсо де Молина, Алонсо Кастильо Солорсано и Кальдерону.

Заемствование сюжетов из уже известных произведений во вре-

мена Скаррона было очень распространено. Так, Мольеру принадлежат слова: «Я беру мое добро всюду, где нахожу». Вместе с тем Скаррону были видны и слабые стороны склонявшейся к закату современной ему испанской драматургии. Подвергая фарсовой обработке то, что он называл «нелепостями испанцев», — ложную аффектацию чувств, манерно-вычурный стиль, псевдоромантические ситуации, — Скаррон стремился к сценическому искусству, понятному народу. В той или иной степени эти явления были характерны для французского театра того времени.

Скаррон широко пользовался бурлеском как средством пародирования всего выпяченного. В человеческих же поступках, освобожденных от корыстных целей и эгоизма, драматург видел романтическую сторону жизни и поэтизировал ее в своих пьесах.

Известность как поэту Скаррону принес созданный им жанр бурлескной поэзии. В своих первоисточниках бурлеск восходит к шуточным народным песням. «Бурла» слышится и в веселом смехе фавлю над незадачливым рыцарем или монахом, и в несложных пьесах ярмарочного театра, и в смехе дзани комедии масок. Дань ей отдали писатели Возрождения Маро и Рабле, Ариосто и Пульчи, Кеведо и Сервантес. Впервые в бурлескном стиле написал поэму «Бурлескные рифмы» итальянский поэт Берни. В ней он пародировал «Влюбленного Роланда» Боярдо. Во Франции слово «бурла» ввел в поэтический лексикон поэт Саразен. Но только у Скаррона бурлеск стал поэтическим стилем многих его произведений и приобрел то значение, с которым он вошел с этого времени в литературу. В бурлескных поэмах боги и герои мифологических сказаний наделяются человеческими слабостями и пороками, действуют в нарочито будничной обстановке и говорят на простонародном языке. Такие литературные пародии назывались «травести», то есть перелицованными или поэмами наизнанку, навыворот.

Одна из первых бурлескных поэм Скаррона, «Тифон или Гигантомахия» (1644), явилась злой пародией на «Трактат о мифологии» итальянского писателя Комеса, пытавшегося толковать древние мифы в духе христианства. Самым значительным бурлескным произведением Скаррона был его «Вергилий наизнанку» (1648—1651). Поэма-пародия Скаррона появилась в годы увлечения «Энеидой» Вергилия в светских салонах Парижа. Салонные поэты превращали Вергилия в идеального певца знати. В покорности Энея року они видели подчинение божественному промыслу, а в эпизодах поэмы, воспевающих любовь Энея к Дидоне, — образец рыцарского служения даме. Ложно понятым были и античные боги: в одних случаях их рассматривали как некие символы, иллюстрирующие догматы хри-

стианской церкви, в других — как аллегорические выражения понятий красоты, любви, искусства и т. д.

Комически изображая героев и богов «Энеиды» и придавая им черты своих современников (горожан, придворных кавалеров, дам-жеманниц, вельмож и т. д.), Скаррон тут же пародирует их, представляя мелочными, тщеславными, подчеркивая в них игру животных страстишек. Это было смешно. К тому же герои Вергилия заговорили у Скаррона языком парижских крючников. На шуточный характер своей поэмы указывал сам Скаррон во вступительных стихах к ней.

Поэме Скаррона присущ жизнерадостный характер. Сатира в ней часто переходит в беззлобный юмор в силу непреложной веры поэта в торжество добра над злом. Поэма «Вергилий наизнанку» проникнута религиозным скептицизмом и чувственным вольномыслием. В смехе Скаррона слышится вызов лицемерной феодально-католической морали, учению церковников о рае и аде. Иронизирует Скаррон и над мифологией, как вымыслом, противоречащим разуму. Написанная выразительным народным языком, проникнутая лукавым юмором, поэма-пародия Скаррона способствовала обращению литературы к жизни, и этим объясняются ее успех и стремление многих поэтов подражать ей.

Широко примененный Скарроном бурлескный прием пародирования античных сюжетов в поэмах-трагедии был также им использован в испанской «комедии плаща и шпаги». В комедиях Скаррона роль грациозо, комического слуги испанского театра, превратившегося к этому времени в стереотипную фигуру, стал играть Жодле. Скаррон влил в этот образ новую жизненную силу, став на путь создания литературного персонажа — слуги во французской комедии. Пародирование же «высоких» сюжетов испанской «комедии плаща и шпаги» на основе фарсовой морали сделало бурлеск комедий Скаррона более грубым, подчас более циничным, нежели бурлеск поэм-трагедии. Существенно новым было и то, что слуги комедий Скаррона уже вырисовываются как социальные типы, а герои его поэм-трагедии в силу переплетения в них мифологических черт с реальными еще в значительной мере живут в мире шуточной перелицовки. Слуги же комедий Скаррона не всегда смешны. Выходя из рамок пародии, они обретают серьезность, и подчас их устами Скаррон осуждает мораль господ.

Но самым замечательным произведением Скаррона был его «Комический роман» (1651—1657), по определению А. Франса, «произведение человека веселого и доброго, книга правдивая и вечная»¹. Верностью действительности, стремлением дать картину нра-

¹ А. Франс, Собрание сочинений, т. 8, стр. 346.

вов и быта, обрисовать разнообразные человеческие характеры и страсти проникнуты страницы этой книги.

Наряду с произведением Шарля Сореля «Жизнеописание Франсиона» «Комический роман» начинает историю французского реалистического романа. По широте охватываемых явлений жизни Франции первой половины XVII века роман Скаррона впервые становится «зеркалом, пронесенным по большой дороге», как его определил спустя около двух столетий Стендаль. Роман Скаррона — это не только комический роман о театре и актерам¹, чья жизнь, полная драматизма, волнует писателя. А между тем эта сторона романа не учитывается французскими исследователями² творчества Скаррона. И в том, что Скаррон противопоставляет миру смешных и порочных обывателей жизнь бродячей труппы актеров, заключена большая правда художника-реалиста. Над комическими персонажами романа актеров возвышает искусство. В лице актеров Скаррон изобразил людей, полных душевного величия и веры в разум. И то, что Скаррон увидел за маской «фигляров и шутов» (так называет хозяин гостиницы в романе актеров) хороших людей и в их полной драматизма жизни раскрыл бесправие простого человека, было победой его реалистического метода и демократических убеждений. Известно, что из среды бродячих трупп комедиантов вышли такие выдающиеся актеры XVII века, как Флоридор, Дюкруази, актриса Шанмеле и знаменитый комедиограф Мольер. Противопоставленная комической части романа, рисующей жизнь обывателей, жизнь актеров (чьи злоключения являются следствием их бедности и сословного бесправия) составляет второй план романа — возвышенный. Герои романа не теряют своего душевного величия, несмотря ни на тяжелые условия своего существования, ни на преследования, которым они подвергаются. Романтичность их Скаррон видит в преодолении буржуазного своекорыстия и сословных предрассудков на основе естественных человеческих чувств: дружбы, любви, верности и товарищества. В этих чувствах и заключается, по мысли Скаррона, истинное счастье; Скаррон любил повторять слова философа Гассенди, что злые люди не могут быть счастливыми. В «Комическом романе», как и в других своих произведениях, Скаррон с помощью смеха обличает пороки современников. Со свойственным ему юмором он пишет: «Моя книга не что иное, как собрание дурачества, и я надеюсь, что каждый дурак найдет в ней свой порт-

¹ См. название комедии Т. Корнеля «*Illusion comique*», что означает «Театральная иллюзия», а также романа А. Франса «*Histoire comique*», в переводе на русский язык «Театральная история».

² V. Fournel, *La littérature indépendante*, P. 1864; Morillot, *P. Scarron et le genre burlesque*, P., 1888.

рет, если он не слишком ослеплен самовлюбленностью»¹. Изображение носителей пороков в образе глупых и неразумных людей восходит к народному творчеству (соти, фарсы, фаблю). До Скаррона этот прием был использован Рабле, Эразмом Роттердамским и другими.

Комический характер романа сближает его как по пародийным целям, так и по содержанию его отдельных эпизодов с бурлескными поэмами и комедиями Скаррона. Образы романа подчас кажутся вышедшими из фарсов и фаблю. Так, совершенно в стиле старинных фарсов Скаррон рассказывает на страницах романа о скупом, торговавшемся накануне своей смерти со священником из-за стоимости своих похорон, о ревнивых мужьях, алчных хозяевах постоянных дворов, лицемерных попах и невежественных врачах.

Большим художественным достижением Скаррона было создание образа Раготена, самовлюбленного и тщеславного педанта, неоднократно являвшегося объектом сатиры во французской литературе XVII века. Одновременно в комедии «Дон Яфет Армянский» в образе дон Яфета Скаррон осмеял те же страсти, что и в Раготене, придав герою комедии лишь более гротескный характер.

Сквозь комические ситуации и сцены романа вырисовывается неприглядная картина возникающих буржуазных отношений. Живой и яркий характер образов, драматический характер повествования «Комического романа» были причиной его театрализации. Французским баснописцем Лафонтеном в соавторстве с актрисой Шанмеле была написана комедия «Раготен или «Комический роман» (1687). Завершили творчество Скаррона его «Трагикомические новеллы», вышедшие посмертно (1662).

Значительное место в новеллах занимает тема «испытание любви» как проверка душевного благородства. Так, честный Ипполит («Больше дела, чем слов») остался верен девушке, которую полюбил, и после того, как она навлекла на себя гнев короля. Ее же жених Проспер, так много говоривший о своих чувствах, отвернулся от нее. В новелле «Невинное прелюбодеяние» дон Гарсиа пренебрег своей знатностью и состоянием ради женщины, которую полюбил. Новеллы Скаррона не лишены юмора. Так, одну из новелл, в которой Скаррон рассказывает о силе любви, он заканчивает в шутовском тоне, говоря не без лукавства, что пылая любовь героев увенчалась успехом и у них было много детей.

Часто легкая ирония, порой шутка призваны в новеллах придать жизненный характер возвышенной трактовке любви.

¹ П. Скаррон, Комический роман, М., «Academia», 1934, стр. 91.

Говоря о новеллах Скаррона, А. Франс писал: «Мольер умно сделал, пользуясь скарбом этого насмешника. Из новеллы, озаглавленной «Лицемеры», он весьма удачно заимствовал кое-что для «Тартюфа»; для «Скупого» — из новеллы «Наказанная скупость». Обе эти вещи, вышедшие из-под пера большого мастера, поражают жизненной правдой и сжатостью. Проза Скаррона превосходная: сочная крепко слаженная, прекрасно звучащая, непринужденная»¹.

В 1645 году на сцене театра «Бургундский отель» была поставлена первая комедия Скаррона — «Жодле, или Хозяин-слуга». Главную роль в своей комедии он отвел Жодле, игравшему роль слуги. Появление фарсового актера в роли главного литературного персонажа комедии отодвигало на второй план ее романтический сюжет, в результате чего все действие оказалось сосредоточенным вокруг Жодле и подчиненным его инициативе. Жодле не только случайно по ходу действия комедии играет роль своего господина, но и является душой комедии, ее центром. Новаторство Скаррона заключалось в том, что Жодле выступает не в обычном окружении комических персонажей, характерных для фарса, а живет в окружении «высоких» персонажей испанской «комедии плаща и шпаги». Более того, сред них он единственный персонаж, действующий не автоматически, в силу сложившихся традиций дворянского кодекса морали, а в силу своего ума и энергии. В то время как в современной ему испанской комедии грациозо (слуга-шут) все более превращался в стереотипный образ, играющий вспомогательную роль, образ Жодле начинает собой галерею инициативных и жизнерадостных слуг во французском театре, устами которых виднейшие французские драматурги, вплоть до Бомарше в комедии «Свадьба Фигаро», подвергают осуждению сословные и религиозные предрассудки. В своей комедии Скаррон на первый план выдвинул пародийную линию. Она достигает кульминации в сценах, в которых Жодле, обменявшись платьем со своим господином, выступает в роли жениха его невесты. В этой роли он заимствует у «возвышенных» персонажей комедии их величественные жесты и прециозный лексикон для выражения страсти или изъясняется в любви своей знатной невесте на языке парижских крючников. Он выступает одновременно и их портретом и карикатурой. Врываясь со своим смехом в круг «высоких» представлений аристократии, он убивает им весь нелепый характер их узкосословной, кастовой морали. Жодле чужды выпренные рассуждения дона Хуана о любви и любовных страданиях. С лукавым юмором говорит он о том, как, став господином, будет сладко есть и спать. Разыгрывая роль простачка, Жодле

¹ А. Франс, Собрание сочинений, т. 8, стр. 346.

с наигранной наивностью просит свою знатную невесту показать то ручку, то ножку, как бы невзначай называет своего будущего тестя филином и просит его не служить ширмой, мешающей ему лицезреть невесту. Продолжая играть роль влюбленного жениха, он тут же осведомляется о приданом своей невесты и приходит в восхищение от двадцати тысяч экю, которые ей предназначены, но, узнав о том, что в результате взятой им роли господина ему предстоит драться с убийцей его брата и обольстителем его сестры, Жодле отказывается от дуэли и иронически замечает своему будущему тестю:

«А кто вам нужен? Сид?

Он вас бы заколол без всяких угрызений,

А сам назавтра бы женился на Химене» (стр. 92).

Оставаясь в пределах бурлеска, Жодле был объектом смеха, чему немало способствовал его внешний облик. Жодле сделал себе длинные усы и черную бороду. С бледным, всегда веселым лицом, густо осыпанным мукой, он одним своим появлением вызывал смех зрителя, который усиливался под влиянием его манеры на смех неожиданно поворачиваться и принимать удрученный вид. К тому же Жодле, подражая Гро Гильому, говорил в нос.

Однако за пародийной ролью, исполняемой Жодле, слышен не только смех фарсового актера, так сказать, «клоунада». Его образ нес с собой радостное восприятие жизни, не искаженное сословными предрассудками. Жодле смешон в роли знатного жениха в доме своего мнимого тестя. Но вместе с тем этот плебей не испытывает никакого душевного трепета и уважения к своим знатым родственникам и чувствует себя в новой роли совершенно свободно. Став на время господином, он награждает тумаками своего ревнивого хозяина дона Хуана. Конечно, это было в духе фарса, но эта сцена особенно нравилась простому зрителю. В его смехе слышалась радость и гордость за Жодле, который принес столько неприятностей знатым господам. Освобожденная от бурлеска мораль пьесы очень проста: Жодле любит жизнь и не любит войны.

«А я так не люблю войны, кровопролитья.

Жизнь хороша! Не прочь подолее пожить я» (стр. 96).

В полном соответствии с учением либертенов Жодле заявляет «своей» невесте:

«Нет, вы мне по сердцу, однако ж вам в угоду

Не стану притеснять я госпожу Природу» (стр. 89).

Чувственное свободомыслие Жодле не имеет ничего общего с разнузданностью страстей у дворянских донжуанов. Так, в другой своей комедии «Жодле-дуэлянт», Скаррон устами слуги Жодле обличает поведение развратного дона Феликса. В той же степени слуги комедий Скаррона, прославляя благотворную силу любви, осуждают и браки, заключенные по расчету («Нелепый наследник»).

Удачей Скаррона было создание образа старого дона Фернана, ничем не напоминающего традиционную маску старика опекуна. Устами дона Фернана Скаррон осуждает предстоящий поединок между доном Хуаном и доном Луисом, называя его резней. С помощью бытовых деталей Скаррон дает картину современных нравов. Так, услышав от Изабеллы, что она не желает выходить замуж за Жодле, дон Фернан говорит о галантных нравах, царящих в салонах, и рисует образ молодого человека, типичного петиметра, о котором мечтает его дочь. Выслушав выпренный монолог Лукреции, старик замечает: «Изысканнейший слог! Как в рыцарском романе».

Интересны в этом отношении «рецепты», которые дает служанка Беатриса дону Луису, поучая его, как следует ухаживать молодому человеку за девушкой. Ее рассуждения полны реминисценций из прециозной поэзии.

«Польстите ей в стихах, хвалу воздайте в прозе
(Невредно помянуть о лилии, о розе);

Пустите в ход мольбы, стенанья, вздохи, плач» (стр. 65).

Вместе с тем комедия Скаррона не лишена поэтических, трогательных сцен. К ним принадлежат сцены, передающие любовь Изабеллы к дону Хуану. Сам дон Луис, нашедший в себе мужество исправить свое поведение, к финалу комедии вызывает симпатию зрителя. Комедия Скаррона следует типичной схеме построения современной ему испанской «комедии плаща и шпаги» с ее запутанной интригой, переодеванием, поединками благородных и гордых идалго. Эти драматические приемы, переходя из одной комедии в другую, имели подчас чисто игровые цели и придавали представлению занимательный характер.

Успех пьесы был большим. Никогда слава Скаррона со времен «Энеиды» не была столь велика. Пьеса неоднократно ставилась при жизни драматурга. Поэт Саразен, отмечая ее успех, писал, что «итальянцы ничего не стоят» в сравнении с Жодле и что Скаррон своей комедией их «выбросил из седла». Жодле стал первым популярным типом французской комедии.

Окрыленный успехом, Скаррон в 1646 году в театре Марс ставит новую пьесу — «Три Доротеи или Обесчещенный Жодле». При после-

дующем переиздании (1652) комедия Скаррона была названа «Жодле-дуэлянт». Это название и укрепилось за ней навсегда. Оно произошло от буффонных сцен пьесы, в которых изображается комическое приготовление Жодле к дуэли со слугой Альфонсом. В этих сценах комедии Жодле в духе фарсовой морали подвергает бурлескному осмеянию дуэль, олицетворяющую один из самых кровавых принципов феодально-родовой морали, по которому оскорбление смывается кровью обидчика. Жодле смешон в роли рыцаря чести, но не менее комичны и сами дуэлянты, осмеиваемые Жодле. Выходя из рамок взятой на себя пародийной роли, Жодле выступает выразителем гуманных отношений. Безнравственным, по мнению Жодле, является то, что расходится с природой человека, которая никогда не должна быть направлена во зло другому человеку. Жодле возмущает развратный образ жизни его господина дона Феликса, который, по мнению слуги, «недостоин человека чести». Понятию дворянской чести, основанной на насилии и обмане, Жодле противопоставляет честь простого человека, основанную на взаимном уважении людей.

Обращает на себя внимание образ дона Феликса, в котором предвосхищены некоторые черты мольеровского Дон-Жуана. Подобно ему, он играет на «слабостях» своей очередной жертвы любви и достигает цели тем, что лжет, льстит и обманывает. С циничной откровенностью он признается в этом Жодле, говоря, что «любить — это его долг», а потому он «лжет без зазрения совести». При этом свою нравственную распущенность дон Феликс оправдывает ссылкой на то, что не каждому дано умение совершать это свободно, без угрызений совести:

«Без угрызений лгать лишь избранным дано,
И это — мой талант. Я им горжусь давно» (стр. 118).

Поведение дона Феликса было характерно для светской молодежи Франции середины XVII века, щеголявшей поверхностным знанием модных философских учений, в частности натурфилософией Эпикура. В доне Феликсе Скаррон и изобразил впервые на французской сцене некоторые черты такой молодежи. В финале комедии предсказанное Жодле возмездие постигает его господина, и судьба незадачливого «соблазнителя женских сердец» вызывает всеобщее удовлетворение.

Что касается дона Гаспара, то он напоминает комический образ хвастливого Капитана из комедии масок. К тому же в комедии он изображен влюбленным и ревнующим, отчего комический эффект усиливается. Героиня же комедии Люсия — это родная сестра отважных и хитроумных девушек Лопе де Вега. Подобно им, в борьбе за право распоряжаться своим чувством вопреки власти родителей Лю-

сия обращается к хитрости, как единственному оружию. Только с ее помощью и используя всю изобретательность своего ума ей удастся избежать брака с развратным доном Феликсом. Обманной «ход» с глухотой, к которому прибегла героиня комедии, вспомнил Мольер, когда писал свою комедию «Лекарь поневоле». В подобной ситуации героиня комедии Мольера Люсинда прибегает к тому же обману, но притворяется не глухой, а немой. Комедия не лишена прямых откликов на злобу дня: таково рассуждение дона Педро (действие IV, сцена III) о дворянах, проматывающих свое состояние, а затем заявляющих, что они разорились на службе у короля. В комедии дуэлянты высмеяны не только в пародийном изображении дуэлянта-Жодле, но и в «серьезном плане» (сцена дуэли дона Феликса с доном Гаспаром). Не менее смешно звучит заявление дона Гаспара, сделанное им под занавес, что запрещение дуэлей может привести государство к гибели.

В том же году, когда появилась комедия «Жодле-дуэлянт», Скаррон ставит свою третью пьесу — «Комедию о Матаморе в бурлескных стихах». Это первая одноактная пьеса на французской сцене. Комедии предшествовали стансы, в которых давался выход Матамора. Скаррон очень удачно воспроизвел эту распространенную во французском театре итальянскую маску Капитана, сочетавшую в себе необыкновенную воинственность с необычайной трусостью. Не случаен был интерес Скаррона к этой маске. Она служила для него источником осмеяния дворянской амбиции, неоднократно подвергавшейся пародированию в его комедиях.

В 1649 году в театре «Бургундский отель» шла комедия Скаррона «Нелепый наследник или Корыстолюбивая девица». Сюжет новой комедии Скаррона отличается большим драматизмом. Действие его разворачивается вокруг стремлений знатной авантюристки Елены Торрес выгодным замужеством поправить свое состояние и войти в высший свет. Стремлениям Елены противостоят умные и честные слуги Филипен и Рокэпин, которые, в отличие от влюбленного в героиню дона Диего, видят ее коварные замыслы. В галерее женских образов, созданных Скарроном, образ Елены Торрес — один из наиболее реалистических. Вместе с ней на сцену входит дух буржуазного своекорыстия и эгоизма. Мир чувств героини подчинен интересам денежного расчета. Свое дальнейшее развитие этот образ получил в пьесе Мольера «Мнимый больной» (образ Белины).

Как и в других пьесах Скаррона, попавшим в затруднительное положение господам на помощь приходят слуги. В комедии слуга дона Диего Филипен, в роли которого выступил известный комический актер театра «Бургундский отель» Филипен, разоблачает знатную

авантюристку. Он представляется «наследником» доном Педро де Буффалосом, которому якобы оставил все свое состояние богатый дядюшка из Америки. Прельщенная мнимым богатством, Елена дает свое согласие на брак с ним и попадает в «ловушку», устроенную предприимчивым слугой.

Войдя в роль «наследника» и пересыпая свою речь как прециозными, так и бурлескными выражениями, Филипен — дон Педро де Буффалос создает первый на французской сцене пародийный образ «богатого выскочки».

Разыграв роль «нелепого наследника», Филипен становится самим собой и как простой человек, дорожащий своей честью, делает заключение:

«Какая мне корысть в своекорыстной даме?
Хозяин мой и тот не стал вожжаться с вами...
Чего мне ждать от вас, когда я небогат?
Вот разве что пинка, как говорится, в зад!
Есть гордость и у нас...» (стр. 241).

Под стать честному Филипену и другой слуга этой комедии — Рокэпин, предостерегающий своего господина от неосторожной женитьбы.

Подобно Жодле из комедии «Жодле-дуэлянт», слуга Рокэпин поучает своего господина. Удивленный разумными рассуждениями слуги, хозяин спрашивает его: «Ты что, мой гувернер иль исповедник мой?» (стр. 196).

Чувственным свободомыслием проникнуты рассуждения Пакэтты, служанки Елены Торрес, о радостях любви, осуждающей меркантильный подход своей госпожи к вопросам брака.

В этой комедии представляют интерес и отношения между Филипенем и служанкой Беатрисой. Их диалоги построены на взаимных пререканиях. Но за колкостями, которые отпускают друг другу герои, слышится столько веселья и неподдельной радости, что читатель охотно прощает героям некоторую грубость их выражений.

Дон Хуан Скаррона — образ петиметра, типичного завсегдатая светских салонов. Это родной брат тех самых пустоголовых маркизов, о которых Мольер писал: «Нынче маркиз самое смешное лицо в комедии»¹. Скарроновский дон Хуан глуп, полон тщеславия и вместе с тем хвастлив и труслив. Дворянская знать, собиравшаяся на спектакль, от души смеялась над любовными страданиями незадач-

¹ Мольер, Собрание сочинений, т. I, М., Гослитиздат, 1957, стр. 524.

ливого героя, не замечая того, что это окарикатуренный портрет многих сидящих в зрительном зале. Комедия не лишена и трогательных сцен. В них изображается любовь Леоноры к дону Диего, спасшему ее во время пожара. Рассуждения Леоноры о любви как свободном чувстве, которому чужды как насилие и принуждение, так и интересы денежного расчета, сближают ее образ с героинями театра Возрождения.

Счастье в добродетели — учил в своей «Этике» любимый Скарроном философ Гассенди. Эту мысль философа повторяет и Леонора. Мужественный поступок дона Диего во время пожара, когда он спасает Леонору, придает его образу идеальный характер. К тому же он скромнен: о его поступке знает только полюбившая его Леонора. Но этот эпизод как бы вынесен за рамки комедии, а в ходе развития ее сюжета дон Диего играет пассивную роль, предоставляя всю инициативу в деле разоблачения корыстолюбивой дамы своим слугам.

Как и предыдущие комедии, эта комедия Скаррона имеет подчеркнuto назидательный характер. В финале добро торжествует над злом, и все кончается веселой сценой между Филипеном и служанкой Беатрисой.

Бурлескное обличение достигает наибольшей силы в пьесе Скаррона «Дон Яфет Армянский» (1652). Что нового дал в своей комедии Скаррон? Центральный персонаж ее дон Яфет (роль дона Яфета играл Жодле) — это не просто хвастливый шут испанской комедии того времени, к тому же одержимый манией величия. Понять образ дона Яфета помогает замечание одного из персонажей пьесы — командора, назвавшего его новым Дон-Кихотом. Конечно, командору было невдомек разобраться во всей сложности гениального творения Сервантеса. Но он уловил ту сторону образа Дон-Кихота, которая оттеняет комизм героя. Этим сравнением скарроновский герой приобретает историко-литературную характеристику. В доне Яфете фарсовыми приемами пародируются нравы современного Скаррону дворянского общества. Так, величественными и одновременно смешными были стремления части дворянской знати в политике повернуть историю ко временам Карла Великого и его двенадцати перов, а в литературе возродить рыцарско-куртуазный кодекс морали. Поэтому совершенно не случайно народная поэзия тех лет, избиравшая объектом своих насмешек фрондирующую знать, обращается к бурлеску и фарсу.

Дворянская амбиция, тщеславие, высокомерие — все, что так мастерски в предшествующих комедиях пародировал Жодле, — с наибольшей полнотой воплотились в образе дона Яфета, о котором его слуга Фукараль говорит, что «казаться большим вельможей — его

конек». Комически нелепыми выглядят притязания героя начинать свою родословную со времен библейского Ноя, а свое прозвище — от Армении, где на одной из гор, по тому же преданию, остановился библейский ковчег. Его рассказы о родстве с императором Карлом V и о своей женитьбе — это пародия на родословное древо, которым кичилась знать. Не менее пародийно звучит и сцена возведения доном Яфетом приставленных к нему слуг в донов. Бурлескному осмеянию подвергается и обычай галантного служения даме с обязательным разыгрыванием серенад под ее окном и вычурный язык, которым влюбленные в поэзии того времени поверяли свои чувства. В эти обычаи «рыцарской куртуазии» входило и обливание из окна служанкой незадачливого кавалера подозрительной жидкостью — участь, не миновавшая и дона Яфета. Дон Яфет смешон в своем самообольщении («значительный вельможа», «влюбленный кавалер», «ближайший друг и родственник императора»), но в нем есть и доля наивности, проистекающей из веры в свое величие и высокое призвание.

Другие действующие лица комедии — Альфонс и Леонора — это типичная пара влюбленных в духе испанской «комедии плаща и шпаги». История их любви, преодолевающей на своем пути все препятствия, чтобы в финале комедии закончиться брачным союзом, — тема, довольно обычная для литературы того времени. В разработке ее Скаррон следовал не столько за Солорсано, сколько за Лопе де Вега. Действительно, в комедии Солорсано «Маркиз де Сигаррал» Леонора и Антонио — довольно скучная пара, напоминающая влюбленных пастушков. К тому же называют они друг друга вымышленными пастушескими именами — Селио и Лаура. Их диалоги — это поэтические упражнения на тему о любви и ревности, они переносят читателя в условный мир пастушеских идиллий, где между дамой и кавалером господствуют законы своеобразного вассалитета. Не то у Скаррона. Поэтическое очарование его образов — в ренессансном характере их отношений. Скаррон подчеркивает, что Альфонс, пренебрегая своей знатностью, отказываясь от равной с ним по положению невесты, переодевается в одежды школяра ради любви к Леоноре, которую все считают дочерью зажиточного крестьянина Жана Венсана. Не менее трогательный характер приобретает и отношение Леоноры к Альфонсу. В связи с этим вызывает интерес образ служанки Марины. Эта умная девушка убеждает Леонору не избегать встреч с Альфонсом и постараться завоевать его любовь. Хотя по ходу действия комедии и выясняется, что Леонора — приемная дочь крестьянина, а настоящие ее родители — знатные люди, от этого любовь не утрачивает своего гуманистического характера. Ведь Альфонс ее полюбил, когда не знал об этом, полюбил за ум и красоту.

Больше чем другие комедии Скаррона, комедия «Дон Яфет Армянский» отличается драматическим единством. Даже «романтический» план комедии включен в действие, развивающееся вокруг дона Яфета. Комедия не лишена злободневности. Известно, что французский абсолютизм широко применял раздачу патентов на дворянство и титулов в борьбе со старым феодально-поместным дворянством. Иронизируя по этому поводу, дон Яфет замечает:

«...Я подношенью рад,
Хотя у нас теперь маркизом стать не шутка,
Все обмаркизились, нехитрая наука.
Сегодня ты — ничто, последний блюдолиз,
И вдруг пожалуйста — на завтра ты маркиз» (стр. 283).

Слуга в комедиях Скаррона, играя роль дворянина, фарсовыми приемами (гротеск, пародийное снижение) разрушал традиционное представление о дворянстве как о «благородном» сословии. В духе персонажей фарса Жодле — дон Хуан, дон Педро де Буффалос, дон Яфет изображены невероятно трусливыми, похотливыми и хвастливыми. В таком изображении сказывалась народная оценка дворянства и своеобразие реализма комедий Скаррона.

Не случайно, что после окончания Фронды Скаррон отходит от жанра бурлескной комедии.

Фронда, обнаружившая противоречия между величественными притязаниями феодальной знати стать во главе нации и корыстными целями, преследовавшимися ею при этом, была благодатной почвой для расцвета бурлеска.

Уже в новой пьесе Скаррона, «Саламанкский школяр или Великодушные враги» (1654), пародия и буффонада уступают место тонкой иронии и юмору. Душой пьесы становится сюжет, о котором Скаррон писал, что это «один из прекраснейших сюжетов на французской сцене со времени замечательной комедии о Сиде». Эту пьесу Скаррон назвал трагикомедией.

Интерес зрителя сосредоточивается вокруг завязывающейся с первых ее сцен интриги, которая по мере развития действия пьесы становится все более сложной. Хотя характеры влюбленных не отличаются глубиной психологических переживаний, они не лишены романтической, которая заключена в преодолении героями сословных предубеждений.

В трагикомедии девушка из знатного рода Кассандра тайно любила сына небогатого дворянина дона Педро, школяра из Саламанки. а сестра его Леонора втайне от родителей встречается с по-

любившим ее графом, братом возлюбленной дона Педро Кассандры. Все это требует от влюбленных смелости, пренебрежения к установленным традициям дворянской семьи, отдающей девушку во власть родителей или старшего брата. Но положение влюбленных осложняется тем, что граф, застигнутый в комнате Леоноры ее отцом, отказывается от женитьбы на ней. Возмущенный старик призывает своего сына дона Педро отомстить за поруганную честь семьи. С другой стороны, дон Педро, защищаясь от наемных убийц, возглавляемых братом графа, мстящим за оскорбленную честь своей сестры Кассандры, смертельно ранит его. Так на графа и дона Педро ложится, согласно феодально-родовой морали, долг мести, который может быть смыт только кровью обидчика. В силу ряда случайностей герои трагикомедии оказываются взаимно обязанными, и тогда перед каждым из них раскрываются положительные качества противника. Ценя друг в друге смелость, мужество, верность данному слову, они проникаются взаимным уважением. Долг мести становится внешним по отношению к их подлинным чувствам. В финале герои женятся на любимых девушках и кладут конец распри.

Действие трагикомедии отличается исключительным драматизмом, чему способствует острота следующих один за другим конфликтов. Живость диалогов — одно из художественных достоинств пьесы. В них каждый из противников, защищая свое положение, напоминает искусного фехтовальщика, стремящегося выбить рапиру из рук противника. Проблема любви и чести, верности данному слову перерастает рамки феодально-родовой морали и звучит гуманистически. Запутанная же интрига, построенная на случайностях, не казалась тогдашнему зрителю искусственной.

Особенно полюбился зрителю образ слуги Криспена, который с этого времени становится одним из наиболее популярных и любимых героев французской сцены за свою неистощимую веселость и в то же время умение философски обобщать жизненные явления. Криспен любит морализировать, говорить краткими и меткими изречениями, подчас весьма обидными для своего господина. С иронией он заявляет, что ум — это природный дар, тогда как галантность — неотъемлемая принадлежность господина. Криспен — это не только инициативный слуга, хороший товарищ, но и неплохой поэт. Песни-шутки, сочиняемые им в стиле фольклора, звучат свежо на фоне господствовавшей во времена Скаррона слащавой прециозной поэзии.

Под стать Криспену и служанка Беатриса. В первых пьесах Скаррона диалоги слуг, следующие за диалогами влюбленных господ, по преимуществу преследовали пародийные цели. В «Саламанкском школяре» отношения между Криспеном и Беатрисой приобретают уже

свой внутренний смысл. Они служат целям раскрытия душевного мира героев. Полные задорного остроумия пререкания Криспена и Беатрисы скрывают за собой их взаимные симпатии.

Криспен своим успехом был обязан тому, что в его образе нашли свое яркое воплощение ум и талантливость простого человека. Криспен не выступает, подобно Жодле, в бурлескных ролях, ему чужд гротескный характер игры Жодле. Это уже не маска фарсового актера, в какой-то мере накладывающая отпечаток комизма даже тогда, когда Жодле говорил мало смешное. Вот почему, когда явления общественно-культурной жизни Франции, вызвавшие их пародирование Скарроном, стали уходить в прошлое, образ Жодле стал постепенно забываться, тогда как образ Криспена надолго пережил его автора.

Вскоре после смерти Скаррона появляется ряд комедий, в которых герой выступает под именем Криспена. В комедии Монфлери «Криспен-дворянин» (1677) герой прекрасно справляется с ролью дворянина, которую он исполняет по ходу действия комедии. Тюллери создал комедию «Криспен-воспитатель» (1679) и «Криспен-острослов» (1681); французский драматург XVIII века Реньяр вывел образ Криспена в комедиях «Любовное безумие» (1704) и «Единственный наследник» (1707). Лесаж обратился к этому образу в комедии «Криспен — соперник своего господина» (1707) и др. Только с появлением комедии Бомарше «Свадьба Фигаро» (1786) образ Криспена стал сходить с французской сцены.

Комедия «Смешной маркиз или Наспех произведенная графиня» (1655) была последней комедией драматурга, поставленной при его жизни. Образ главного героя комедии дона Блеза Поля маркиза де ла Виктуар родствен образу Педро де Буффалосу, герою комедии «Нелепый наследник».

Последние пьесы Скаррона — «Обманчивая внешность» и «Принц Корсар» — вышли после его смерти, в 1662 году. Они ничего не прибавили нового к славе замечательного романиста, поэта и драматурга.

* * *

Обличительный смех и вера Скаррона в человека продолжили гуманизм эпохи Рабле «Гаргантюа и Пантагрюель», утраченный французским театром на рубеже XVI—XVII веков. Его комедии явились как бы связующим звеном между Рабле и Мольером. Они, проникнутые жизнеутверждением и верой в естественные права человека, враждебны учению церкви о загробной жизни и развивают идеи виднейших писателей французского Ренессанса. В истории раз-

вития французской комедии Поль Скаррон является самым выдающимся предшественником Мольера. Подобно знаменитому французскому комедиографу, Скаррон в своих пьесах защищал идею независимости душевного благородства человека от его происхождения и богатства.

Не только к смеху обращался Скаррон, помня французскую народную поговорку, что комическое убивает, он воссоздавал красоту человеческих отношений и поэтизировал ее. В преодолении человеком своекорыстных чувств и эгоизма Скаррон находил источник прекрасного в жизни и поэзии. В произведениях Скаррона всегда побеждают самые смелые и честные, а порочные подвергаются осуждению. Это придает жизнеутверждающий характер его творчеству, в этом ценность и значение его произведений для читателя нашего времени.

В. Лозовецкий

Жогле или
Хозяин-
-слуга

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
МИХ. ДОНСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Хуан д'Альварадо.

Дон Луис де Рохас.

Дон Фернан де Рохас.

Жодле — слуга дона Хуана.

Этьен — слуга дона Луиса.

Изабелла де Рохас — дочь дона Фернана.

Лукреция д'Альварадо — сестра дона Хуана.

Беатриса — служанка Изабеллы.

Действие происходит в Мадриде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

Улица перед домом дона Фернана. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Хуан, Жодле.

Жодле.

Какого в этой тьме вам надобно рожна?
Не то рехнулись вы, не то сам сатана
На гибель нам двоим вас притащил за ворот
В столь непотребный час, в столь непотребный город.
Вы что же, собрались всю ночь, слуге назло,
Тут проваландаться? Мне брюхо подвело.
Когда же наконец я получу свой ужин?

Дон Хуан.

Молчи, дурак. Тот дом, который мне так нужен,
Он в этой улице.

Жодле.

Да где у вас мозги?
Уж полночь пробило, и не видать ни зги,
А вам приспичило врыватья к дон Фернану?

Дон Хуан.

Ты угадал, Жодле. Я отрицать не стану,
Что Изабеллу мне увидеть невтерпеж
Сегодня же, сейчас. Темно — так что ж?

Жодле.

Так что ж?
От этой тьмы у вас и в голове затменье.

Дон Хуан.

Я знаю, что тебе претит ночное бденье;
Ты голоден, устал от долгого пути.
Но согласись — нельзя отсюда мне уйти,
Доколе не узрю любви своей предмета.
Пусть длятся поиски хотя бы до рассвета.

Жодле.

О смертный! Памятуй о том, что в этот час
Все двери заперты и в дом не впустят нас;

О том, что мы с утра, тел не жалея бренных,
Неслись из Бургоса, как двое оглашенных,
Верхом на лошадях и мулах почтовых,
Дабы с невестою мог свидеться жених;
О том, что не к лицу сеньору дон Хуану
Шататься по ночам, как пьяному буяну.

Дон Хуан.

О смертный, памятуй, что человек не скот,
И мыслить лишь о том, как свой набить живот,
Ему несвойственно. Могу сказать прямее —
Что ты животное в обличии лакея.

Жодле.

Ох, не люблю глумцов!

Дон Хуан.

Ох, не люблю обжор!

Жодле.

А пуше не люблю любовный слушать вздор.

Дон Хуан.

О Изабелла! Ты прекрасней всех на свете.

Влюблен в тебя! Хотя видал лишь на портрете.

Жодле.

Взглянувши на портрет, пришли вы, сударь, в раж,

А стоит ли того? Пусть живописец наш

Изобразил на нем смазливую мордашку,

Но тут-то именно и можно дать промашку.

Слов нет, портрет хорош, но вдруг оригинал,

К примеру, глупостью сразит вас наповал?

Вдруг в ротике, что вас пленил кораллом губок,

Гнилые корешки взамен жемчужных зубок?

А вдруг в комплекции есть у нее порок?

Вдруг ваш кумир в прыщах? А вдруг он кривоног?

Вдруг от нее разит, как из помойной ямы?

(Такое качество совсем зарез для дамы.)

А вдруг она тоща, плоска — одер-одром —

И прелести свои снимает перед сном?

Коль втюрились вы зря да, сверх того, заочно —

Не пожалеет вас никто. Уж это точно.

Дон Хуан.

Ну что ты говоришь? Ты изверг! Ты злодей!

Зловреднее тебя на свете нет людей.

Жодле.

Зловредней? Чепуха. Но злее — может статься.

Обрыдло мне впотьмах по улицам слоняться
И делать стойку — тьфу! — у каждого окна.

Дон Хуан.

Жодле!

Жодле. Что?

Дон Хуан. Думаю, одобрит и она

Портрет, который я послал ей.

Жодле.

Ох, едва ли.

Дон Хуан.

Он очень удался.

Жодле

Эх, кабы вы да знали...

Дон Хуан.

Что знал бы?

Жодле. Так и быть, открою вам секрет:

Отправлен-то ей был не ваш, а мой портрет.

Дон Хуан.

Не может быть. Ах, пес! Тебе за это дело

Я выпущу кишки! Дух вышибу из тела!

Жодле.

Хоть выпустить кишки, хоть надвое рассечь

Вольны вы. Но прошу камзол мой побереечь.

Дон Хуан.

В чем дело? Шутки прочь! Шуту и пустомеле

Я славный дам урок.

Жодле.

Ишь, как рассвирепели.

Дон Хуан.

От гнева клокочу. Я даже сам не знал,

Что так могу пылать.

Жодле.

Когда принц-кардинал

Нам дал напутствие, мы с письмами в запасе

Вдвоем из Фландрии пустились восвояси...

Дон Хуан.

Ну, дальше!

Жодле.

Слушайте. Мы, не жалея шпор,

К родному Бургосу неслись во весь опор.

Вот отчий дом. Но что узнали вы на месте?

Ваш старший брат убит, сестру лишили чести,

И где она теперь, кто ведает о том.

Да, вас не больно-то радушно встретил дом.

Дон Хуан.

В тебе нет жалости! Зачем ты дон Хуану

Жестоко бередишь зияющую рану?
Как боль моя свежа! Как боль моя остра!
Неотомщенный брат! Погибшая сестра!
Но кто убийца тот и кто тот соблазнитель?
Пред ними б я предстал как беспощадный мститель
И кровью бы отмыл семьи своей позор...
Но не вернуться ль нам к портрету?

Жодле. Ах, сеньор!
Перебиваете. Чуть я начну — осечка.
А я ведь лишнего не молвил ни словечка.

Дон Хуан.

Ты все же, может быть, свой сократишь рассказ?

Жодле.

Нельзя же говорить обоим нам зараз.
И рта нельзя раскрыть — вот взяли вы повадку.
Уж коль рассказывать, зачем не по порядку?
Про что бишь это я? Черт побери, забыл...
А, про портрет...

Дон Хуан. Как он многоречив! Нет сил.

Жодле.

Еще была свежа сугубая обида,
Когда вам дон Фернан де Рохас из Мадрида
Посватал дочь свою. Узрев ее портрет,
Вы воспылали так, что сладу с вами нет.
И двадцать тыщ экую за ней дают к тому же.
Ну, чем красавица и впрямь не клад для мужа?
Тут пожелали вы ей нанести удар
Ее ж оружием: послать невесте в дар
Ваш собственный портрет, — долг платежом,
мол, красен.

Для девичьих сердец ваш бравый вид опасен,
И этот замысел удался бы, кабы
С ним не пошло вразрез веление судьбы.

Дон Хуан.

Скажи, когда-нибудь ты кончишь эту повесть?

Жодле.

Напомнить вам кой-что, сеньор, велит мне совесть...
Ох, и устал же я, скажу вам напрямик.

Дон Хуан.

Ох, если бы еще устал и твой язык!
Испытываешь ты, Жодле, мое терпенье.

Жодле.

Ваш написав портрет, мое изображение
Решил запечатлеть художник...

Дон Хуан.

Ну так что ж?

Жодле.

И вышел мой портрет до крайности похож;
Фламандец же, добряк, дай бог ему здоровья,
И денег не спросил.

Дон Хуан.

Какое многословье!

При чем тут твой портрет? Что сделал ты с моим?
Сжег, пропил, проиграл? Что приключилось с ним?

Жодле.

Позвольте. Помянув о случае тогдашнем,
Теперь из Фландрии вернусь к делам домашним.
Посылку должен был я отослать в Мадрид.
Но любопытен я (правдивость мне велит
Признать, что водится за мною слабость эта)—
Вам на беду, решил сравнить я два портрета:
Мой, упомянутый, и пресловутый ваш.
И тут, подумайте, — ведь эдакий пассаж, —
В Мадрид отправилось мое изображение,
А ваше — дома. Вот чем кончилось сравненье.
Нечистый, надо быть, тут лапу приложил.
Я так загоревал, что стал и свет не мил;
На время положась (а на кого же больше?),
Три ночи кряду спал крепче и подольше
И вылечился сном. А вы, мой вам совет,
Не злитесь на меня, что подменен портрет,
Хотя вольны слугу отделать на все корки:
Нет мастера на грех, согласно поговорке.
И отпущенье дать невольному греху
Неплохо бы. Вот все, сказал как на духу.

Дон Хуан.

Злодей! Что обо мне она вообразила,
Когда увидела твое свиное рыло?

Жодле.

Должно быть, разглядев портрет со всех сторон,
Она подумала, что вы не Аполлон.
И то, когда б себя мы создавали сами,
Все люди были бы с точеными носами —
С такими же, как ваш, — красавцы на подбор.
А вся история — на пользу вам, сеньор:

Невесте завтра же откроете ошибку,
В награду за рассказ получите улыбку
И, по контрасту, ей понравитесь вдвойне.
Да скажете, потом еще спасибо мне.

Дон Хуан.

Постой-ка! Что за тень там в нише притаилась?
Спроси, где дон Фернан живет.

Жодле.

Ах, ваша милость!..

Дон Хуан.

Тсс! Тише. Что тебе?

Жодле.

А вдруг на мой вопрос

Он не сумеет дать ответ?

Дон Хуан.

Трусливый пес!

Нет, видно по всему, что ты дожدهшься трепки.

Жодле.

От тени? Может быть. Хоть малый я не робкий.

(Этьену.)

Эй, сударь!..

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Этьен, дон Хуан, Жодле.

Этьен. Кто здесь?

Жодле.

Я. Нельзя ль узнать у вас,

Где дом де Рохаса?

Этьен.

А вот.

Жодле.

На этот раз

Был прав хозяин. (Дону Хуану.)

Здесь! Нам надо, слов не тратя,

В дверь эту постучать — и тесть обнимет зятя.

Этьен (в сторону).

Какой же я осел, что указал на дом,

Куда мой господин проник сейчас тайком,

Откуда выйдет он с минуты на минуту.

Сболтнул какому-то бродяге, шалопуту.

Как вывернуться?

Дон Хуан (Этьену).

Здесь?

Этьен.

Да. Только он теперь

Больной и сердится, когда дубасят в дверь.

А вы-то кто?

Жодле.

Кто мы? Любители потемок.

Мой господин — вот он, — он, как и я, потомок
Норвежских лопарей, а надо вам сказать,
У них не принято ни днем, ни ночью спать.
Не спим — и здоровей мы вас и крепче в теле,
В хлеву ль вы дрыхнете, храпите ль вы в постели.

Этьен.

Грабитель? Вот он кто! А ты — его слуга?
Не вы ль меня на днях раздели донага?

Я сразу вас признал. А вы, что, не признали?

Жодле.

Взбесился, что ли, он? Вот не было печали.
Будь мы разбойники, и впрямь моя рука
Уж и намяла бы, любезный, вам бока.

(Обнажая шпагу.)

Беги, покуда цел. Не то вот эта шпага
Войдет в твое нутро, бесстыжий ты бродяга.

(Дону Хуану.)

Сеньор! Я ослабел! Одолевает враг.

Я бледен, видите? Кой черт увидишь — мрак!

Дон Хуан *(обнажая шпагу)*.

Эй, вы! Я преподать сумею грубияну
Урок учтивости.

Этьен.

Я знаю здесь поляну,

Где можно без помех обидчика проткнуть.

(В сторону.)

Мне лишь бы их отвлечь.

Дон Хуан.

Показывайте путь.

(Преследует Этьена, который, фехтуя, отступает и в конце концов спасается бегством.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Хуан, Жодле.

Жодле.

Подрал-то! Словно бы нахлестанный крапивой.

Тыфу, пропасть! Напугал меня кобель паршивый,

Не то бы я его разделал под орех.
Хоть я не трус, а все ж не остеречся — грех...
Ой! Черт несет еще какого-то злодея!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Луис, дон Хуан, Жодле.

Дон Луис (спускается по веревочной лестнице с балкона дома дона Фернана).

Этьен!

Жодле (дону Луису).

Вы кто?

Дон Хуан (Жодле).

Зовет он своего лакея,

Удравшего от нас с такою быстротой.

Дон Луис (в сторону).

Тут кто-то есть. Клянусь, они следят за мной.

Но Изабеллу шум встревожил бы. Я связан

И честью для любви пожертвовать обязан.

Приходится бежать. (Скрывается.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Хуан, Жодле.

Дон Хуан ищет в темноте дона Луиса, но его обнаженная шпага натывается на шпагу Жодле. Тот со страха падает навзничь и брыкается, обороняясь ногами от шпаги своего господина.

Дон Хуан.

Сдавайся иль умри!

Жодле.

Вот лупит! Он меня убьет, черт подери!

Дон Хуан.

Как звать тебя? Ответь иль приготовься к смерти.

Жодле.

Меня зовут Жодле.

Дон Хуан.

О ангелы и черти!

Зачем ты здесь болван? А где ж тот человек.

С балкона?

Жодле.

Он исчез, растаял точно снег.

Трус! То ли спрятался в каком-то подземелье,

То ль в небо взмыл, а мне в чужом пиру похмелье.

Вы прытки: выпады, удары и прыжки...

Мне дважды чудилось, что сталь вошла в кишки.

Сеньор, скажите, — фу, очухался немножко, —
В Мадриде принято гостей спускать в окошко?

Дон Хуан.

Мы не ошиблись?

Жодле. Что? Да как он сверху — прыг...

Дон Хуан.

Я, признаюсь, смущен.

Жодле. Я тоже стал в тупик.

Дон Хуан.

Но опрометчивость лишь повредить мне может.

Жодле.

Сдается мне, сеньор, что вас сомнение гложет.

Дон Хуан.

Да, сомневаюсь я, и есть, признаться, в чем.

Пред тем как действовать, раскинем-ка умом.

Жодле.

Умом? Пожалуйста. Идет. По мне работа.

А размышлять давно не приходилось что-то.

Сегодня я как раз в ударе. Что ж, начнем?

Я приготовился раскидывать умом.

Дон Хуан.

Семейству моему был рок благоприятен:

Взрос я в бедности, но честь была без пятен.

Жодле.

Что ж, дело хоть куда.

Дон Хуан. Знакомство свел с войной.

Но, возвратясь, узнал я о беде двойной:

Сестра увезена (хотя в понятиях чести

Воспитана была), а брат убит на месте.

Скорбь с сердца моего берет двойную дань.

Жодле.

Дрянь дело. Дело дрянь. И трижды дело дрянь.

Дон Хуан.

Потом просватана была мне Изабелла.

Портрет ей послан твой.

Жодле.

Мда. Недурное дело.

Дон Хуан.

Мы путешествие предприняли в Мадрид,

Но прибыли в тот час, когда весь город спит.

Жодле.

Мда. Дело так себе.

Дон Хуан. Пристанища ночного

Не стал искать, стремясь сюда.

Жодле. Зря, право слово.

Дон Хуан.

Какой-то грубиян без видимых причин
На нас напал. То был слуга, а господин
С балкона прыгнул.

Жодле. Трус! Улепетнул без боя.

Дон Хуан.

Я чувствую, что тут не трусость. Тут другое.

Жодле.

С чего же он тогда удрал? Исчез во мгле.
Трусливый вор!

Дон Хуан. Нет, он не вор. Боюсь, Жодле,
Что он — возлюбленный прекрасной Изабеллы.

Жодле.

Фью... Дело скверное. Бывают же пострелы!

Дон Хуан.

Вот мысль, которая в мозгу сидит гвоздем.

Жодле.

Не пораскинуть ли еще, сеньор, умом?

Дон Хуан.

Устал я от твоих дурацких рассуждений.
Но слушай-ка... Любовь, советчик мой, мой гений,
Подсказывает, как прогнать сомнение прочь.
И ты, мой друг Жодле, здесь должен мне помочь.
Мы завтра явимся сюда: ты — дон Хуаном,
А я — слугой Жодле. Согласен с этим планом?
Нам очень на руку, что тут есть твой портрет.

Жодле отрицательно качает головой.

Ты что трясешь башкой — ты не согласен?

Жодле.

Нет.

Не больно-то охоч до маскарадов этих:
Как спрос — мне по горбу, а господин мой — в нетях.
Мне больше нравится раскидывать умом.
К тому же вы, сеньор, подумали о том,
Что ваша милая в меня влюбиться может?
А я — в нее?

Дон Хуан. Тебя пусть это не тревожит —
Моя печаль. Зато я как Жодле смогу
Легко найти того удравшего слугу,
Затеять с горничной любовную интрижку,
Тому дать кое-что, другому — мелочишку
И правду выяснить: задета ль моя честь.
А ты тем временем в три горла будешь есть,
Лить бочками вино в бездонную утробу
И выдавать себя за важную особу.

Жодле.

А что, и вправду ведь мыслишка недурна.

Дон Хуан.

Житейских радостей ты здесь вкусишь сполна.
Завидовать тебе я буду каждодневно,
Кляня свою судьбу,— о, сколь она плачевна!

Жодле.

Для пущей верности, дабы ни у кого
Не зародилась мысль, что тут, мол, плутовство,—
Быть может, раз-другой мне вам намылить шею?
Ведь дон Хуан не прочь дать тумака лакею.

Дон Хуан.

Наедине — изволь. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Жодле, один.

Пришел черед и нам
Отведать барских блюд! Паштетам, каплунам,
Закускам, соусам, всем этим разносолам —
Дорога в мой мамон. А здешним франтам квелым,
Придворным гордецам я, бургосский слуга,
Могу пообещать: наставлю вам рога.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

Зала в доме дона Фернана де Рохаса.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Изабелла, Беатриса.

Изабелла.

Сегодня же тебя из дома прогоню.
И прекрати свою сорочью болтовню,
Не верю все равно.

Беатриса. Скажите хоть на милость,
Чем перед вами я, сеньора, провинилась?

Изабелла.

Ах, только не лукавь.

Беатриса. Да прах меня возьми!
Пусть век не знаться мне с приличными людьми!..

Изабелла.

Довольно. Я божбе не верю, Беатриса.

Беатриса.

Да пусть я от чумы подохну, точно крыса,
Коль перед госпожой я провинилась в чем.

Да разрази меня на этом месте гром!
Кто на меня возвел напраслину такую?
О благе госпожи я день и ночь ревную!

Но так уж повелось — хоть это стыд и срам,—
Не слугам преданным мы верим, но льстецам.

Изабелла.

Конечно, милая, вы, как всегда, невинны:
Вы преданны, скромны, язык у нас не длинный.
И на балкон не вы в ночной прокрались час,
Разувшись, чтобы я не услышала вас.

Беатриса.

О! Подозрение не стоит и полуски:

Там ваши кружева висели для просушки.
Могли украсть. Про них забыла я совсем,
Лишь ночью вспомнила.

Изабелла. А говорила с кем?

Беатриса.

Ни с кем. Молилась я.

Изабелла. Уж что-то громко больно.

Беатриса.

Вы что, не знаете — я очень богомольна.

Изабелла.

А спрыгнул кто потом с балкона? Кружева?

Беатриса.

Да вам почудилось, сеньора.

Изабелла.

Какова!

Не лги. Я видела.

Беатриса. Да, госпожа, вы правы.

Кузен ваш, дон Луис...

Изабелла. Так вот какие нравы

Царят у нас теперь! Кузен мой?

Беатриса.

Дон Луис.

Изабелла.

Как он сюда попал? Зачем он спрыгнул вниз?

Ты что ж, негодница, с ним, стало быть, в комплоте?

Беатриса.

Коль состраданье — грех, — грешна. Вы все поймете,

Лишь выслушать меня извольте.

Изабелла.

Да? Ну что ж,

Я выслушать могу, но если ты солжешь...

Беатриса.

Да если я совру хоть этакую малость —

Гоните с глаз меня. В ловушку я попалась.

К вам вечером вчера явился дон Луис.

Хотела не впускать, но он хитер как лис,

И влез-таки. Шел дождь. Он тут уселся в зале.

Я сторожу его. И вдруг мы услышали:

Отец ваш кашляет. Да, кашлять он здоров!

Первейший из всех мадридских перхунов!

Племянник, услышав, как ковыляет дядя,

Решил, что с ним сойтись, к тому же на ночь глядя,

Ему невыгодно, и — шмыг на ваш балкон.

Я дверь за ним... на ключ. Там и остался он.

Обескураженный досадным приключеньем.
Папаша дал простор своим нравоученьям,
Долгонько нудную тянул он канитель,
Но наконец ушел. Вы улеглись в постель.
Решив, что спит моя сеньора Изабелла,
Богоугодное задумала я дело —
Беднягу выпустить. Но этот озорник
Стал умолять меня: дай, дескать, хоть на миг
Сеньору повидать — вынь да положи сегодня.
Я отповедь ему: простите, я не сводня!
Другая бы сдалась — так этот вертопрах
Молил, слезинки аж блестели на глазах.
Однако же, когда он с жаркими мольбами
Попробовал всучить мне кошелек с деньгами,
Надеть на палец мой алмазное кольцо,
Ногтями чуть ему я не впила в лицо.
Не то чтоб у меня сочувствие пропало, —
Он видный кавалер, таких в Мадриде мало,
И благосклонности достоин он вполне, —
Но воля госпожи всего дороже мне.
Другая бы могла на интерес польститься,
Ручной стать, как овца, а я за вас — как львица.
Увидев, что меня не уломать никак,
Что праведный мой гнев не шутка, не пустяк,
С балкона спрыгнул он. Потом вдруг — лязг и
скрежет,

И вопли дикие: «Ой! Помогите! Режут!»
За что же гоните? Вот вся моя вина.
Ужель за верность вам я пострадать должна?
Мне вечно не везет! Эх, ведать бы да знать бы...
А все из-за того, что я от вашей свадьбы
Вам счастья жду. Есть слух, что прискакал в
Мадрид

Жених ваш, дон Хуан. Уж он-то наградит
Служанку честную.

Изабелла. Что? Дон Хуан? О боже!
Он омерзителен! До ужаса! До дрожи!
Сначала мой кузен, а следом — мой жених.
Да как же смеешь ты навязывать мне их?
И после этого ты хочешь, Беатриса,
Остаться здесь? Ну, нет!.. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Беатриса, одна.

Все из-за дон Луиса.

Чтоб черт его побрал! Проклятый остолоп!
Из-за таких разинь, влюбленных недотеп
Всегда в конце концов останешься в накладе.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фернан, Беатриса.

Дон Фернан.

Ба, слезы! В три ручья! Чего же это ради?

Беатриса.

Да ваша дочь, сеньор, мне хочет дать расчет:

Перечу, дескать, ей. А я — наоборот —

Твержу, что дон Хуан, мол, женишок на славу,

А главное, что вам пришелся он по нраву.

Дон Фернан.

За это выгонять служанку? Что за вздор!

Не бойся. У меня с ней будет разговор.

Зови ее сюда.

Беатриса уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Фернан, один.

Что день, то перебранка.

То госпожа вспылит, то нагрубит служанка.

Порой так схватятся! Все из-за чепухи:

Разбилось зеркало иль пролились духи,—

И сразу же содом. У них такая мода.

Явилась.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Изабелла, дон Фернан.

Дон Фернан.

Слушай, дочь! В такое время года,

Когда везде дают приемы да балы,

Не выгоняют слуг — милы иль не милы.
А вечер с танцами устроить бы нам надо
В честь жениха: я жду Хуана д'Альварадо.

Изабелла.

Вы ждете жениха, чтобы пуститься в пляс?
А я — я смерти жду. Она добрее вас.

Дон Фернан.

Что? Смерть добрей меня? Я, значит, злее смерти?
Чем резать сгоряча, сперва семь раз отмерьте.
Такие дерзости — отцу родному. Срам!
Смотри! Как отхлещу тебя я по щекам —
На них увянут вмиг и лилии и розы.
Не веришь? Думаешь, пустые, мол, угрозы?
Кто надобен тебе? Какой-нибудь сопляк
Из модных в наши дни позеров и кривляк?
Бездарный рифмоплет? Разносчик анекдотов?
Один из нынешних никчемных оборотов,
Шальных паскудников с мозгами набекрень,
Тех, что катаются в колясках целый день,
Вынюхивая дичь да заводя амуры?
И не напрасно ведь: всегда найдутся дуры...
Ты хочешь душой быть? Но я-то не таков
И вразумлю тебя, наставив синяков.

Изабелла смеется.

Тут плакать впору бы, а ты развеселилась?
Негодница! Смешить отца, скажи на милость.
Я с легкостью чужим порывам поддаюсь:
Увижу слезы — в плач, услышу смех — смеюсь.

(Смеется.)

Ха-ха! Не глупо ли?

Изабелла.

Я, батюшка, согласна,

Что гневаетесь вы сегодня не напрасно.

Но можно ль не признать, взглянув на сей портрет,

Что лиц противнее еще не видел свет

И что оригинал, коль есть в портрете сходство,

Не то что грубый скот, но воплощенье скотства.

Дон Фернан (беря в руки портрет).

Не судят по лицу о качествах души:

В ином уроде — тьма достоинств. Не грехи,

Не проявляй в своих суждениях поспешность.
Обманывает нас по большей части внешность.

(Разглядывает портрет.)

Да, не польстил ему, как видно, портретист.
Мой будущий зятек на редкость неказист.
Вовек не видывал такой разбойной рожи!
Я справки наводил, я выбирал — и что же?
Черт под руку толкнул. Ну-ну! Убил бобра!
Однако ж говорят, что в мнении двора
Стоит он высоко. *(Отдает портрет Изабелле.)*

Послушай, Изабелла,

Не дуйся на отца. Уж раз такое дело —
Ты гостю окажи учтивейший прием.
Верь слову моему: поразберусь я в нем,
И, коль он так же глуп, как страхолюден видом,
Ни в коем случае дочь за него не выдам...
Что это? Дама? К нам? Не рассмотреть лица.
Нет, надо проучить лакея-подлеца,
Что посетителей впускает без доклада.
Хозяевам от слуг всегда одна досада.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Лукреция под вуалью, дон Фернан, Изабелла.

Дон Фернан *(Лукреции)*.

Сеньора, вы пришли, скрывая облик свой,
Но кто б вы ни были — располагайте мной.

Лукреция.

От вашей доброты я не ждала иного.

Приюта я ищу. Ради всего святого,

Прошу вас выслушать меня наедине.

Дон Фернан *(Изабелле)*.

Ступай.

Изабелла уходит.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Фернан, Лукреция.

Лукреция *(в сторону)*.

О помощи, мое страданье, мне,

Дай в людях пробудить к моим несчастьям жалость.

О нет, я не ропщу на горькую усталость,

И с облегчением я эти слезы лью:

Казня свои глаза, смягчу вину свою.

Мои глаза! Ввели в соблазн меня не вы ли?

Сгубили честь мою, стыдом меня покрыли!

Преступные глаза! Не вы ль внушили мне

Ту страсть греховную, от коей я в огне?

Так плачьте же, глаза! Наружу, вздохи, рвитесь!

Дон Фернан (в сторону).

Как будто недурна. (Лукреции.)

Сударыня, садитесь.

Лукреция (бросаясь на колени перед доном Фернаном).

О нет! Мне надлежит молить у ваших ног,

Чтоб добрый человек в беде моей помог.

Спасение свое я вижу в дон Фернана.

Дон Фернан.

Изысканнейший слог! Как в рыцарском романе.

(Поднимает Лукрецию с колен.)

Дочь их не жалует, таков ее каприз,

А мне так, признаюсь, по вкусу Амадис.

Лукреция откидывает вуаль.

Сеньора, образ ваш столь сладостен для глаза,

Что вам нигде ни в чем не может быть отказа.

Стремясь вам угодить, лишь слова жду от вас,

Желанье каждое исполню, как приказ.

Лукреция.

Но прежде чем просить к судьбе моей участия,

Поведать я должна вам про свои несчастья.

Кто я — вы сразу же поймете, вспомнив Рим,

Где вы дружили встарь с родителем моим.

Он поминал о вас с любовью сердечной

И мне говаривал: вот рыцарь безупречный.

Дон Фернан.

Ба! Строчка из Мере, я тотчас распознал.

Отличнейший поэт, бьет прямо наповал.

Полезно знать стихи, они бывают кстати,

Особенно когда есть надобность в цитате.

Лукреция.

Что Бургос — родина моя, узнали вы,
Но там же родилась и страсть моя, увы;
Сей город я клянусь за то и за другое.
Меня преследует как бы проклятье злое:
На свет меня родив, мать сразу умерла,
Отца ж в могильный мрак моя любовь свела.
Воспоминания! Они мне горше ада...
Итак, отцом мне был дон Дьего д'Альварадо.
С великим тщанием он воспитал меня,
От всех мирских невзгод и горестей храня.
На дочь он возлагал благие упования.
Увы, напрасными остались ожидания!
И братьев двух моих любил отец равно:
Ум, доблесть, красота — все было им дано.
Я без забот жила, вкушая мир и счастье,
Но разом все спалил пожар любовной страсти.
Однажды в Бургосе турнир устроен был,
И некий юноша приезжий всех затмил.
Поздней мы встретились в собрании многолюдном,
Он подошел ко мне... Порыв был обоюдным.
Он, если не любил — искусно делал вид;
Я поняла — вся жизнь ему принадлежит.
Вам слезы вместо слов расскажут о дальнейшем:
Там скорбью все полно, полно стыдом чернейшим.
Из-за меня, увы, безвременный конец
Нашел мой старший брат, за ним угас отец.
Но, видно, мне любовь рассудок помрачила:
Ни смерть родителя, ни братняя могила
Мной не оплаканы. В течение двух лет
Ждала любовника — его простыл и след.
Когда второй уж год со дня разлуки минул,
Я, видя, что злодей навек меня покинул,
Кляня свою любовь, оставила свой дом
И бросилась сюда, чтоб разузнать о нем.
Он уверял, что мне он верен будет вечно,
Но у таких людей, увы, страсть быстротечна.
Я понадеялась на чары красоты,
Но вижу я теперь, что большей нет тщеты.
Печальным я могу для всех служить примером:
Я поддалась пустым мечтаниям, химерам,
Но тигр безжалостный жизнь растерзал мою,

И, проклиная рок, теперь я слезы лью.
Как надругался он над чувствами моими!
Была фальшивой страсть, фальшивым было имя;
Прозванья, под каким он стал известен мне,
Никто не слыхивал здесь, в вашей стороне.
Раз нет обидчика, нельзя помочь обиде.
Но я уверена, что он живет в Мадриде:
Вчера увидела его я из окна.
Но как же я могу искать его, одна,
Ни имени его, ни где живет, не зная?
Но мне не верится, чтоб воля всеблагая
Могла обиженной на помощь не прийти,
Не помогла бы ей обидчика найти.
О, провидение обманщика накажет.
Но кто же из людей поддержку мне окажет?
И я подумала: не кто, как дон Фернан.
И ваша опытность и ваш высокий сан
Порукою тому, что ждет меня удача.
И вас о помощи я умоляю, плача.
Я заклинаю вас не именем отца,
Но вашей добротой, влекущей к вам сердца.

Дон Фернан.

Я счастлив вам служить. Родитель ваш когда-то
Оказывал мне честь, любя меня, как брата,
И мой первейший долг — вам в горести помочь.
А скрасить ваш досуг моя сумеет дочь.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Беатриса, дон Фернан, Лукреция.

Беатриса.

Племянник ваш, сеньор, вас просит, если можно,
Принять его сейчас — мол, дело неотложно.

Дон Фернан (*Лукреции*).

Я с вами расстаюсь на самый краткий срок.

(*Беатрисе.*)

Ты проводи ко мне сеньору, мой дружок.
Впусти племянника.

Лукреция и Беатриса уходят.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дон Фернан, один.

Как гости нынче рано.
Так это, стало быть, сестрица дон Хуана?
Но будет ли ему приятна встреча с ней?
Как бы там ни было, со стороны своей
Я должен сделать все, чтобы спасти бедняжку...
Любовнички пошли! Им только дай поблажку!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дон Луис с письмом в руке, дон Фернан.

Дон Фернан.

А, дон Луис! Я рад иметь в своей родне
Такого молодца. Итак, с чем вы ко мне?

Дон Луис.

Сеньор! Мне пишет друг, что мне грозит опасность.
Ваш ум, и опыт ваш, и ваша беспристрастность
В делах, которые затрагивают честь,
Конечно, не могли меня к вам не привести.

Дон Фернан.

Во всяком случае, нет никого на свете,
Кто больше любит вас. Не откажу в совете,
А если надобно — меч обнажу за вас.
Не это ли письмо?

Дон Луис.

Я вам прочту сейчас.

Дон Фернан.

И то. Я без очков. Смахнул, да так неловко!
А новых не сыскать: не та теперь шлифовка.

Дон Луис (читает).

«Сегодня выехал отсель
Тот юноша, чей брат уложен вашей шпагой.
Не зная, в чем поездки цель,
Вас упреждаю сей бумагой,
Что он направился в Мадрид
И должно быть вам наготове:
Понеже слух идет — он жаждет вашей крови.
Вас остеречь мне долг велит.
Дон Педро Осорьо».

Дон Фернан.

Где грех был?

Дон Луис. В Бургосе.

Дон Фернан. Убитый — дворянин?

Дон Луис.

Мой близкий друг.

Дон Фернан. Дрались один вы на один?

Дон Луис.

Нечаянный удар. Глухая ночь стояла.

Дон Фернан.

Тогда подробности мне знать бы не мешало.

Дон Луис.

Сейчас вам расскажу.

Дон Фернан. Конечно, в двух словах.

Дон Луис.

Вы, верно, помните о пышных торжествах,
Что длились в Бургосе едва не месяц целый,
Когда рожден был сын великой Изабеллой.
Давнишним другом был я в Бургос приглашен.
Лелеял он мечту — так сообщил мне он, —
Что в состязаниях мы отличимся вместе.
И ждал меня успех на этой славной фьесте:
Быков я поразил немалое число,
И в ряде прочих игр мне так же повезло.
Но, видно, покарать решил меня создатель.
Раз вечером на бал привел меня приятель,
И сердце отдал я красавице одной;
Не скрою, что она равно пленилась мной.
Но в этом счастье был источник всех несчастий.
На следующий день я, вне себя от страсти,
Ее служанкой к ней был в комнату введен.
О, как я был любим! И как я был влюблен!
Однако следует повествовать короче.
Вот раз ужасный стук мы слышим среди ночи.
Я тотчас же вскочил со шпагою в руках,
Любимая свечу задула впопыхах.
Вот взламывают дверь. Во мраке непроглядном
Встречаюсь я с врагом свирепым, беспощадным.
В молчанье бьемся мы, одни клинки звенят;
Как он, я наносю удары наугад.
И вдруг он падает, недвижим, бездыханен,

А я во тьме бегу, хотя я тоже ранен.
Что ж узнаю я днем? Кто мной во тьме сражен?
Тот самый друг, кем я был в Бургос приглашен.
Увы! Ему родной сестрою доводилась
Моя любимая. Но как же получилось,
Что я не слыхивал до этого утра
О том, что у него есть в городе сестра,
Которая живет не дома, но у тетки,
Что не сказал ему о девушке-красотке,
Которую любил, которой был любим?..
Известный в Бургосе под именем чужим,
Я скрылся в тот же день, не вызвав подозренья.
Шло время. Но теперь вдруг — предостереженья.
И за советом к вам я потому прибег,
Что вы — достойнейший, мудрейший человек,
Кому же, как не вам, могу открыть я душу?
Скрываясь от врага, долг чести я нарушу;
Не избегать врага и с ним сойтись в бою,
Прощу ли я себе, когда его убью?
Итак, вы видите — тревожусь я недаром:
И жизнь моя и честь сегодня под ударом.

Слышен громкий стук.

Стучат к вам.

Дон Фернан.

Кто это? Да он сошел с ума!
Так разве ломятся в приличные дома?

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Беатриса, дон Фернан, дон Луис.

Беатриса.

Сеньор, с вас сто эю за свеженькие вести.
Неплохо бы сюда явиться и невесте.
Пожаловал жених. Весь в буклях и кудрях.
Надушен, вылощен, расфранчен в пух и прах,
В камнях, в золоте — что богдыхан китайский.
Видать, он весельчак, но тон крутой, хозяйский.

Дон Луис (дону Фернану).

Что слышу? Ничего не сообщив родне,
Вы дочь просватали?

Дон Фернан. Просватал.
Дон Луис (в сторону). Горе мне!
Дон Фернан (Беатрисе).
Пусть госпожа твоя принарядится спешно
И выйдет к нам.
Беатриса. Бегу! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дон Фернан, дон Луис.

Дон Луис (в сторону).
Ах! Сердце безутешно.
Дон Фернан (в сторону).
Ну-ну! Заходит ум за разум у меня!
Ужели предстоит в моем дому резня?
Обиженный — мой зять, обидчик — мой племянник!

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Изабелла, дон Фернан, дон Луис.

Дон Фернан.
А, дочка!
Дон Луис (в сторону).
Я бешусь!
Дон Фернан. Приехал мой избранник.
Что ж, примем жениха.
Изабелла (в сторону).
Охотней смерть приму.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Жодле, в платье дона Хуана, дон Хуан, переодетый слугой,
Изабелла, дон Фернан, дон Луис, Беатриса.

Жодле.
Шикарно! Я не прочь пожить в таком дому.
Изабелла (в сторону).
Как верен был портрет!

Дон Хуан (в сторону). Совсем как на портрете!
Жодле (оступаясь).

Черт! Слوميшь голову на этаким паркете.

Дон Фернан (Жодле).

Так это — дон Хуан? Мой долгожданный зять,
Добро пожаловать! Позвольте вас обнять!

Дон Хуан (тихо, Жодле).

Ответь.

Жодле (дону Фернану).

Я тоже рад. (Дону Хуану.)

Наш тесть — какой-то филин.

Изабелла (в сторону).

Хорош!

Жодле (Дону Хуану).

Я отческим объятьем обессилен.

Проклятый старикан! Он что, ко мне прирос?

Дон Фернан (в сторону).

Не слишком вежлив зять. Бурчит себе под нос.

Жодле.

Подвиньтесь. В ширмы, что ль, вы нанялись

для дочки?

Дон Хуан (тихо, Жодле).

В уме ты?

Дон Луис (в сторону).

Зять учтив.

Жодле.

Хочу без проволоочки

Невесту разглядеть.

Изабелла.

Что? Это он о ком?

Жодле.

Нельзя ли поглядеть хотя одним глазком?

Я, знаете, в мешке не покупаю кошку —

Пускай покажет мне хоть ручку или ножку.

Я честью вас прошу — подвиньтесь, дон Фернан.

Дон Фернан (в сторону).

А дочка-то права, что мой зятек — мужлан.

Жодле.

Какая скаредность! Да на ее-то месте

Другая б женишка уж чмокнула раз двести.

(Грубо отталкивает дону Фернана и протискивается между ним и Изабеллой.)

Вас просят, черт возьми, подвинуться чуть-чуть.

Дон Фернан.

Ой! Руку вывихнул!

Жодле. Мне вас пришлось толкнуть,
Уж очень я влюблен, мой названный папаша.

(Изабелле.)

А что ж, вы ничего. Приятна внешность ваша.

Но если, барышня, у вас хороший вкус,

То видите и вы, что я — козырный туз.

Ну что? Неправильно?

Дон Луис (в сторону).

Недурно для начала.

Дон Фернан (в сторону).

Вовек не видывал подобного нахала.

Жодле.

Черт побери! Они хохочут мне в лицо?

Я, может, в простоте пустил не то слово?

Столичный лоск. У нас не так глядят на вещи.

Я сяду. Стоя-то обмолвлюсь и похлеще.

Где ваш слуга, сеньор? Мерзавец, верно, пьян?

Дон Фернан (в сторону).

Ну как не повторить, что мой зятек — мужлан.

(Беатрисе.)

Пусть кресла принесут. Нет, гостю то, большое.

Дон Фернан, Жодле и Изабелла садятся. Дону Луису предлагают кресло, но он остается стоять.

Жодле (Изабелле).

А это самое у вас... не накладное?

Тогда по всем статьям вы, черт меня возьми,

Достойны быть моей пред богом и людьми.

Дон Луис (в сторону).

Прелестный комплимент!

Жодле. Что за молодчик хмурый?

Неужто, милочка, у вас с ним шуры-муры?

Изабелла.

О, это мой кузен, любезный дон Хуан.

Дон Фернан (в сторону).

И в третий раз скажу, что мой зятек — мужлан.

Дон Хуан (в сторону).

Уж не из-за него ль была ночная свалка?

Жодле.

Что, у кого-нибудь есть ухоковырялка?
Свою сломал вчера — поковырял в зубах,
А в ухе у меня так засвербило — страх.
Чего гогочете?

Дон Луис *(в сторону)*.

Он — грубая скотина.

(Изабелле.)

Сеньору на вопрос, любезная кузина,
Вы не ответили. Как на невестин вкус,
Действительно ли ваш жених — козырный туз?

Изабелла.

Кузен, с таким, как он, я в первый раз встречаюсь.
Найдется ли ему подобный — сомневаюсь.
Неподражаем он и телом и душой.

Жодле.

И правильно. Так все считают, ангел мой.
Чтоб, дельце закруглив, на сем поставить точку,
С приданным порешим. Мне денежки на бочку.

Дон Луис.

А меркантильность вам, я вижу, не чужда.

Жодле.

Э, нет, любезнейший, все это ерунда;
Я своего прошу, чужого мне не надо.
Не водится жадюг в семействе Альварадо.

Дон Луис.

Что?.. Был ли брат у вас?

Жодле.

Быть был. Из-за угла
Зарезан подлецом. Такие-то дела.

Дон Хуан.

Когда бы дон Хуан знал, как зовут злодея...
Да я бы сам его, от гнева пламенея,
Злой смертью казнил, изрезал бы в куски.
Но он сбежал как вор, убив по-воровски.

Дон Луис *(в сторону)*.

Нет, как вам нравится распущенность лакея?

(Дону Хуану.)

Однако я слышал...

Дон Хуан.

Про этого злодея?

Дон Луис.

...что все произошло случайно.

Дон Хуан.

Это ложь.

Несчастный был убит предательски.

Дон Луис (дону Фернанду).

Хорош!

Ничтожество, слуга, а как в речах он дерзок.

Изабелла (в сторону).

Красив он столь же, сколь его хозяин мерзок.

Дон Луис (дону Хуану).

Ты забываешься.

Жодле.

Не злитесь на слугу.

Дон Луис.

Ну попадешься мне...

Дон Хуан.

Не бойтесь, не сбегу.

Дон Луис.

Благодари судьбу — не место здесь. Иначе...

Жодле.

О, мой слуга не трус, он может дать вам сдачи.

Дон Луис.

Слуга! (Дону Фернанду.)

Вы слышали? Он мне грозит.

Дон Фернанд.

Да-да.

У нашей свадьбы начало хоть куда.

Жодле (Изабелле).

Пока они шумят, мы можем покалякать.

А то, чем разводить чувствительную слякоть,

Сплясали б, душечка.

Дон Фернанд (Жодле).

Успеется. Потом.

Сначала, милый зять, я покажу вам дом;

Хочу, чтоб вы его подробно осмотрели.

Пожалуйста... Прошу дать руку Изабелле.—

Племянник, что же вы? — Прошу, мои друзья.

Жодле.

Чего ж артачиться? Пойдем.

Дон Фернанд.

А вслед и я.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Д о н Х у а н, один.

Итак, моих врагов ждет близкая расплата.
Мне предстоит еще найти убийцу брата,
Найти Лукрецию, несчастную сестру,
Найти того, кто вел с ней гнусную игру
И обольстил ее,— о подлая измена!
А что касается красавчика кузена —
С балкона прыгал он, сомнений в этом нет:
Его слуга — мой друг и выдал мне секрет.
Кто я? Обманутый жених? Предмет насмешек?
Этьен поможет мне, я разгрызу орешек.
О, нареченную проверю я свою.
К любовной сладости вам желчи подолью
И покараю вас, коль скоро добродетель
В разладе с красотой. Бог в этом мне свидетель!

З а н а в е с

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Луис, Этьен.

Дон Луис.

Я тверд в решении. Не приставай ко мне.

Этьен.

Он вами оскорблен уже и так вдвойне:

Обидели его сестру, убили брата.

А нынче вам подай невесту. Многовато.

Дон Луис.

Но за меня, Этьен, настойчивость моя,

Ты с Беатрисою, мой дядя, вся семья,

Сам этот дон Хуан, достойный лишь презренья.

И, наконец, мой друг, всесильное везенье.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Беатриса, дон Луис, Этьен.

Дон Луис.

А, Беатриса, ты!

Беатриса. Как! Это вы, сеньор?

Этьен.

Нет, привидение.

Беатриса. Ну что ты мелешь вздор?

Уж если ты состришь, так глупо и некстати.

Дон Луис.

Что ты расскажешь нам о богоданном зяте?

Беатриса.

О, можно многое сказать на сей предмет.
Как волк, накинулся зятек наш на обед,
Новехонький камзол весь соусом закапал.
Нажравшись, в кладовой улегся прямо на пол
С циновкой в головах — знать, от вина ослаб.
Немного погодя раздался зверский храп,
Так, что посудные задребезжали полки,
А у меня из рук графинчик трах — в осколки.

Дон Луис.

Ах, как мне жаль тебя!

Беатриса.

Ах, как мне жалко вас!

Дон Луис.

Ты — добрый гений мой. Будь у меня сейчас...

Беатриса.

Я тоже говорю, что вы мой добрый гений,
Что нет ни у кого столь щедрых побуждений:
Посулов я таких не слышала ни в жисть.
Ну ничего, ведь я не падка на корысть.

Дон Луис.

Я завтра получу четыреста пистолей,
Довольна будешь ты, клянусь, своею долей.

Беатриса.

Ну-ну. Так слушайте. Ваш дядя вне себя
И дочке закатил пощечину — любя.
Ломает голову, как переделать дело.
Не в меньшей ярости и ваша Изабелла.
Вот времечко для вас — пора домашних смут,—
Железо-то, сеньор, горяченьким куют.
Не в мутной ли воде ловить удобней рыбку?
Смотрите же, сеньор, не сделайте ошибку.
Вам надо свидеться. Бросайтесь же вперед.
Наобещайте ей, что в голову придет;
Польстите ей в стихах, хвалу воздайте в прозе
(Невредно помянуть о лилии, о розе);
Пустите в ход мольбы, стенанья, вздохи, плач.
Пришпорьте выдумку: пускай несется вскачь,
А вы на ней верхом, ну как святой Георгий.
Когда же наконец наскучат ей восторги,
Метните в жениха град ядовитых стрел.
Увидев, что сарказм ей тоже надоел,
Вы на последнюю должны решиться меру:

Смерть на себя призвать, ну в крайности холеру.
Готовьтесь: будет вам немало с ней хлопот,
Но отступление к победе не ведет.
А ежели сеньор слезой мольбы приправит,
То Беатрисочка с триумфом вас поздравит.
Я вижу, дон Луис порядком удивлен,
Что уменьшительный мной суффикс применен.
Все знаю: суффиксы, наречия, приставки...
Один мой родственник торгует в книжной лавке,
И друг его, поэт, решил меня учить —
Хотел грамматикой мне голову вскружить...
Ах, заболталась я! Идет моя хозяйка
С папашей. Спрячьтесь-ка.

Дон Луис прячется.

(Этьену.) Ты, обалдуй, ступай-ка,

Тебе не место здесь.

Этьен. Ты кончишь трескотню?

Беатриса (выталкивая его).

Проваливай, не то и палкой подгоню.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Фернан, Изабелла.

Дон Фернан.

Нет, лучше сто смертей, чем нарушение слова.

Изабелла.

Но...

Дон Фернан.

Но? Ты что, опять перечить мне готова?

Как ни прикидывай, назад отрезан путь.

И свадьбу разве лишь могу я оттянуть.

Такое дьявольски запутанное дело,

Что высохли мозги и лысина вспотела.

Кто зятя оскорбил, тот во вражде со мной;

Но оскорбитель сей — племянник мой родной.

Задета честь семьи. Но как врагу отплатим?

С кем я-то заодно? С племянником иль зятем?

Как дядя я с одним, с другим же я как тесть.

Одно велит мне кровь, велит другое честь.

Изабелла.

Как? Дон Хуана брат пал от руки кузена?

Дон Фернан.

Да. И еще одна тут разыгралась сцена.

И брата умертвил и оскорбил сестру

Все тот же дон Луис. И нынче поутру

Она, придя ко мне, поведала об этом.

Потом сам дон Луис явился за советом:

Как поступить с врагом, приехавшим в Мадрид

И полным горечью смертельных двух обид?

И этот враг — мой зять. Душа и ум в разладе.

Ну как мне поступить — как тестю иль как дяде?

Не правда ль, голову есть от чего терять?

Пойду-ка погляжу, проспался ли мой зять.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Изабелла, одна.

А я оплакивать свой буду горький жребий.

Нет справедливости, как видно, и на небе:

Довольно и того, что гадок мне супруг,

Так нет, я зажжена иной любовью вдруг.

Иль недостаточно с меня одной напасти?

Зачем душа горит в огне любовной страсти?

И кем пленилась я? Не позволяет честь

Мне даже про себя то имя произнести.

Ты, кто не для меня, зачем любим ты мною?

Зачем противен ты, кто дан в мужья судьбою?

И к этим бедам двум — еще одна беда:

Кузен влюблен, а я любви к нему чужда.

Напротив, дон Луис, ты страшен мне и гадок.

Знай, горше жребий мой, хотя и твой не сладок.

Оставь, оставь меня, докучный дон Луис,

Оставь и позабудь любовный свой каприз.

О ты, кто, не стыдясь, в любви мне открывался,

О ты, кто, не стыдясь, в признаньях изливался,

Ты можешь ликовать: ты отомщен втройне.

Судьбой ниспослана тройная кара мне.

Сам посуди: в любви ты признаешься смело,

Открыть свою любовь не смеет Изабелла,

А ненависть к тебе — моя вторая страсть,
И третье чувство — страх, что надо мною власть
Имеет дон Хуан. Мне душу, сердце, разум —
Страх, ненависть, любовь переполняют разом.
О, кто освободит меня от этих мук?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Луис, Изабелла.

Дон Луис.

Я, Изабелла, я — ваш преданнейший друг.
Я вас от жениха избавлю, Изабелла,
Коль скоро страсть моя вам сердце отогрела,
Коль скоро дон Луис, встречавший лишь отпор,
Вам чувство новое внушает с этих пор.
Лишь прикажите мне, и я в усердьи рьяном
Покончу навсегда с ничтожным дон Хуаном,
И нынче ж мой клинок, омоченный в крови,
Докажет вам без слов, что стою я любви.

Изабелла.

Мой бог, мне предлагать подобное злодейство!
Прочь! Если б не был ты член нашего семейства
И не щадила бы я чести родовой,
То мрачный замысел разоблачила б твой.
Ты любишь? И почел любимую способной
Быть соучастницей в твоей затее злобной?
Не обольщайся же, ужасный человек:
Ты только гадок мне и ныне и вовек.
Там, в Бургосе, твори преступные деянья,
Там, в Бургосе, давай пустые обещанья,
Там девушек бесчесть, их братьев убивай,
Как бессердечный зверь, бездушный негодяй,
Отсюда же уйди. Ужели бед мне мало,
Чтоб сверх того еще преступницей я стала?

Дон Луис.

Но я...

Изабелла.

Молчи! Не то я подниму весь дом.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беатриса, Изабелла, дон Луис.

Беатриса.

О господи, прости! Устроили содом!
Потише. Тесть и зять готовятся спуститься.
И могут, этот крик услышав, удивиться.
Куда же, дон Луис, вы денетесь теперь?
Туда — там дон Хуан; а если в эту дверь —
Столкнетесь вы с его слугою миловидным,
А он мне кажется совсем не безобидным.

Изабелла.

Как быть?..

Дон Луис. Когда б я смел...

Изабелла. Уйдите, скройтесь с глаз.

Дон Луис.

Слуга! Я от него устал.

Изабелла. А я — от вас.

Но посоветуй же, что делать, Беатриса.

Беатриса.

Вот страх!.. Не в спальне же нам прятать дон Луиса?

Изабелла.

Где хочешь, лишь бы здесь не оставался он.

Беатриса чталкивает дон а Луиса в комнату Изабеллы.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Беатриса, Изабелла.

Беатриса.

Полдела сделано. Теперь, повысив тон,
Сеньора, на меня накиньтесь с бранью зверской,
Зовите спорщицей, бесстыжей, наглой, дерзкой.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Беатриса, Изабелла; дон Фернан, дон Хуан и
Жо д л в глубине сцены.

Изабелла.

Понятно: объясним тогда и крик и шум.

(Кричит.)

Итак, по-вашему, я потеряла ум?
Вы учите меня, даете наставленья,—
От наглости такой я просто в изумленье.
Мол, дон Хуан урод, мол дон Хуан глупец.
Но раз его в мужья назначил мне отец,
То он мне нравится и я у дон Хуана
Не склонна признавать ни одного изъяна.

Дон Фернан (*подходит к Изабелле*).

На что ты сердишься?

Изабелла. Да так, пропала брошь.

Жодле.

Ну нет, я слышал все. (*Беатрисе.*)

Ты что, мерзавка, врешь?

Скажите! У нее изысканные вкусы,
Я ей не по нутру,— ишь, развела турусы.
Ах, стерва! Ах, свинья! Ах, шкура! Ах, мурло!
Чтоб скрючило тебя! Скорезило! Светло!
Чтоб тумбой счел тебя любой кобель бродячий
И вечно твой подол вонял мочой собачьей,
Чтоб Цербер, адский пес, трехглавый сторож зла,
Твоею требухой нажрался в три хайла.

Дон Фернан (*Беатрисе*).

Ступай-ка вон! — Нет, как дерзка теперь прислуга.

Жодле.

Гнать со двора, и все. Паршивая подлюга.

Я раскусил ее.

Дон Фернан (*в сторону*).

Я просто сам не свой:

Вдруг этот грубиян столкнется тут с сестрой?

Проведать, как она, велит мне чувство долга.

(*Жодле.*)

Я вынужден уйти по делу ненадолго.

Надеюсь, сможет дочь беседой вас развлечь.

Жодле.

Ступайте. Справимся.

Дон Фернан уходит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дон Хуан, Жодле в кресле, Изабелла в кресле,
Беатриса.

Жодле. Так вот... О чем бишь речь?
Ах да. Вы мне милы. Вы — сдобная красotka.
Милы, как дядюшка, в сто раз милей, чем тетка.
Я про свою любовь вам честно заявил,
Позвольте же спросить, как дон Хуан вам мил?

Изабелла.

Хочу вам на вопрос ответить откровенно.
Любовью я была охвачена мгновенной
Сегодня поутру. До нынешнего дня
Была лишь холодность к мужчинам у меня,
Переходившая иной раз в отвращенье.
Так было до сих пор. Но ваше появление
Все изменило вдруг. Как от волшебных чар,
Увы, в моей груди возник любовный жар.
Мне радоваться бы, что вижу вашу страсть я,
Но ощущаю в ней я лишь свое несчастье.
Она — угроза мне, она — мой тяжкий крест,
Хотя мою любовь ваш породил приезд.
При вас есть то, к чему влекусь с восторгом дивным,
Хотя все то, что в вас, мне кажется противным.

Жодле.

Не понял ни черта! Уж больно мудро.
Однако ж, душенька, могу сказать одно —
Что в философии вы, знать, собаку съели.

Изабелла.

Не знаю, как сказать, чтоб вы уразумели.
Люблю, и это вам я повторю сто раз.
И то, что я люблю, находится при вас.
Встречая вас, вдвойне я чувствую волнение:
Ведь здесь предмет любви с предметом отвращения.
Свой вижу я закат и светлую зарю,
От страха трепещу и от любви горю.
Какая в сердце боль! Я ей не знаю равной.
Скрывать? Но от того она лишь станет явной.
А если высказать — души не облегчу,
Но лишь своим врагам оружие вручу.
Ни скрыть, ни высказать, а натянуть личину,

Для горести назвать фальшивую причину?
Но облегчения не даст и маскарад.

Любой из трех путей меня приводит в ад.

Жодле.

Вот речь! — похлеще той. Не понял ни бельмеса.

(В сторону.)

Она влюбилась в нас. Не то какого беса
Девчушка на меня таращилась бы так?
Небось она юлит, да я, брат, не простак.

(Вслух.)

С тех пор как я узрел вас, ангел мой, хранитель...

(В сторону.)

Чем кончить комплимент? Плохой я сочинитель.

(Дону Хуану.)

Я что-то приустал. Эй, малый, продолжай,
Как если б ты был я.

Дон Хуан.

Но сударь...

Жодле.

Негодяй!

Ты, может, вздумаешь мне подавать советы?

Кто здесь хозяин, а? Кому его секреты

Известней, чем тебе, и выгода видней?

Так, стало быть, потрафь сеньору, дуралей.

Дон Хуан (садясь рядом с Изабеллой).

Я должен выполнять веленье господина.

Жодле.

Чего ты оробел? Ты действуй, как мужчина.

Умильно подморгни и прямо, от души,

Про чувства нежные без умолку чеши.

Валяй. Я потопчусь тут у дверей покуда:

Есть дельце важное, обмозговать не худо.

Дон Хуан и Изабелла разговаривают вполголоса.

Беатриса (в сторону).

Когда ж я вытащить смогу из тайника

Кузена чертова? Сваляла дурака!

Жодле (в сторону).

Судьба занятные отмачивает штуки.

Ведь счастье, черт возьми, само плывет мне в руки.
И ежели сейчас я случай упусти,
То промаха себе вовеки не прощу.
Надеюсь, поглядит сквозь пальцы мой хозяин,
А на худой конец — ну, буду я облаян,
Ну, в крайности, избит... Коль час твой подошел,
Не будь дурак — хватай фортуна за хохол.
Спеши, не то она тебя оставит с носом,
К тебе оборотясь затылком безволосым.
А нынче, ей-же-ей, она лицом ко мне.
Нам лишь бы с барышней побыть наедине.
Как к делу приступить? Тут надо покумекать.

(Дону Хуану.)

Тебе что велено? Не экать и не мекать,
И не бубнить под нос. Ты, дурья голова,
Наяривай ей вслух любовные слова.

Дон Хуан.

Раздумий ваших ход боялся я нарушить.

Жодле.

Не важно. Вслух валяй. Желаем мы послушать.

Дон Хуан (Изабелле).

О, если б выразить свои я чувства мог!

Все, что я делаю, — подделка и подлог.

Я появился здесь в несвойственном мне виде,

Быть вовсе не таким мне должно бы в Мадриде;

Лишь я воображу, сколь счастлив будет тот,

Кто вас, о дивная, супругой назовет, —

Я злобу чувствую и страх перед счастливецем,

Короче говоря, я становлюсь ревнивцем.

Итак, вам о своей любви поведал я,

Но увенчается ль успехом страсть моя?

Жодле.

Постой. Теперь я сам. (Изабелле.)

О, если бы могли вы

Узреть моей души приливы и отливы —

Она... ну, как это... могла бы воспарить...

Эх, если б, черт возьми, не потерял я нить,

Я вас бы удивил развитием этой мысли.

С чего бы это вдруг мозги мои раскисли

И память подвела? От счастья видеть вас?

А может, сглазил кто? (*Беатрисе.*)
Ох, и недобрый глаз
У этой гадины. Проваливай, чертовка!
(*Дону Хуану.*)

И ты, Жодле, ступай. Ты изъяснился ловко,
Но я подбавлю ей кой-что.
Изабелла. Наедине?
Что будут говорить?
Жодле. Что так угодно мне.
Изабелла.
Пусть Беатриса здесь останется хотя бы.
Жодле.
Вольготней будет нам без этой скверной бабы.
(*Выталкивает Беатрису.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Дон Хуан, Жодле, Изабелла.

Жодле (*Изабелле*).
Пойдемте на балкон. Слышал я от людей,
Что воздух, дескать, там и чище и свежей.
Изабелла.
Люблю по вечерам смотреть с балкона вдаль я.
Дон Хуан (*в сторону*).
Какого дьявола! Куда он гнет, каналья?
Я послежу за ним. (*Прячется.*)

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Жодле, Изабелла.

Жодле. Ну, душечка, за мной.
Изабелла.
Увольте, сударь. Я отсюда — ни ногой.
Жодле.
Отсюда — ни ногой? Поди ж ты, как упряма.
Да ведь и я — кремень. Не погляжу, что дама.
Пойдемте. (*Хватает Изабеллу за руку.*)
Изабелла. Боже мой! Не смейте! Вы наглец!

Прочь руки! Что ж это такое, наконец?
И я еще жива? Благое небо, где же
Спасенья мне искать от мерзкого невежи?
Ужели только смерть меня освободит
От этих грубых лап? О неизбывный стыд!

Жодле.

Зря ерепенитесь. Пойдите, королева!..

Изабелла.

Гнуснейший из людей! Я вне себя от гнева.
Увы, дочерний долг сдержаться мне велит,
Не то бы вырвала я из твоих орбит
Бесстыдные глаза вот этими руками.

Жодле.

Я поцелую их, и мы поладим с вами.

Изабелла.

Еще что! Грубиян! Пустите!

(Вырывается и убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ДВЕНАДЦАТОЕ

Дон Хуан, Жодле.

Дон Хуан. Ах, злодей!

Ты, показалось мне, целуешь ручки ей?

Жодле.

Я—ей? Она сама мне целовала руки.

Дон Хуан.

Смеешься, висельник? Смотри! Брось эти штуки.

Ты мне поплатишься за выходку свою.

Сейчас я проучу паршивую свинью!

Пьянчужку дерзкого! Бесстыжего нахала!..

(Колотит Жодле кулаками и пинает ногой.)

Жодле.

Ой! Ой! Сеньор!

Дон Хуан. Прохвост!

Жодле.

Ой, в бок! Ой, под дыхало!

Помилуйте, сеньор!

Дон Хуан.

Жаль, палки нет сейчас,

Не то бы я тебе все кости перетряс...

Она!..

ЯВЛЕНИЕ ТРИНАДЦАТОЕ

Изабелла, дон Хуан, Жодле.

Жодле (*кидаясь на своего господина и осыпая его ударами*).

Ах, сукин сын! Шутить над Изабеллой!
Ты, стало быть, почел ее красу незрелой?
Ее по косточкам он, вишь ты, разобрал.
Прохвост!

Изабелла. Не смейте бить!

Дон Хуан Мучитель!

Жодле. Вот нахал!

Башку тебе сверну! Переломаю кости!

Изабелла.

Да что он сделал вам?

Жодле. Я лопаюсь от злости.

Глядите на него. Мерзавец! Архиплут!

Таких мошенников жалеть — напрасный труд.

Ты, значит, говоришь, что, мол, она дурнушка?

Что глуповата, мол? Ах дерзкий ты пьянчужка!

Изабелла.

Ужель он обо мне так отозваться мог?

Дон Хуан (*в сторону*).

Коль стану возражать, откроется подлог.

(*Вслух.*)

Я не имел в виду...

Жодле. Ступай, невежда жалкий.

Проваливай быстрее, не то огрею палкой.

(*Изабелле.*)

Сегодня ж выгоню. Ливрею отниму.

Изабелла.

Ах нет! Я вас прошу вину простить ему.

Пожалуйста. (*В сторону.*)

Хоть он насмешник злоязычный.

Дон Хуан (*в сторону*).

Скажи, какой подвох устроил плут двуличный.

Никак не мог я ждать столь дерзостных проказ.

Жодле.

Мой ангелок, на миг я покидаю вас.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТЫРНАДЦАТОЕ

Изабелла, дон Хуан.

Изабелла.

Жодле!

Дон Хуан.

Сударыня?

Изабелла (в сторону).

Краснею от смущенья.

(Дону Хуану.)

Была исполнена я нежного томленья,
Внимая сладостным, возвышенным словам;
Однако ваш сеньор в уста вложил их вам,
И чувство внушено мне, верно, дон Хуаном.
Когда меня своим пленяли пылом рьяным,
Вы были — дон Хуан. А ныне вы — Жодле.

Дон Хуан.

Ах! Счастья полного не знать мне на земле,
Коль вы не станете супругой дон Хуану.

Изабелла (в сторону).

Я для него ничто.

Дон Хуан. Мечтать я не устану

Об этой радости, скажу вам не тая.

Изабелла.

Так будьте счастливы, лишь в этом цель моя.

(Отходит в глубину сцены и разговаривает с вошедшей Беатрисой.)

Дон Хуан (в сторону).

Да, счастлив буду я. Но прежде я намерен
Увериться вполне, что мой кумир мне верен.

Но радостных пока не вижу я примет:

Все обвиняет вас, защиты же вам нет.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТНАДЦАТОЕ

Изабелла, Беатриса.

Беатриса.

Ушел он наконец, красавчик этот сладкий?
Бедняга дон Луис — он все играет в прятки.
Я выпущу его.

Изабелла. А тот?

Беатриса. Ушел.

Изабелла. Ну что ж,
Кузена выпустишь и в сад ко мне придешь.
Смотри поторопись. (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТНАДЦАТОЕ

Лукреция, Беатриса.

Беатриса.

Какое невезенье!

Черт, что ли, подослал мне это привиденье?
Чума ее возьми! Вот плакса. Все ревет.
А за дверьми сидит влюбленный обормот!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ СЕМНАДЦАТОЕ

Лукреция, одна.

Я этот дом почла гостеприимным домом,
Но странным, признаюсь, удивлена приемом.
«На самый краткий срок я покидаю вас», —
Он мне сказал. Я жду: идет за часом час.
Иль, пригласив меня здесь, у него, остаться,
Он вдруг по городу задумал прогуляться?
Но слышала меж тем я громкий разговор,
Визг, вопли, шум борьбы, ожесточенный спор.
Нет, в их сочувствие я не имею веры.
Пусть видят, каковы учтивости манеры:
Пред тем как навсегда покинуть этот дом,
Я вежливо прошусь. С кого же мы начнем?

Кто в этой комнате? Должно быть, Изабелла.
И дверь не заперта. Могу войти к ней смело...
Мужчина?.. Что это? О боже! Это — он!
И скрыться некуда...

ЯВЛЕНИЕ ВОСЕМНАДЦАТОЕ

Дон Луис, Лукреция.

Дон Луис. Я, право, утомлен.
Наверно, обо мне забыла Беатриса.

(Лукреции, принимая ее за Изабеллу.)

Как, Изабелла, вы? Зачем от дон Луиса
Вы убегаете? Я вас не оскорблю,
Не причиню вреда. Лишь выслушать молю.
Я полон искренней, глубокой к вам любовью.
О нет, я прибегать не стану к многословью,
Не стану докучать. От этого далек,
Я только вам хочу ответить на упрек.
О Бургосе вы здесь упомянули в гневе,
О преступлениях моих, о некоей деве...
Но, вашу гордую увидев красоту,
Кто с вами бы посмел поставить рядом ту,
С которой я в любовь играл в год позапрошлый,
Особу с внешностью обыденной и пошлой.
Приволокнулся я, но не любил отнюдь;
Ее из жалости не смог я оттолкнуть.
Под именем чужим и под покровом ночи
Я навещал ее раз пять иль шесть. Короче,
Давно покинул я те скучные места
И не слышал о ней.

Лукреция *(откидывая вуаль)*.

Бессовестный! Вот — та,
С которой ты в любовь играл в год позапрошлый,
Особа с внешностью обыденной и пошлой,
Та, для которой ты — источник страшных бед,
Та, кто жива, мертва, любима или нет,
Стоять перед тобой укором будет вечным
За то, что был ты с ней таким бесчеловечным.
Изменник! Для чего ты волновал мне кровь,

Зачем ты, не любя, выказывал любовь
И называл меня своей души царицей?
За легковерие мне воздано сторицей:
Увы, предательски ограблена кругом,
Я потеряла все — честь, брата, отчий дом.

Дон Луис хочет уйти.

Ты хочешь ускользнуть? Убийца! Соблазнитель!

(Кричит.)

На помощь! (Дону Луису.)

Берегись, еще найдется мститель.

Дон Луис.

Сударыня, прошу...

Лукреция.

Предатель! Гнусный лжец!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТНАДЦАТОЕ

Дон Жуан, Лукреция, дон Луис.

Дон Жуан.

Что здесь за шум?

Лукреция.

Кого я вижу? Мой творец!

Дон Жуан (в сторону).

Моя сестра!

Лукреция (в сторону).

Мой брат!

Дон Жуан (в сторону).

В душе и боль и злоба.

Как очутились здесь? Зачем сошлись тут оба?

Дон Луис (в сторону).

Как злобно он глядит.

Дон Жуан (в сторону).

Я знаю, что сестра...

Преступна. Но сейчас приспела ли пора

Без доказательства ей бросить обвиненья?

Сначала надлежит проверить подозренье.

(Лукреции.)

Несчастливая!

Лукреция (*ища защиты у дона Луиса*).

Сеньор!

Дон Луис (*дону Хуану*).

У нас с ней счеты есть,

Но ты-то здесь при чем?

Дон Хуан.

Руководит мной честь.

Дон Луис.

Ты разве не лакей?

Дон Хуан.

Служу я дон Хуану;

За честь его всегда своею грудью стану.

Лукреция (*в сторону*).

Переодет слугой. Какая в этом цель?

Дон Луис.

Я в споры не вступал со слугами досель,

А этот на меня окрысился вторично.

Лукреция хочет уйти, дон Хуан ее удерживает.

Дон Хуан.

Ни с места. Как вы здесь? Молчите вы? Отлично.

Однако только что я слышал крики.

Лукреция.

Да...

Предполагала я, когда вошла сюда,

Что Изабелла здесь. Но вижу вдруг — о боже! —

Сеньора этого. Напугана до дрожи

Внезапной встречею, я испустила крик;

Он ускользнуть хотел, однако в этот миг

Вы отворили дверь, и ваше появление...

Дон Хуан.

Достаточно. Сеньор нанёс нам оскорбленье,

И здесь прольется кровь. Итак, дверь на запор.

Лукреция (*в сторону*).

О! Я сейчас умру от ужаса.

Дон Хуан (*с обнаженной шпагой в руке*).

Сеньор,

Прошу!..

Дон Луис (*обнажая шпагу*).

Пора кончать с разнузданным лакеем.

Дон Хуан (*делая выпад*).

Держитесь!

Лукреция.

Ах!

Слышен стук в дверь.

Дон Луис.

Стучат.

Дон Хуан.

Не важно, мы успеем.

ЯВЛЕНИЕ ДВАДЦАТОЕ

Дон Луис, Лукреция, дон Хуан; дон Фернан, Изабелла и Беатриса за дверью.

Дон Фернан.

Дверь надо выломать.

Лукреция.

Сейчас я отопру.

Дон Хуан (*тихо, Лукреции*).

Коль выдашь, я убью преступную сестру!

Лукреция (*кричит*).

На помощь!

Дверь распахивается под напором дон Фернана.

Дон Фернан.

Стой! Того, кто меч не вложит в ножны,

Я сам проткну насквозь. Так будьте осторожны.

Мне мало нынче бед — еще одна беда.

(*Дону Луису.*)

Скажите, дон Луис, кто вас впустил сюда?

(*Лукреции.*)

А вы, Лукреция? Зачем вам нужно было

Спуститься вниз? (*Дону Хуану.*)

А вы? Какая злая сила

Подзуживает вас все время на грызню?

Дон Луис.

Позвольте объяснить...

Дон Хуан (*прерывая*). Я лучше объясню.

Но два вопроса вам хочу задать сначала.

(*Указывая на Лукрецию.*)

Взаправду ли она приюта здесь искала?

(*Указывая на дон Луиса.*)

И он взаправду ли не домочадец ваш?

Дон Фернан.

Все это так.

Дон Хуан. Тогда поймите, что не блажь
Руководила мной. Случилась эта ссора
Затем, что я спасал честь своего сеньора.
Ведь это долг слуги, не правда ли?

Дон Фернан.

Ну да.

Дон Хуан.

И дело было так. Я слышу крик. Сюда
Со всех бросаюсь ног из комнаты из дальней
И вижу: дон Луис у Изабеллы в спальне.
Нетрудно вам понять Лукреции испуг,
Когда она, войдя, с ним повстречалась вдруг.
Должно быть, он с утра здесь в комнате таится:
Днем не входил никто, могу вам поручиться.

Дон Луис *(бросаясь к нему)*.

Ого! Ты чересчур догадлив для слуги.

Дон Фернан их разнимает.

Дон Хуан.

Я кончу. Дон Хуан и дон Луис — враги:
Нарушил дон Луис учтивости пределы.
Обижен здесь жених сеньоры Изабеллы
И брат Лукреции. Не вправе ль дон Хуан
Вдвойне потребовать, чтобы отчет был дан.
И у его слуги двойная есть причина,
Чтоб им прикончен был обидчик господина.

Дон Луис *(бросаясь к нему)*.

Прикончен, говоришь? Да ты сперва начни!

Дон Фернан *(разнимая их)*.

Стой! Дон Луис! Жодле! Тьфу, спятили они.
Вовек не слыхивал истории подобной.

Дон Хуан.

Я все-таки его отправлю в мир загробный!

Дон Фернан.

Жодле! Я попрошу в ножны вложить клинок.

Изабелла *(в сторону)*.

Однако он горяч. Но кто бы думать мог,
Что ревновать слуга способен за сеньора.

Дон Хуан.

Нет, миром кончиться не может эта ссора.
Однако, дон Фернан, из уваженья к вам

И дому вашему не буду я упрям
И меч вложу в ножны, но обещайте оба
Мне вот что: первое (*указывая на Лукрецию*) —
должна сия особа,

Лишь только дон Хуан вас побудит к тому,
Незамедлительно быть выдана ему;
Второе — дон Луис сразится с дон Хуаном.

Дон Луис.

Мне в договор вступать с каким-то грубияном?
Я слова своего лакеям не даю.

Дон Хуан.

На дон Хуана честь смотрю как на свою.
Не дон Хуан, так я, но будет — вы поверьте —
Один из нас двоих причиной вашей смерти.

Дон Фернан.

Мы это выполним. (*Дону Луису.*)

Племянник!

Дон Луис (*дону Фернану*). Если вам
Уж так желательно, ему я слово дам.

Дон Хуан.

Я, в свою очередь, даю вам также слово:
Не стану затевать здесь ничего такого,
Чего сам дон Хуан одобрить бы не мог.

Дон Луис.

Я завтра отыщу его.

Дон Хуан. Путь недалек.

Дон Фернан.

Я сам пойду за ним.

Дон Хуан. За кем?

Дон Фернан. За дон Хуаном.

Дон Хуан (*в сторону*).

Боюсь, что мы найдем его мертвецки пьяным.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Лукреция, Изабелла.

Лукреция.

Я вашей добротой побеждена всецело
Но все же я ваш дом оставлю, Изабелла.

Изабелла.

Как! Значит, вы от нас хотите ускользнуть?
Отец мой глуповат, по-вашему? Ничуть!
Он, тайну разгадав, надеется, конечно,
Вас с братом примирить. К чему бежать так
спешно?

Я верю — дон Хуан не причинит вам зла.

Лукреция.

Нет, он неумолим, бесчувствен, как скала.
Зачем, зачем вам здесь несчастное создание?
Ведь к свадьбе не идут ни вздохи, ни стенанья.
Скажу еще (и пусть мне смерть за то грозит),
Что дон Хуан не тот, кем кажется на вид...

Изабелла (замечая Жодле).

Ах! Он идет сюда. Скрывайтесь же! Скорее!
Нет-нет, вот в эту дверь. Пройдя по галерее,
Через минуту вы окажетесь в саду.
Я спрячусь здесь пока, а позже к вам приду.

Лукреция уходит, Изабелла прячется.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жодле, один.

(Ковыряя в зубах зубочисткой).

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

Люблю я лук, люблю чеснок,
И если маменькин сынок,
Изнеженный молокососик
Спесиво свой наморщит носик
И поднесет к нему платок:
«Фи! Что за мерзкая вонища!» —
Ему я тотчас нос утру:
Мне по нутру простая пища,
Зато мне спесь не по нутру.

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

Доволен я своей судьбой.
Живу, как человек простой,
Я по-простецки, без амбиций,
А ежели быть важной птицей —
Чуть что, поплатишься башкой.
Иду проторенной дорожкой
И счастлив оттого стократ,
Что родился я мелкой сошкой,
Что я не принц и не прелат.

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

Когда в конце концов поймешь,
Что рано ль, поздно ли пойдешь
Ты на обед червям могильным
(Во рву ли, в склепе ли фамильном),
То эта мысль — как в сердце нож.
А если так, то неужели
Мне из-за пары оплеух,
Во имя чести на дуэли
Досрочно испустить свой дух?

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

Когда невежа брадобрей
Мужицкой лапищей своей
Хватает важного вельможу
И мнет сиятельную рожу,
Вельможа терпит, ей-же-ей.
Я человек не столь уж гордый,
Чтоб от пощечин в драку лезть.
Уж лучше жить с побитой мордой,

Чем лечь во гроб, спасая честь.
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо
Иного тешит целый день
Воинственная дребедень:
Ему до тонкости знакомы
Все фехтовальные приемы,
И метко он палит в мишень.
Мне дурни дуэлянты жалки,
К чему за оскорбленье мстить?
Раз в мире существуют палки —
Кому-то нужно битым быть.

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Ответьте на вопрос мне вы,
Неустрашимые, как львы,
Глупцы, влюбленные в дуэли:
Неужто вам и в самом деле
Щека дороже головы?
Не лезь в сраженья, жив покуда.
Пред тем как искушать судьбу,
Спросить покойников не худо,
Приятно ль им лежать в гробу.

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Беатриса, Жодле.

Беатриса.

Сеньор! А мы-то вас искали — сбились с ног.

Жодле.

Но я не прятался. Кому бы это мог

Понадобиться я?

Беатриса.

Да многим: дон Фернану,

Его племяннику и этому смутьяну,

Лакею вашему.

Жодле.

Я заходил к дружку.

Отведал там мясца, наелся чесноку,—

Полакомиться властью мне подвернулся случай.

Отменный чесночек, ядреный да пахучий.
Что у тебя за ключ?

Беатриса. Ваш тесть назначил вам
Другую комнату; удобней будет там.

Жодле.

С чего бы это, а? Дурацкие причуды.

Беатриса.

Он опасается — вдруг выйдут пересуды:
Нельзя, чтоб рядом спал с невестою жених.
Ведь злые языки...

Жодле.

А мне плевать на них.

Я тоже языкаст, схвачусь хоть с чертом лысым...
Канашка!.. Сызмальства тянусь я к Беатрисам.

Беатриса.

Как к дон Хуанам — я. Чуть к нам вы в двери —
шась,

Я так и обмерла: мне от него пропасть.

Жодле.

Ах, поросеночек!..

Беатриса.

Полегче, сударь, что вы!

Жодле.

Ты не покажешь ли апартамент мой новый?

Беатриса.

Как притки вы, сеньор. Пожалуйста, без
рук.

Жодле.

И пальцем вишь не тронь. С чего бы это вдруг?

Скажи пожалуйста, какая недотрога.

Уж больно о себе ты возомнила много.

Беатриса уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Изабелла, Жодле.

Изабелла.

Вот как? Занятие — вполне для жениха.

Жодле.

Развлекься я хотел. Не вижу в том греха.

Изабелла.

Чего ж, сеньор, могу я ждать от брака с вами?

Жодле.

Не бойтесь, душенька, остепенюсь с годами.

Изабелла.

Дать пищу можете вы для дурной молвы.

Боюсь, не столь уж я вам дорога, увы.

Жодле.

Нет, вы мне по сердцу, однако ж вам в угоду

Не стану притеснять я госпожу Природу.

Я ей служу, она — моя родная мать,

И ежели кому не нравится — начхать.

Изабелла.

Чтоб вы не гневались, я лучше вас покину.

Жодле.

Ну что ж, красавица!..

Изабелла уходит.

Ишь, скорчила мне мину.

Нет, взялся за нее я не с того конца.

Хотя не изо льда у барышень сердца,

Но обращением галантным их проймае ль?

Нам правду говорит философ Аристотель,

Что бабу ни о чем нельзя просить. Ей-ей!

Приказывай, и все. Не слушает — побей.

Лишь этак вразумишь и барышню и шлюху.

Сначала — за косы, потом дай оплеуху,

А если палкою разок ее огреть —

Во всем она с тобой согласна будет впредь...

О черт! Еще один ревнитель благонравья.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Фернан, Жодле.

Дон Фернан.

А, вот вы наконец!

Жодле.

Ага. Как ваше здоровье,

Почтеннейший Фернан?

Дон Фернан.

Я всюду вас искал,

Чтоб сообщить... Но вам Жодле уже сказал?

Жодле.

Мы с ним не виделись.

Дон Фернан. Вам должен сообщить я —
Пренеприятные произошли события.

Жодле.

Да ну?

Дон Фернан.

Вам предстоит (тревожусь я за вас)...

Жодле.

Что предстоит?

Дон Фернан. Увы, прогулка...

Жодле.

Вот те раз!

Чего ж боитесь вы?

Дон Фернан. Прогулка с тайной целью:
Боюсь, что пахнет тут дуэлью.

Жодле.

Как? Дуэлью?

Вот огорошили! Добро бы, вышел спор,
Но я же вам во всем поддакивал, сеньор.

Дон Фернан.

Сеньор, вам нанесли смертельную обиду.

Жодле.

Да что вы, спятили? Такой вы умник с виду,
А рассуждаете, ей-богу, как дурак.

Дон Фернан.

Что слышу я от вас, сеньор? Вот, значит, как!
Но чем я заслужил столь резкое суждение?

Жодле.

Зачем талдычите вы мне про оскорбленья?

Мне наплевать на них, возьмите это в толк.

Дон Фернан.

Простите, дон Хуан, я вижу в том свой долг,
Чтобы напомнить вам о долге и о чести.

Ужель хотите вы, чтоб дело правой мести
Свершил бы вместо вас ваш вспыльчивый слуга?

Нет, вы своим клинком должны сразить врага —
Ведь брата вашего убил он, забияка,

Умышленно иль нет, среди ночного мрака.

Жодле.

Гм... Ночью?

Дон Фернан. Да.

Жодле.

Тогда воюйте без меня.

Во тьме — без промаха, а уж средь бела дня

Врага в один момент нанижет он на шпагу,—
Зачем соваться мне в такую передрагу?
Еще и потому неравный будет бой,
Что у противника есть навык: не впервой
Он будет проливать кровь нашего семейства.
Какая ж тут дуэль? Тут чистое злодейство.

Дон Фернан.

А смелости у вас довольно, дон Хуан?

Жодле.

Еще бы. Я храбрец, и больше я — буян.
Я не боюсь врагов, пусть будет их хоть тыща.
Подать его сюда! Ну где его жилище?
Где мне его искать? Кто он?

Дон Фернан.

Он — дон Луис

Де Рохас.

Жодле. Вот те на! Уж подлинно сюрприз.
Племянник ваш! Ну нет, я с ним не стану
драться.

Ведь он мне вроде бы двоюродного брата.
Любой ваш родственник святей мне всех святынь.
Я дон Луису грех уже простил. Аминь.

Дон Фернан.

Я вам не все сказал. Нанес он оскорбленье
Сестрице вашей. Здесь быть не должно прощенья:
Не мстить за честь сестры никак не может брат.

Жодле.

Вы правы. Отомстить я очень был бы рад,
Пристукнул бы его на месте, как собаку,
Но дал зарок — не лезть из-за бабенок в драку.

Дон Фернан.

Сдается, дон Хуан, что попросту вы трус.

Жодле.

Ну, это уж на чей, как говорится, вкус.

Дон Фернан.

Не может мне прійтись по вкусу зять трусливый.

Жодле.

Ах, тещюшка крутой! Ах, тещюшка сварливый!
Ах, тещь неистовый! Ах, кровожадный тещь!
Он бедного зятка живьем способен съесть.
За что? За то, что зять не проявил желанья

Безропотно идти, как агнец, на закланье.
Откуда эта злость? Не сам ли Вельзевул
Вас на безбожную затею натолкнул?
Потомство назовет вас, сударь: «Кровопийца»,
А то и посильней: «Фернан — зятеубийца».
Как вы безжалостны! Отправить зятя в рай
Пред самой свадебкой. Не стыдно? Ай-ай-ай!

Дон Фернан.

Слуга ваш вызвался, коль будет вам угодно,
Сразиться вместо вас.

Жодле. Ах, плут! Что ж, превосходно.
Я лавров у него потом не отберу.

Дон Фернан.

Так не сразитесь вы за брата и сестру?

Жодле.

Сражаться надлежит лишь в бодром настроенье,
А мне зевается. Какое тут сраженье!

Дон Фернан.

Считал мужчиной вас. Польстил я слишком вам.

Жодле:

Допустим, он рассек меня напополам.
Воскреснет ли мой брат? Очистится ль сестрица?
Ей-богу, не с чего, папаша, кипятиться.

Дон Фернан.

Пускай других невест вам сватает Мадрид.
Ужель таков мой зять?

Жодле. А кто вам нужен? Сид?

Он вас бы заколол без всяких угрызений,
А сам назавтра бы женился на Химене.

Дон Фернан.

Вы просто жалкий трус. Я презираю вас.

Жодле.

Хотя мой милый тесть в жестокости погряз
И хочет, чтобы зять изрублен был в кусочки,—
Я преданный слуга и ваш и вашей дочери.

Дон Фернан.

Не будь вы гостем здесь, мой недостойный зять,
Сумел бы я, клянусь, к ответу вас призвать.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Хуан, дон Фернан, Жодле.

Дон Хуан (*дону Фернану*).

Сеньор разгневан? Чем? Вы так глядите
мрачно.

Дон Фернан.

Да, вижу я, что зять мной выбран неудачно.

Жодле.

Полегче, тестюшка.

Дон Фернан (*дону Хуану*).

В сторонку отойдем.

Он, окаянный, вас не поддержал ни в чем.

Напрасно я твердил о долге и о чести,

Открещивается он от кровавой мести.

Он — трус и без стыда признался в этом сам.

Придется, видимо, уж постараться вам,

О доблестный слуга трусливого сеньора,

Чтобы хозяина избавить от позора.

Раз дон Луис его двукратно оскорбил,

Вполне понятен мне ваш благородный пыл,

С каким вы вызвали врага на поединок:

Честь наша быть должна без пятен, без

пылинок.

Должны вы передать сеньору своему

Часть вашей храбрости. Что с ним? Я не пойму.

Мне, правда, кое-что неясно в этом деле,

Но если бы мою двукратно честь задели,

Уж я бы действовал, поверьте мне, не так,

Живым бы не ушел от дон Фернана враг.

Пусть малодушного зажжет ваш пламень

жаркий.

Противник ждет уже неподалеку в парке

И, верно, думает, что струсил дон Хуан.

Сейчас к нему пойду.

Дон Хуан.

Скажите, дон Фернан,

Что значит — мой сеньор был оскорблен двукратно?

Дон Фернан.

Я объяснил ему достаточно понятно. (*Уходит.*)

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Хуан, Жодле.

Дон Хуан.

О новых помянул обидах. О каких?

Скажи мне, мой Жодле, что знаешь ты о них?

Жодле.

Он испарился?

Дон Хуан. Да.

Жодле. Настырный старикашка.

Ух, я расстроился, чуть не хватил кондрашка.

Такие нам, сеньор, опасности грозят,

Что, думаю, пора кончать наш маскарад.

От дон Луиса ждать нам следует сюрпризов.

Кажись, вы от меня ему послали вызов?

Дон Хуан.

Да, вызвал на дуэль, но не сказал ему,

Что дон Хуан — я сам. А вызвал потому,

Что увивался он вокруг моей любимой.

К нему я воспылал враждой неугасимой.

Он в комнате ее был спрятан. Ах, Жодле!

Не помешали бы — он был бы уж в земле.

И только потому я не спешу с отмщеньем,

Что верить не хочу простым предположеньям

И доказательства нужны мне. Вот в чем суть:

Досада, горечь, гнев мою терзают грудь,

Но не утратил я еще надежды зыбкой:

Вдруг объяснится все случайностью, ошибкой.

Служанку подкупив, проникнуть мог он в дом,

А Изабелла здесь, я верю, ни при чем.

Жодле.

Тут речь идет, сеньор, не только о невесте.

Проклятый дон Луис дворянской вашей чести

Еще нанес урон — разбойник он и тать.

Я не рискну, сеньор, об этом рассказать,

Дабы не сделалось вам от рассказа хуже.

Тут дело тонкое, вдруг выйдет неуклюже.

Дон Хуан.

Ну что ж, не говори. Догадываюсь сам.

Все беды вдруг сошлись. Но, слава небесам,

Есть силы отплатить за каждую обиду.

Известно ли кому о сем?

Жодле. Всему Мадриду.

Дон Хуан.

Как! Ну, тогда настал его последний час!

А как же дон Фернан? За нас иль против нас?

Жодле.

Хоть чертов дон Луис его племянник, все же,

Спасая вашу честь, он лезет вон из кожи.

Ретивый старичок меня чуть не загрыз:

Сражайся, мол, и все. Ждет, дескать, дон Луис

Тут где-то за углом.

Дон Хуан. Итак, Жодле, сегодня.

С моею помощью он будет в преисподней.

Но драться в городе, где множество зевак?

Боюсь, разнимут нас и уцелеет враг.

Поехать за город? Пожалуй. В самом деле...

Но нет, в Испании отвыкли от дуэлей,

И очернить меня могла бы клевета.

Для встречи это все негодные места.

Вот если б мы могли, обычай нарушая,

Сразиться в комнате...

Жодле. Извольте! Есть такая.

Вот ключ от комнаты, что спальней будет нам;

Спокойно, без помех подраться можно там.

Вы расквитаетесь за все обиды ваши,

Притом без ведома и дочки и папашаи.

Дон Хуан.

Ты умница, Жодле. Ступай теперь к нему.

Жодле.

А не угодно ли, сеньор, вам самому?

Приспела вам пора стать снова господином:

Нельзя же быть слугой, фехтуя с дворянином.

Давайте, нуте-ка. Бог в помощь вам, сеньор,—

Открыть, кто вы, взять меч и смыть с себя позор.

Дон Хуан.

Позволь-ка! Увлечен своим воображеньем,

Поддавшись лишь пустым ревнивым подозреньям,

Я на обмен ролей решился и имен.

Теперь же я узнал, что вправду оскорблен,

И мысль о том одна меня кидает в краску! —

Так своевременно ль идти нам на огласку?

Ну потерпи еще. Недолго уж. Заметь —

Мне оскорбление еще трудней терпеть.

Жодле.

Так это ваш приказ?

Дон Хуан.

И даже больше — просьба.

Жодле.

Извольте. Только вот несчастья не стряслось бы.

Не обуял бы вдруг его драчливый зуд —

Как шпагу выхватит: давай, мол, драться тут.

А я так не люблю войны, кровопролитья.

Жизнь хороша! Не прочь подолее пожить я.

Дон Хуан.

Ты можешь издали подать рукою знак,

Чтоб следом за тобой спешил сюда мой враг,

А тут уже я сам вступлю с ним в объясненья.

Жодле.

Знак? Издали? И то. Но вот опять сомненье:

А вдруг он близорук?

Дон Хуан.

Довольно болтовни!

Веди его сюда. Смотри не увильни.

Жодле.

Ну что ж, иду. Хотя, признаться, не без страху.

А вас прошу, сеньор, уж вы не дайте маху.

Гнев ослепляет нас, он вроде забытья.

Не обознались бы — где дон Луис, где я,

Не пропороли бы мне брюхо ненароком.

Но если преданность моя мне выйдет боком,

Скажите: «Друг Жодле, прости!» От этих слов

Я снова сделаюсь и весел и здоров.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Беатриса входит со свечой в руке.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

Гори, свеча! Уж ночь настала.
Как нынче хороша она!
Она доселе не бывала
Прекрасна столь и столь пышна.
С ней месяц — в роли фаворита,
А по пятам за ними — свита
Почтительных служанок-звезд.
Счастливицы! Они не тужат:
Им никакой лакей-прохвост
Напрасно голову не кружит.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

Вы, звезды, чисты и бесстрастны,
Влюбилась бы, как я сама, —
Со мною были б вы согласны,
Что может страсть свести с ума.
Он мавр, хоть врет, что он испанец.
Когда услышал он, поганец,
Что без него мне свет не мил, —
Он обозвал меня уродкой,
А в довершенье пригрозил
Огреть своей ременной плеткой.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

Ему спроста я показала
Кошель мой, полный серебра:
Мол, щедрых я мужчин знавала,
Но иногда сама щедра.
А он не стал и слушать даже,
Моим же кошельком меня же
Он по затылку трахнул так,
Что чуть ли не свернул мне шею.
Увы, попала я впросак,
Любовью воспылав к злодею.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

О, если б мне дожидаться мщенья!
Ведь мог бы так устроить рок,
Чтоб испытал пренебрежение
Злодей, что мною пренебрег.
Ох, плохо бедной мне девчонке!
Прожег меня аж до печенки
Бездушный этот ветрогон.
Любовным жаром я палима,
А он смеется, как Нерон
Смеялся над пожаром Рима.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

Пора приняться мне за дело...
Но что это я слышу? Чу!..
Моя сеньора Изабелла.
Возьму шандал, ей посвечу...
А если б вы, кто в этом зале,
С негодованием сказали:
«Служанке — стансы? Что за слог?» —
Ответил автор бы на это:
Необходим был монолог;
Где диалог, там нет секрета.

Глаза! Вам честь велит, так плачьте в три ручья!
Избыток ваших слез отдайте мне, друзья.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Изабелла, Лукреция, Беатриса.

Изабелла.

Ты что тут делаешь? Зачем не наверху?

Беатриса.

Готовлю комнату красавцу жениху.

А вы? Зачем сюда ведете нашу гостью?

Изабелла.

Не говори. Киплю досадой я и злостью.

Лукреция.

Сударыня, я вам готова повторить,

Что нет в Кастилии, да и не может быть,

Достойней, чем мой брат. Он стоит этой чести —

Супругом вашим стать. Когда его невесте

Достоинства его откроются вполне,

Тогда, уверена, признаетесь вы мне,

Что я была права.

Изабелла. Отвечу вам я честно.

Ваш брат своей сестрой так обрисован лестно,

Что у меня возник к вам и к себе вопрос:

Кто бодрствует из нас и кто во власти грез?

Неловко мне с сестрой так говорить о брате,

Но что ни скажет он — все грубо, все некстати,

Как будто нанялся нас распотешить тут.

Коверкает язык, гнусавит — словом, шут.

С презреньем отношусь я к шутовским потугам;

Могу ль счастливой быть с подобным я супругом?

О, если б набожным стремлением горя,

Я обрела покой в стенах монастыря!

Но мне равно претят и тихая обитель

И этот будущий супруг и повелитель.

Беатриса.

Меня ваш скорбный лик растрогал аж до слез.

Но все ж я вас прерву: кого-то черт принес,

Вон, отпирают дверь. Советую убраться,

Вам с вашим женишком здесь не с руки встречаться.

Вы — как желаете, а я наверх бегу.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Хуан, потом Жодле и дон Луис.

Дон Хуан (*отпирая дверь комнаты и растворяя ее настежь*).

Они уже пришли. Что ж, настежь дверь врагу.

Спешить не следует. Я буду наготове.

Чтоб не спугнуть его, я притаюсь в алькове.

(*Прячется.*)

Жодле (*в сторону*).

Черт! Где хозяин мой? Никак, удрал. Ах, скот!

Застыла в жилах кровь... На лбу холодный пот...

Подвел-таки, подлец!.. А этот запер двери.

Мне крышка. Я погиб.

Дон Луис. Теперь по крайней мере

Кто жив останется, тот будет мстью сыт.

Жодле.

Спасибо. У меня пропал вдруг аппетит.

Дон Луис.

Сеньор, я не пойму, зачем нам промедленье?

Я — здесь. Вы можете отмстить за оскорбленье.

Молчите? Чудеса! Вы ждете? Но чего ж?

Жодле (*в сторону*).

Хозяин мой свинья. Нет совести на грош.

Вотравить невинного в такую передрагу!

Дон Луис.

Чего вы ищете?

Жодле. Ищу? Свою отвагу.

Дон Луис.

Я не могу постичь, что с вами, дон Хуан?

Вы пять минут назад кипели, как вулкан, —

И так остыли вдруг. Чуть тепленьким вы стали.

Не подогреет ли вас вид холодной стали?

(*Обнажает шпагу.*)

Жодле.

Ого! Ну и длина! Не шпага, а рожон!

И драться незачем: кто взглянет, тот сражен.

Дон Луис (*в сторону*).

Он просто жалкий трус, коль это не личина.

Жодле (в сторону).

Спасен! Я своего увидел господина!

Теперь мне черт не брат. (Дону Луису.)

Ах так? Я не горяч?

Сейчас посмотрите. Храбрец я и силач.

Мой закипает гнев, и вас готов сразить я.

(Тихо, дону Хуану.)

Сеньор, не время ли вам выйти из укрытья?

Дон Хуан (тихо).

Не бойся. Ты чуть-чуть поразвлеки его.

Жодле (делая выпад, но на почтительном расстоянии от дона Луиса).

Ну, с нами бог!

Дон Луис. Ого! Вот это мастерство!

Какие выпады!

Жодле. Да, ничего фехтую.

На вас бы я теперь попер напрапалую, —

Конечно, будь притом я сам неуязвим.

Постойте!.. Мой клинок, — что приключилось с ним?

Вы братца кокнули, кажись, во тьме кромешной?

Дон Луис.

Да.

Жодле.

Чем я хуже вас? Чтоб месть была безгрешной,

Я тоже вас хочу отделать среди тьмы.

Тут нечего пенять — как вы, сеньор, так мы. —

Умри, свеча, умри и нас оставь во мраке.

(Тихо, дону Хуану.)

Вот. Честь и место вам. Готово все для драки,

И дальше уж мое тут дело сторона.

Что я пообещал, то сделал — и сполна.

Пользуясь темнотой, дон Хуан заменяет Жодле и дерется с доном Лунсом.

Дон Луис.

Ого! Хоть я отбил удары ваши эти,

Во тьме куда смелей вы бьетесь, чем при свете...

Задет я!.. Но отмщу за рану вам свою.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Фернан, дон Хуан, дон Луис, Жодле.

Дон Фернан.

Эй! Кто тут?

Дон Хуан (*прячась в альков и выталкивая оттуда Жодле*).

Марш туда, иль я тебя убью.

Дон Фернан.

Что здесь, друзья мои?

Жодле. Я мщу за гибель братца.

Дон Луис.

Я ранен, но легко и жажду поквитаться.

Дон Фернан.

Какая рана? Где? Порез или укол?

Жодле (*в сторону*).

Уж я тут ни при чем — ни резал, ни колол.

Дон Фернан (*дону Луису*).

Постойте-ка, у вас рукав в крови, не шутка.

Жодле (*в сторону*).

Ой! Ну и шпажища! Мне и глядеть-то жутко.

Дон Фернан.

Друзья! Пускай приход вас не смущает мой.

Не миротворец я. Вы продолжайте бой.

Ведь тот, кто оскорблен, — мой собственный
избранник.

А тот, кто оскорбил, — он мой родной племянник.

Кровь на его руке — та, что во мне течет.

Я вас не разниму. Смелей, друзья! Вперед!

Дон Луис.

Столь этот мудр совет, в нем столько благородства.

Что не последовать ему нельзя.

Жодле (*в сторону*) Вот скотство!

Толкает на дуэль зловерный старикан!

Дон Луис.

Гнев делает меня жестоким, дон Хуан.

Я вашу обольстил сестру, прикончил брата

И не раскаялся. Что ж, вам нужна расплата?

Извольте, я и вас охотно уложу.

Дон Хуан (*выходя из алькова*).

Услышан вызов ваш. И я вам укажу,

Кто дон Хуан. Вот он. Мне за сестру и брата
Вы жизнью заплатить должны, я верю свято.
Все скажут, что права у дон Хуана есть
На мщенье за вдвойне поруганную честь.

Дон Луис.

Но у кого ж из вас, скажите без обмана,
Имеются права на имя дон Хуана?

Дон Хуан.

Я дон Хуан.

Дон Луис. А он?

Жодле. Я только подставной.

Дон Хуан.

Итак, я дон Хуан. И ранены вы мной.
Но это не игра, и мы, сеньор, не дети.
Я ранил вас во тьме и заколю при свете.
Свои сомнения рассеять захотев,
На время должен был я усмирить свой гнев;
Под именем слуги терпел свою обиду,
Лишь слушал да смотрел, не подавая виду.
Ужель почудилось, мой оскорбитель, вам,
Что собираюсь я прощать своим врагам?
О нет, я проявил находчивость и рвенье
И обнаружил, кто нанес мне оскорбленье.
Я кончил розыски, теперь все ясно мне,
И в вашей до конца я убежден вине.
Кровь кровью я отмыл, но мы еще не квиты,
Еще есть два пятна, они должны быть смыты,
И только ваша смерть мне принесет покой.
Вот почему я вам открыл, кто я такой.
Я дон Хуан, и вам не избежать ответа.

Дон Луис.

По-вашему, меня пугает имя это?

Дон Хуан.

А вы надеетесь убить меня? О нет.
Вы убиваете во тьме. А здесь есть свет.
Я вижу вас, злодей, и вы уж мне поверьте —
Теперь никто, ничто вас не спасет от смерти.
Два обещания мне были здесь даны,
И те, кто их давал, их выполнить должны.
Пусть мне вернут сестру. Свой долг святой пред
нею —
Вас смертью покарать — я выполнить сумею.

Раз дон Хуан сказал — исполнит он обет,
Одет он как сеньор иль как слуга одет.
Прошу вас, дон Фернан, свое сдержите слово,
Верните мне сестру! Не жду от вас иного.

(Дону Луису.)

Вы ж обещали мне скрестить клинки со мной.

Ну что ж, мой лютей враг, я вас зову на бой.

Дон Фернан.

Постойте, дон Хуан, минуточку терпенья.

Дон Хуан.

Я так давно терплю — не упустить бы мщенья.

Дон Фернан.

Зачем явились вы переодетым к нам?

Дон Хуан.

Я ревновал.

Дон Фернан. К кому?

Дон Хуан. К нему.

Дон Луис. Ко мне?

Дон Хуан. Да, к вам.

Я видел ваш прыжок с балкона Изабеллы.

Дон Луис.

Вы сами видели?

Дон Хуан. Прыжок ваш видел смелый,

Узнал, что прятались вы в комнате ее,

Но чувство оттого не умерло мое.

Напротив — возросло. С вниманием ревнивым

Следил я за своим соперником счастливым,

Которого, как мне казалось, встретил в вас.

Переодет слугой, с вас не спускал я глаз,

И, гневные порой на вас бросая взгляды,

Я полон был тогда ревнивой лишь досады;

Не думал, что меня вы ранили больней,

Считал, вы — сердцеед, не знал, что вы — злодей.

Но вот открылось мне, что вы — убийца брата,

Что мной понесена столь тяжкая утрата

Лишь из-за вас; что вы сгубили и сестру,

Втянув ее в свою жестокую игру.

И ревность яростью сменилась беспощадной.

К отмщению врагу я рвусь душою жадной.

Нужна мне ваша жизнь, не только ваша кровь,

И чести отдает свои права любовь:

Когда честь вопиет, тогда любовь смолкает.
Кровь брата павшего к отмщению взывает.
Вы мой смертельный враг, виновны вы втройне.
Будь небо и земля на вашей стороне,
Пускай весь род людской объединится с вами, —
И все ж перед землей и перед небесами
И родом всем людским я нынче здесь могу
Смерть от моей руки пообещать врагу.

Дон Луис.

Я схватки не боюсь. Но вашим я упрекам
Внимал сочувственно, в волнении глубоком.
Вы укоряете, что мной убит ваш брат.
Как мог бы я сказать, что в том не виноват?
Но должен ли притом внушать вам жажду
мщенья?

Скорее, ожидать я вправе сожаленья.
Увы, он мной убит. Но как и отчего?
Кто более чем я оплакивал его?
Он на меня напал внезапно, ночью темной,
Я думал — мной убит предатель вероломный.
О горе! Каково узнать мне было вдруг,
Что мною был сражен мой самый лучший друг!
О да, мы были с ним как названные братья.
Случись иначе — мог и вашим другом стать я!
За это отдал бы по капле кровь из жил.
Не думайте, что страх мне эту речь внушил.

Дон Хуан.

Великодушие велит быть справедливым,
И вашим искренним растроган я порывом.
Я верю, что мой брат нечаянно убит,
Но это ведь была одна лишь из обид.
Я обращаюсь к вам с обидою второю:
Виновны вы, сеньор, перед моей сестрою,
И если у нее похитили вы честь,
То эта честь — моя и долг мой братний — мечь.
Кто отнял честь, тому могу ль я жизнь оставить?
Живя, не будете ль вы жизнь мою бесславить?

Дон Луис.

Бесславые я сниму — на это средство есть.
Мой брак с Лукрецией — он возвратит вам честь.
Не будет смерть моя желанна дон Хуану,
А я завидовать, конечно, перестану

Вам, кто уже давно в мужья назначен той,
Чьей дивной опьянен и я был красотой,
Но кто была ко мне суровой неизменно.
А Изабеллу я хочу просить смиренно
Забуть о том, что ей любовью докучал.
Тем ревность, дон Хуан, я вашу возбуждал,
Но пусть огонь любви лед ревности расплавит.
Враг причинил вам вред, друг промах свой

исправит.

Я Беатрисою был дважды к ней введен:
Днем — в комнату ее, а ночью — на балкон.
Не знала, я клянусь, об этом Изабелла,
Когда ж проведала позднее, так вскипела,
Что чуть не выгнала служанку со двора.
Всю правду высказал, желая вам добра.

Дон Фернан.

Племянник говорит умно и благородно.
Любезный дон Хуан, коль будет вам угодно
К советам разума прислушаться сейчас,
То я от всей души готов поздравить вас.
Пусть в этом доме впредь не будет споров мрачных,
Пусть местом станет он веселых пиршеств брачных.
Позвать Лукрецию сюда и дочь мою!
А, вот они. Собрал всю наконец семью.
Восхвалим промысел, который силе злобной
Не дал разжечь пожар войны междоусобной.
На радость мне и вам, племянник мой и зять,
Друзьями добрыми должны теперь вы стать.
Ну, заключите же друг друга вы в объятия,
Скрепите свой союз, — ведь вы отныне братья.

Дон Хуан.

Совету мудрому последовать готов.

Дон Луис.

Для радости своей не нахожу я слов.

Дон Хуан и дон Луис обнимаются.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Изабелла, Лукреция, дон Хуан, дон Луис,
дон Фернан, Жодле.

Лукреция.

О Изабелла!

Изабелла. О Лукреция!

Лукреция. О радость!

Вся горечь позади. Вкусим мы жизни сладость.

Не говорила ль я, что дон Хуан, мой брат,

Не тот, кем кажется он вам на первый взгляд?

Жодле.

Придется вылезать из пышного наряда,

Раз отыграл я роль сеньора д'Альварадо.

Дон Хуан.

Нет, так тебе к лицу шитье и кружева,

Что платье я дарю тебе в честь торжества.

Дон Луис.

Позвольте, дон Хуан, мой лучший друг отныне,

Вам счастья пожелать — вам и моей кухне.

Дон Хуан.

Исчезла ненависть, я вам хочу добра,

И навсегда я ваш, как и моя сестра.

Дон Фернан.

Итак, довольны все. Согласны вы со мною?

Закончим этот день мы свадьбою двойною.

Жодле.

Довольны, да не все. Милейший старичок!

Чтоб я доволен был, мне нужен пустячок:

Портретец жениха, что на лазурной ленте

У бывшей суженой висит в апартаменте.

Отвергли подлинник — верните и портрет,

Не то я огорчусь; а право же, не след

Срамить самих себя: перед почтенным залом

Играть комедию с трагическим финалом.

Верните мне портрет, я Беатрисе в дар

Отдам его. Финал — идиллия трех пар.

Занавес

Жодле- дуэлянт

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

перевод

А. ЭФРОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

- Дон Дьего Хирон — жених Елены, влюбленный в Люсию.
Дон Феликс де Фонсека — влюбленный в Люсию.
Дон Гаспар де Падилья — фанфарон, влюбленный в Елену и в Люсию.
Дон Педро д'Авила.
Дон Санчо — дядя Доротеи.
Елена.
Люсия.
Беатриса — служанка Елены и Люсии.
Жодле — слуга дона Феликса.
Альфонсо — слуга дона Дьего.

Действие происходит в Толедо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Феликс, Жодле.

Дон Феликс.

Дождешься, негодяй! Намну тебе бока!
Видал ли белый свет такого дурака?
Он выведет, клянусь, святого из терпенья!
Сует повсюду нос, высказывает мненья,
Советы мне дает... Вот мой тебе совет:
Коль ты простой слуга, не лезь куда не след!

Жодле.

Дурному не учу...

Дон Феликс. Ну-ну, учи, советуй,
Брани меня, болтай о вещи той и этой;
Заслужишь наконец гостинца по спине!

Жодле.

Ведь тот, кто бьет слугу, всегда неправ вдвойне,
Слуга же трижды прав, господ остерегая...
Готов пойти на всё, от вас же опекая
Вас самого: пусть сам костей не соберу,
Останусь без ушей или совсем помру,
Но всякий раз, когда безумство ваше вижу,
Предостеречь спешу — пусть этим и обижу.
Уж если вам не мил, давайте мне расчет,
И тотчас вам верну ливрею эту вот;
Все золото свое нашили, не иначе,
На воротник слуге, чтоб выглядеть богаче!

Дон Феликс.

Ты в качестве судьи был, что ли, принят мной
Иль в качестве слуги, ответь-ка, милый мой?

Жодле.

Я вами принят был за глупую скотину!
Нерон, сумевший мать родную, Агриппину,
Как говорили мне, на тот отправить свет,
Слыл, может, добряком... куда! Добрее нет!
И вы, хозяин мой, такого же фасона...

Дон Феликс.

Сенека-балабол, прими ответ Нерона:
Когда слуга дает распоряженья сам,
А выполнение их предоставляет вам,
То получает он не плату, а побои.
Иль мало ты знаком с хозяйскою рукою?

Жодле.

Советы вам мои, выходит, не нужны?

Дон Феликс.

Еще бы!

Жодле. Ну тогда те деньги, что должны,
Отдайте мне, сеньор, и я расстанусь с вами

Дон Феликс.

Ты денег захотел?

Жодле.

А то не знали сами!

Я жалованья жду.

Дон Феликс.

За что? За красоту?

Припомни-ка, болван, большую доброту,
С которой я твои выслушивал советы.

Не я, а ты платить обязан мне за это!

Жодле.

Советов не давать? Да это в сердце нож...

Но так же не люблю работать ни за грош!

Что выберу из двух?

Дон Феликс.

Взвесь хорошо, бездельник!

Смотри не ошибись — останешься без денег.

Жодле.

Решаю, что и впредь советовать хочу!

Дон Феликс.

За что тебе и впредь гроша не заплачу.

Жодле.

Коль жалованья нет, осталась осторожность...

Богатство в ней мое! Она мне даст возможность
Советовать тому, кто безрассуден столь.

Итак, сейчас начну.

Дон Феликс. От болтовни уволь.

Вдвойне тебе платить согласен за молчанье!

Жодле.

Какой в молчанье прок? Вся польза в назиданье...

Я в этом убежден.

Дон Феликс. Что хочешь, то бери,

Но только обо мне со мной не говори!

Жодле.

Пусть заработок мой отныне канет в Лету,
Лишь бы заблудший внял хорошему совету!

Я — грешный человек, но и без серебра

Рад буду вам помочь постигнуть суть добра...

Вам повезло, сеньор. Какие в мире слуги

Оказывать пойдут бесплатные услуги?

Дон Феликс.

Но мне их выносить, увы, немоготу.

Жодле.

Позвольте кой о чем спросить начистоту?

Дон Феликс.

Да что с тебя возьмешь? Расспрашивай досыта!

Жодле.

Мой спрос, а ваш ответ — вот мы и будем квиты.

Не надо денег мне, до коих вы жадны!

Дон Феликс.

А мне зато твои сужденья не нужны.

Жодле.

Сердиться ни к чему; к вопросам перейду я.

— Как можете, сеньор, вы женщину любую,

Будь хороша она, дурна, глупа, умна,

Девуца, иль вдова, иль мужняя жена,

Преследовать, искать, не оставлять в покое,

Ей голову кружить и прочее такое?

Несчастный слабый пол... что за помеха в нем,

Коль норовите всех спалить своим огнем,

Хоть малое дитя, хоть, так сказать, старуху?

(Скажите, у кого б на то хватило духу!)

По вкусу обе вам: всё испытала та,

А эта тем мила, что чересчур проста...

Вам нравится гнильцо, а также скороспелка,

Прекрасное лицо и наглая подделка...
Когда на то пошло, я вас назвать готов,
Как ни прискорбно мне, последним из плутов!
Так не ведет себя порядочный мужчина.
Признайте, сударь мой: достойно ль дворянина
Днем под окном стоять, потупив долу взор,
В полночной темноте махать через забор,
Дежурить у дверей, торчать перед балконом,
Лукавя и хитря, лишь бы прослыть влюбленным?
По следу жертв своих входя в господен храм,
Смятение в умы вселяете и там:
Нескромные глаза то извергают пламя,
То гасят жар его горючими слезами,
То, взяв свою мишень на тщательный прицел,
Расходуют колчан разящих насмерть стрел...
Случается, порой колдуете без толку:
Не так легко сразить иную богомолку!
Насмешниц много есть среди девушек и дам,
Побольше, чем разинь, готовых верить вам.
Однако же, по ним стреляя вхолостую,
Нельзя сказать, чтоб вы работали впустую,
Поскольку, никого не наводя на грех,
Смешите и меня и прихожанок всех.
Обдумав это всё, от вас, сеньор, не скрою...

Дон Феликс.

Способен он меня расстраивать порою!
Ты спрашивать хотел, взялся я отвечать,
Но это не вопрос, а проповедь опять!
А все же на твои докучливые речи
Тебе я кое-что по существу отвечу.
Так слушай... но смотри, ни слова никому!

Жодле.

Я превратился в слух, но слуху моему,
Предупреждаю вас, весьма претят длинноты!

Дон Феликс.

Однако ты нахал!

Жодле.

Не понимаю что-то.
Я спрашиваю вас, вы отвечать должны,
Ругаться ни к чему, останемся дружны!

Дон Феликс.

Ну, знаешь, милый друг, ты перешел границы!

Жодле.

Порядочный слуга укоров не боится.

Ответили бы мне, чем в спор со мной вступать.

Дон Феликс.

Да, спорами тебя, пожалуй, не унять,

А только кулаком. Так вот, стенанья, вздохи,

Ужимки, суета, все эти ахи-охи —

Не признаки любви, ручаюсь головой,

А просто некий вид разведки боевой.

Из всех, кому себя я в жертву предлагаю,

Мне не нужна ни та, ни эта, ни другая.

Не увлекаюсь я, а развлекаюсь лишь.

Видал когда-нибудь, как кошка ловит мышь?

Любим иль не любим — таким огнем сгораю,

Которым одного себя лишь согреваю.

Жодле.

Вот как... и много есть соперников у вас?

Дон Феликс.

Не прерывай, глупец, хотел сказать, как раз:

Влечет меня в любви лишь собственно познание.

Я предаюсь ему — и счастлив без страданья!

Жодле.

Прекрасные слова!

Дон Феликс. Ну хочешь, докажу,

Что мастер в деле я, которому служу?

Мотай себе на ус, наставник тупоумный!

— Едва судьба сведет с какой-нибудь безумной,

Способной дать отпор, я отвожу удар,

На выручку призвав бесценный слезный дар...

Чем женщины глупей, тем больше верят в воду,

Что очи наши льют их простоте в угоду.

Красотке я твержу, что не лицо — душа

Меня пленила в ней, что дивно хороша

Она умом своим, а не своей фигурой...

Хвалы ее уму ценимы каждой дурой;

Дурнушке объявляю, что чем-то, что в ней есть,

Навек приворожен, а что это — бог весть!

Я поклоняюсь в них, как признанной святыне,

Тому, чего в них нет и не было в помине:

Хвалю за зрелый ум девчонок молодых,

Уживчивости гимн пою для пожилых...

Во что угодно мне я обращу любую:

Старается донять души своей царицу,
Дабы со слов ее в несчастье убедиться...
Та отрицает всё! Клянется, что верна,
Безгрешна, и чиста, и страстно влюблена...
Ах-ах, он счастлив вновь! Он больше не ревнует!
Чтоб время наверстать, он ручку ей целует!
Что дальше делать им? Сердечные друзья
В душевной простоте льют слезы в три ручья,
В то время как я сам, причина их смятенья,
Давно улегся спать — и вижу сновиденья...

Жодле.

Пусть так, сеньор, пусть так... а если, например,
К насмешкам не привык той дамы кавалер?
Что, если он из тех, кто жаждет вражьей крови,
И держит и кинжал и шпагу наготове,
И возит в сундуке не шляпу и жилет,
А парочку рапир, кинжал и пистолет?
Что, если с вами он как следует поступит,
Проколет вас насквозь иль попросту отлупит,
Чтоб отомстить за всё, что претерпел от вас,
И оградить себя от будущих проказ,—
Что скажете тогда?

Дон Феликс. Скажу, слуга зловещий,
Что при дворе давно осмеяны две вещи:
Дуэли из-за дам, причины многих зол,
И наглухо, вот так, застегнутый камзол.
Но что это? Стучат! И кто-то очень шумный!

Жодле.

Дверь ходит ходуном. Какой-то полоумный
Заставить хочет нас открыть ему теперь...

Дон Феликс.

Впусти его скорей, он высадит нам дверь!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Гаспар, дон Феликс, Жодле.

Дон Гаспар.

Дон Феликс дома?

Жодле.

Да!

Дон Гаспар.

Я жду!

Жо д л е. Сейчас открою.

Я думал, весь косяк прихватит он с собою...

Сей гость за дикаря сойти бы мог вполне!

Дон Гаспар.

Могу ль два слова вам сказать наедине?

Дон Феликс.

Хоть двадцать!

Дон Гаспар. Очень рад. Но здесь не место лишним.

Пусть ваш слуга уйдет.

Дон Феликс.

Сеньор, клянусь всевышним,

Он больше предан мне, чем самый верный друг!

Дон Гаспар.

Вам повезло, сеньор! Иметь подобных слуг!..

— Вы знаете, кто я?

Дон Феликс.

Вы дон Гаспар Падилья.

Дон Гаспар.

Известно вам, что я не трус, не простофиля?

Дон Феликс.

Да!

Дон Гаспар.

Что за древность чтим и при дворе мой род?

Дон Феликс.

Слышал...

Дон Гаспар. Что честь моя — вернейший мой

оплот?

Что делал я, солдат, во Фландрии, скажите?

Дон Феликс.

Не знаю.

Дон Гаспар. Ну, тогда историю прочтите!

Известно ль вам, сеньор, что я могу сразить

Любого наглеца?

Дон Феликс.

Просил бы объяснить...

Дон Гаспар.

В одну богиню я шесть лет влюблен... и что же?

Шесть месяцев назад влюбились вы в нее же,

И с этих самых пор, не пропустив ни дня,

Вы делаете всё, чтоб осмеять меня.

Вы бродите за мной моей второю тенью,

Чтоб подражать моим поступкам и движениям;

Куда бы ни спешил — вы на моем пути!

Кого бы ни искал — уверен вас найти...

Когда любовь моя мне шлет привет с балкона,

Вы кланяетесь ей в ответ непринужденно,
Успев передразнить мой собственный поклон,
Чтоб дерзким и смешным ей показался он.
Да что там говорить — я заболел простудой,
Раскашлялись и вы, как старец слабогрудый,
Подав надежду мне, что хоть на этот раз
Поможет ваша хворь избавиться от вас!
Но нет, и кашель ваш был лишь сплошным
притворством,

Надсаживались вы с неистовым упорством,
Решив, что, может, я перхаю неспроста,
Что некий тайный знак дают мои уста...
Я в бешенстве своем — могу признаться в этом —
Готов был свой же нос раскровянить стилетом
Иль в щеку погрузить его по рукоять,
Дабы отбить у вас охоту подражать.
Едва взгрустнется мне — вы тотчас слезы льете;
Открыть мне стоит рот, как вы уже поете;
Коль грудь мою теснит благопристойный вздох,
Вы говорите «ах» и говорите «ох»...
Взгляну ль исподтишка в глаза своей прекрасной,
Ваш взор встречаю я, в нее вперенный страстно...
Довольно, сударь мой! Есть у меня изъян —
Терпеть я не могу ученых обезьян,
Что подражают мне в повадках, в шляпах, в платье,
В колясках, в лошадях, в улыбках и в объятьях,
И более того — в самой любви моей!
Предупреждаю вас, лукавый лицедей,
Не вы один шутник — шутить умею тоже...
Прощайте! (Уходит.)

Д о н Ф е л и к с.

Вот наглец! Видал, каков вельможа?

Кто дерзок на слова, тот на расправу плох...

Дай шпагу! Захватить хочу его врасплох,

Пока он не сбежал...

Ж о д л е. Слуга вам рукоплещет.

Однако при дворе осмеяны две вещи:

Дуэли из-за дам, причины многих зол,

И наглухо, вот так, застегнутый камзол.

Д о н Ф е л и к с.

Опять стучит! Открой! Вернулся он обратно —

Нас снова посмешить желает, вероятно!

Жодле.

О нет, сеньор! Мне слух не изменял вовек...
На этот раз стучит учтивый человек...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Санчо, дон Феликс, Жодле.

Дон Феликс.

Как, сударь, это вы? Чему обязан честью
Вас видеть у себя?

Дон Санчо. Отвечу вам без лести,
Что вы, меня приняв, мне оказали честь...

Дон Феликс.
Чем вам могу служить?

Дон Санчо. Как вам известно, есть
Причина у меня искать свиданья с вами,
Поскольку речь идет о... вам знакомой даме.

Дон Феликс.
Мне трудно угадать...

Дон Санчо. Догадки ни к чему,
Когда ваш долг святой вам ясен самому!

Дон Феликс.
Но чей же я должник?

Дон Санчо. Чей? Узам Гименея
Пора бы вас связать с племянницей моею
Во исполнение клятв, что были ей даны...
Пусть узы эти вам покажутся тесны,
Ослабить можно их, чтоб облегчить поклажу,
Но честный человек и не помыслит даже
Порвать их... Слышал я, что, обойдя закон,
Который не велит иметь нам много жен,
Вы к женщине другой посвататься хотите...
Понятно ль вам, сеньор, что, если уязвите
Вы честь моей семьи предательством таким,
Племянница и я обиды не простим?

Дон Феликс.
Как, только и всего?

Дон Санчо. Как будто бы довольно...

Дон Феликс.
Довольно для того, чтоб рассмешить невольной!

Я, право, слишком юн, чтоб впрячься в этот воз...
Что до семейных сцен и до девичьих слез,
То я не поспею на звонкую монету,
Чтоб так, как надлежит, нам всё уладить это.

Дон Санчо.

Честь, сударь, не товар, тем более моя!

Дон Феликс.

Моя же не велит к вам попадать в зятя...

Дон Санчо.

За наглый свой обман поплатитесь, однако!

Дон Феликс.

Приму любую казнь, за исключением брака...

Подумай, старичок решил меня женить!

Ты слышишь, друг Жодле?

Жодле.

Он болен, может быть?

Дон Санчо.

Хозяин и слуга друг друга стоят оба...

Когда б мне сил дала моя святая злоба,

Я проучил бы их...

Жодле.

Ах, боже, страх один!

Дон Феликс.

Молчи!

Дон Санчо.

Каков лакей, таков и господин!

(Уходит.)

Дон Феликс.

Обидел я его... боюсь, как бы из мести

Он мне не навредил у будущего тестя!

Жодле.

Да, вправе ожидать возмездия герой,

Что при живой жене присватался к второй!

С проделкою такой навряд ли примирится

Двоих ребят от вас прижившая девица...

Пусть беден род ее, но не было пятна

На нем, доколе вас не встретила она.

Захочется ли ей краснеть пред всей округой

За то, что вы другой обзавелись супругой,

И скрылись с глаз долой и замели следы?

Нет, сударь, вам сухим не выйти из воды...

При ловкости своей окажетесь в накладе!

Дон Феликс.

Есть деньги у меня, и деньги всё уладят.
На них, верней всего, и намекал старик,
Когда с любезных слов вдруг перешел на крик.
Меня он припугнуть хотел, чтоб Доротею
Я отблагодарил, когда расстанусь с нею.
Придется, уходя, подарок сделать ей...
Бедняжка так проста: к возлюбленной своей
Пошлю ее — пойдет, и за меня попросит,
И, брошенная мной, сама меня не бросит...

Жодле.

Достойною ценой ей воздадите вы!

Дон Феликс.

Что ж, время таково и нравы таковы.
Не я один ищу получше в жизни места!
Люсия, например, завидная невеста:
Как ангел хороша, богата и знатна.
Давно уже была б моей женой она,
Когда бы не жених ее сестры Елены,
Которого мы ждем на свадьбу непременно...
Однако он никак не соберется в путь!
Да... К Доротее мне придется заглянуть,
Чтоб всё ей объяснить... Увы, слова найду ли?

Жодле.

Тут надо, не скупясь, позолотить пилюлю!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Дьего, Альфонсо.

Дон Дьего.

Гостиницей назвать такое заведение!
Ведь это был не шум, а светопреставление!
Дом сумасшедший! Ад! Скорей уснешь в аду,
Пусть черти там всю ночь играют в чехарду!

Альфонсо.

Хоть спать весьма горазд — не то что ваша
милость,—

Сегодня ничего мне так и не приснилось:
То мух гонял, то блох, то комаров, то крыс,
И все же кто-то мне чуть носа не отгрыз!

Дон Дьего.

Ступай скорей, узнай, где тут живет дон Феликс!
Да только приходи назад не канителюсь,
А то любитель ты бродить по кабакам!

(Уходит.)

Альфонсо.

Как нас ни торопи, мы побываем там...
Нет больше сил терпеть, так пересохла глотка...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Жодле, Беатриса, Альфонсо.

Жодле.

Когда б тебя грешить сподобил бог, красотка,
Была бы велика признательность моя:
Мне святость ни к чему — ведь греховодник я!

Увы, не повезло... святую без изъяна
Подсунул мне господь... а зла, как обезьяна!
Царапины, пинки да крики «не балуй» —
Вот всё, что вижу я в ответ на поцелуй!
Уж лучше б сердце мне кинжалом ты пронзила,
Чем взглядом этих глаз... Холодная могила
(Живым, как говорят, приносит вред она!)
Ужель за всю любовь безумцу суждена?
Как тысяча репьев, голубушка, навечно
К тебе привязан я, и если бессердечно...

Б е а т р и с а.

Бредовых этих слов я слушать не хочу!
Коль в сердце ранен ты, так обратись к врачу.
Дон Феликсу скажу, как ты развязен с дамой...

А л ь ф о н с о.

Дон Феликс? Мне везет! Наверно, этот самый...
Послушайте, мой друг!

Ж о д л е (*хватая Беатрису за юбку*).

Продолжим разговор!

Б е а т р и с а.

Отстанешь или нет? Зовет тебя сеньор!

Ж о д л е.

Будь проклят остолоп, вмешавшийся некстати!
Дать по зубам ему? А если дурень хватит
Сам по уху меня?

А л ь ф о н с о. Хотел у вас узнать:

Дон Феликс где сейчас изволит проживать?

Ж о д л е.

Где? Дома!

А л ь ф о н с о. Ну а дом...

Ж о д л е.

Находится в Толедо.

А л ь ф о н с о.

Не так легко найти по эдакому следу
Того, кого ищу... Я в городе чужой...

Ж о д л е (*в сторону*).

Тебя я всласть позлю, приятель дорогой!

А л ь ф о н с о.

Как увидеть его?

Ж о д л е.

Как водится — глазами.

А л ь ф о н с о.

Однако вы шутник! Играете словами!

(*Оглядываясь, убеждается, что никто их не видит.*)

Жодле.

С тобою поиграть хотелось бы не так...
По глупой голове соскучился кулак!

Альфонсо (в сторону).

Не видит нас никто... Без шума и скандала
Сейчас я проучу как следует нахала.
Пощечина — ответ достойный наглцу!

(Дает пощечину Жодле.)

Жодле.

Вы, кажется, меня задели по лицу?

Альфонсо.

А это вам видней!

Жодле.

Я ничего не вижу...

Как помыслом таким вас и себя обижу?

Альфонсо.

Мы встретимся еще. (Уходит.)

Жодле.

Охотно, мой сеньор!

Покорнейший слуга!.. О чем был разговор?

«Как увидеть его?» — «Как водится — глазами». —

«Однако вы шутник! Играете словами!..» —

«С тобою поиграть хотелось бы не так...».

И тут меня настиг увесистый кулак.

Как будто бы вот так происходило дело...

А если не кулак — ладонь меня задела?!

Пощечина — подлей удара кулаком.

Хоть и простой слуга, я хорошо знаком

С оттенками обид и с правилами чести.

Обидчиков привык укладывать на месте!

И если б этот был не из чужих краев,

Его бы наказать сумел без лишних слов...

Но слишком я учтив, и не хватило духу

Пришельца убивать за чушь... за оплеуху...

Когда б их было две, уж тут бы не стерпел!

А, ладно! Всё прошло...

Бетриса (насмехаясь). А он, как видно, смел,

Мужчина этот... да? И здорово дерется!

Напрасно ты его затрагивал, сдается!

Поскольку он сердит и на расправу скор,

Ты лучше не шути и не вступай с ним в спор,

Когда сойдетесь вновь... Я просто удивилась,

Как ловко он сумел ударить вашу милость,
И как она легко удар перенесла!
Сам виноват, дружок! Он спрашивал без зла,
А ты в ответ держал заносчивые речи...
Спасибо, он тебя совсем не изувечил,
А только преподнес то, что ты сам просил!
Но мне-то каково! Ах, я лишаяюсь сил,
Зря на твоём челе, увы, печать позора...
Гнев горькою слезой мне застилает взоры...
Ах, сколько горя мне несет твоя любовь...
Жодле.
Нельзя ли помолчать?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Дьего, дон Феликс, Жодле.

Дон Дьего. ...Нет, вас увидеть вновь,
Узнать, что не забыт,— ей-богу, это чудо!
Позвольте, дорогой, мне вас обнять покуда!

Дон Феликс.
Позвольте мне сперва... Благословляю миг,
Когда вас встретил здесь... Я вечный ваш
должник.

Но как же вы могли, любезный дон Диего,
В гостинице дурной искать себе ночлега,
Когда своим считать должны мой скромный дом?
А ну, Жодле, живей беги туда бегом!
Всё гостю приготовь.

Жодле. Ему вы так уж рады?

Дон Феликс.
Потише ты, болван! Сболтнешь чего не надо.

Жодле.
Молчу.

Дон Феликс.
Всё там устрой...

Жодле уходит.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Дьего, дон Феликс, Беатриса, Альфонсо.

Дон Дьего. Альфонсо, подойди!

Мой друг нашелся сам!

Альфонсо. Господь нас рассуди!

А я его слуге пощечину отвесил!

Дон Дьего.

Ты что?

Дон Феликс вполголоса разговаривает с Беатрисой.

Альфонсо.

Да то, что был уж чересчур он весел,

Смеялся надо мной и вел себя как шут!

Дон Дьего.

Смотри, коль мы теперь гостями стали тут,

Изволь себя вести как следует, дружок!

Альфонсо.

Хотелось мне его огреть еще разочек!

Дон Дьего.

Чтоб этой чепухи не слышать больше мне!

Не то я сам тебя огрею по спине.

Дон Феликс ждет меня. Я не люблю, чтоб ждали.

Сходи быстрее туда, где нынче ночевали,

Да вещи принеси, всё, что там есть у нас.

Беатриса (*дону Феликсу*).

Дон Феликс, сударь мой, как я искала вас!

Дон Феликс.

Искала? А зачем?

Беатриса. Да госпожа хотела

Скорей увидеть вас. Есть у нее к вам дело.

Дон Феликс.

А у себя она?

Беатриса. Нет, к утрени пошла.

Дон Феликс.

Что в церкви делать той, которая столь зла?

Зачем молиться ей, когда к мольбам сурова?

Выходит из себя от ласкового слова,

За взгляд готова съесть, за нежный вздох —

убить...

Столь юной красоте и столь жестокой быть!

Беатриса.

Не ждите от меня лукавого совета,
Чтоб приручить ее. Не вмешиваюсь в это.
Да, я глуха к речам, которые твердят
Влюбленные уста, что источают яд.
Грешить противно мне, хотя б посредством слуха.
Ах, кстати, о грехе: уймите злого духа!
Ваш пьяница, ваш плут первейший на земле,
Ваш наглый грубиян, ваш лодырь, ваш Жодле
Стал приставать ко мне, принявши за другую...
Конечно, осадить сама его могу я,
Но, уважая вас, предоставляю вам,
Раз это ваш слуга, дать дурню по рукам.
По вкусу я ему... видали селадона?
Мне нужен кавалер не этого фасона!
А черт ваш косолап, назойлив и угрюм.
К тому же, что ни ночь, он поднимает шум,
У дома моего гнусава под гитару...
Избавьте же меня от этого кошмара,
Пока от чар его не померла с тоски,
Не то пушу я в ход и когти и клыки!
А главное, что он — невежливость какая! —
Мне сердце предложил, руки не предлагая...
Я вас прошу, сеньор, нахала обуздать!

Дон Феликс.

Я голову ему способен оторвать!

Беатриса.

Пристрúните разок — тогда угомонится...

Дон Феликс.

Я отлуплю его!

Беатриса. Воздай вам бог сторицей!

Дон Феликс (дону Дъего).

Покинуть должен вас... дела меня зовут.

Дон Дъего.

Надолго ли, сеньор?

Дон Феликс. На несколько минут.

Беатриса.

Дон Феликс, поспешим! Опаздывать не надо.
Служанке ни к чему хозяйкина досада!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего, Альфонсо.

Дон Дьего.

Дон Феликс ничего не ведает досель:

Зачем приехал я, какая в этом цель...

Альфонсо.

Узнает скоро он, что эта цель — женитьба!

Дон Дьего.

До срока женихом, приятель, не прослыть бы!

Расчетливый отец для сына выбрать мог

Не девушку с душой, а с золотом мешок...

Коль он сосватал мне мегеру иль урода,

Да здравствует тогда и бедность и свобода!

Обратно повернем — и полетим в Мадрид!

Альфонсо.

Такой отец, как ваш, на внешность не глядит:

Ему бы в кошельке да в доме изобилье!

Смотрите, ваш кузен — прославленный Падилья!

Дон Дьего.

Ну? Дон Гаспар?

Альфонсо.

Вон там!

Дон Дьего.

Да, верно, это он!

Как он попал сюда? Я, право, удивлен!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Гаспар, дон Дьего, Альфонсо.

Дон Гаспар (*за кулисами, слуге*).

Смотри не мешкай там! А опоздаешь сдуру,

На тысячу ремней располосую шкуру!

Дон Дьего.

Знакомый голосок!

Дон Гаспар.

Вот это так сюрприз!

Диего?!

Дон Дьего.

Это я...

Дон Гаспар.

Откуда вы взялись?

Что привело сюда?

Дон Дьего.

Любовь...

Дон Гаспар. Меня она же
Удерживает здесь, и мне сдается даже,
Что вынудит меня как следует пугнуть
Мальчишку одного, что перешел мне путь.
Я в двух сестер влюблен.

Дон Дьего. В обеих разом?
Дон Гаспар. Разом.

А плут одной из них подмигивает глазом.
Стерпел бы это я, с ним не вступая в спор,
Когда б досталась мне вторая из сестер,
Но только что узнал: с одним молокососом
Сосватана она; чтоб не остаться с носом,
Я вынужден и с тем и с этим женихом
Разделаться своим недремлющим клинком.
Вы знаете, кузен, как ловко им владею.
Одобрите ли вы подобную затею?

Дон Дьего.
Пред ней не устоят сердца обеих дам...

Дон Гаспар.
Я вызов на дуэль сейчас же передам!

Дон Дьего.
Я провожу вас.

Дон Гаспар. Нет, я сам найду дорогу.

Дон Дьего.
А где живете вы?

Дон Гаспар. Да всюду понемногу.
Прощайте, мой кузен!

Дон Дьего. Кузен, до скорых встреч!
Старайтесь и себя и шпагу поберечь!

Дон Гаспар.
Нет, это не по мне... (Уходит.)

Дон Дьего. Таков и в обратном деле...
Он храбр, как Александр, хотя и пустомеля.

Альфонсо.
И ко всему тому неистов, как Роланд.

Дон Дьего.
К отваге у него и к щедрости талант,
И он совсем не зол и не совсем бездельник.
Ему б чуть-чуть ума и хоть немного денег —
Вот был бы человек...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Люсия, Беатриса, дон Дьего, Альфонсо.

Люсия (*в сопровождении слуги и Беатрисы*).

А кучер что, исчез?

Беатриса.

Бог ведает о том, в какую щель залез!

Наверно, в кабаке. Мне там искать неловко.

Дон Дьего.

Альфонсо, что за стан! за ножки! за головка!

Люсия.

Оставил, негодяй, на улице меня!

Беатриса.

Смотрела я везде. Пропал средь бела дня...

Обшарила весь храм, за каждой колонной...

Дон Дьего.

Такую объявить своею нареченной

Не отказался б я!

Альфонсо.

Поскольку Фаэтон

Укрылся в облаках, велит хороший тон

К светилу подойти и проводить до дома!

Дон Дьего.

Но как ее зовут? Она мне незнакома...

Альфонсо.

Узнаю я сейчас.

Дон Дьего (*пока Альфонсо говорит со слугой Люсии*).

Сударыня, увы,

Я неизвестен вам, но если б только вы,

Безумца не сочтя ни наглцом, ни фатом,

Позволили ему быть вашим провожатым...

Пусть недостоин я, но не гоните прочь

Того, кто всей душой стремится вам помочь!

Люсия.

Я тронута, сеньор, всё это очень мило,

Но уличных знакомств ничем не заслужила,

Ни дружеских услуг от посторонних лиц,

Что тщатся заменить исчезнувших возниц!

Дон Дьего.

Да, каюсь, виноват... и сам отлично знаю —

Невелика цена тому, что предлагаю.

Но есть ли человек и есть ли в мире дар,

Достойный вас самой, достойный ваших чар?
Из тех, кто на земле, не в небесах взлелеян,
Кто может быть столь горд и столь самонадеян,
Чтоб вашу красоту, достоинство и стать
С тем, чем прославлен сам, осмелится сравнить?
Померкла для меня светил мадридских слава,
Толедская звезда их всех затмила, право!
Едва лишь вас узрел мой восхищенный взор,
Как я забыл Мадрид и королевский двор...

Люсия.

Ах, милый мой сеньор, сколь вы красноречивы!
Мне, бедной, не сумеешь ответить так красиво!
Толедам не послал бог острого ума...
Так вы — у ног моих? Не верю я сама,
Что стала невзначай владельницей клада...
Немного вам бы стать расчетливее надо
И первым встречным так себя не раздавать.
Могу ль столь ценный дар по совести принять?
Ведь я, его приняв, на части растерзаю!
Не знаете меня так, как себя я знаю.

Дон Дьего.

Что надо мне, узнал, лишь поглядев на вас,
Увидев небеса в сиянье ваших глаз...
Но скрыто лишь одно от сердца и от взгляда:
Сулят мне рай они или мученья ада?

Люсия.

Всяк ведает свое... Я знаю, например,
Как льстив в своих речах столичный кавалер!

Беатриса.

Нашелся кучер наш. Гулял он в переулке.

Люсия.

Уволить бы его за дерзкие прогулки!

Беатриса.

Да, этого вполне заслуживает он...

Люсия.

Удачи вам пошли всеильный Купидон!
Прощайте, сударь мой...

(Уходит с Беатрисой.)

Дон Дьего.

О, как она прекрасна...

Нет, я сойду с ума, коль жребий мой злосчастный

Другую, не ее, в подруги прочит мне!

Альфонсо, я влюблен... душа моя в огне...

Альфонсо.

Ну, что бы дали вы, чтоб сочетаться с нею?

Дон Дьего.

И самого себя и всё, чем я владею.

Альфонсо.

Так, может быть, сеньор, я — радости гонец!

Дон Педро д'Авила — красавицы отец.

Дон Дьего.

Да что ты говоришь? Зовут ее Елена?

Альфонсо.

Про имя не спросил, скажу вам откровенно...

Дон Дьего.

Эх, должен бы спросить, желая мне добра...

А вдруг, на горе мне, есть у нее сестра?

А вдруг сия сестра мне перейдет дорогу?

Нет, прогневолю отца, а вместе с ним и бога,

Но верность соблюду красавице своей...

Успел заметить ты, что за глаза у ней?

Взглянула — и сомлел от пламенного взгляда...

Сгорел, пропал, погиб, и с сердцем нету слада.

Столь радостный теперь томит меня недуг,

Что жить не стану я, коль выздоровлю вдруг!

На что смотреть, увы? Зачем мне нужно зренье,

Коль зримая любовь исчезла, как виденье?

Кто счастье лишь видал, но им не завладел,

Тот не на жизнь, увы, на смерть свою глядел!

Но что же ты застыл в бессмысленном молчанье?

Ужель тебя мои не тронули страданья?

Скажи хоть что-нибудь, развею мою беду,

Не то, клянусь душой, совсем с ума сойду!

Встречал ли ты хоть раз такое совершенство?

Что в нем заключено — несчастье иль блаженство?

Что дивный взор таил, сумевший сердце сжечь, —

Разлуку навсегда иль радость новых встреч?

Ну, отвечай!

Альфонсо. Да тут не сразу и найдешься,

Тут прежде чем сказать, досыта насмеешься!

Чтоб некто, с головой, не с тыквой на плечах,

По улице пройдя, вдруг от любви зачах!

Взглянуть, заговорить, учтиво поклониться,

Сейчас же разойтись и до того влюбиться,
Что хоть в могилу лезь... всё это в пять минут,
К тому же не узнав, как барышню зовут!
Известно вам, сеньор, что ваше обручение...

Дон Дьего.

Довольно, замолчи, и к черту поученья!
Прав я иль виноват — забота не твоя.
Вот где она живет, узнать хотел бы я!
Недуг мой от лекарств лишь разгорится пуще...
Не блага я ищу, а гибели в грядущем —
Не оттого, что слеп — я зряч, как никогда!
А потому, что мне мила моя беда.
Так где она живет?

Альфонсо.

На площади Соборной.

Дон Дьего.

Там, где дон Феликс наш? О друг мой
непритворный,

Ты видишь мой камзол?

Альфонсо.

Да...

Дон Дьего.

Будет он твоим.

Альфонсо.

Не скоро, я боюсь, расстанетесь вы с ним!

Дон Дьего.

Хоть завтра подарю, ручаюсь головою!
Но только поскорей отправимся с тобою
К волшебнице моей, чтобы к ногам ее
Я сердце положил пронзенное свое...
Но страха своего я от тебя не скрою:
Вдруг буду принят я какой-нибудь сестрою,
Уродливой к тому ж... Тогда сомненья нет,
Что дон Диего даст безбрачия обет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Жодле, один.

Честь, друг Жодле, — вот то, чего дороже нет,
И надо посему скорей напасть на след
Нахала, что шутить осмелился с тобою,
Лицо твое примяв корявой пятернею.
Приезжий вертопрах! Нет места на земле,
Где б не сыскал тебя разгневанный Жодле!
Он лют, как Вельзевул, когда его рассердят,
И за обиды мстит врагам без милосердия!
Пусть был бы оскорблен ударом кулака...
Но по щеке плашмя ударила рука,
Да прямо на глазах болтуни Беатрисы,
Что всё изобразить умеет, как актриса,
И может, как герольд, позор твой раструбить.
Нет, кровью должен я свою обиду смыть,
И пусть про месть мою знакомые узнают...

Альфонсо входит незамеченным и слушает.

О пришлый грубиян, когда тебя поймаю,
Увидишь ты тогда...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альфонсо, Жодле.

Альфонсо.
Жодле,

Что?

Ах... какая честь,

Мой дорогой собрат, приветствовать вас здесь!
У нас готово всё для вашего приема...
Хозяин ваш и вы — вы будете как дома!
Как друга, вас сейчас обедом угощу...

Альфонсо.

Весьма любезны вы! Себе я не прошу
Пощечины, что вам нечаянно отвесил...

Жодле.

Какие пустяки! Вы видите, я весел,
Шутливый ваш удар досель меня смешит...

Альфонсо.

Увы, меня зовут. Простите.

(Уходит.)

Жодле.

Трус бежит!
Догнать да надавать как следует по шее?
Но небо не велит ожесточать злодея...
Увы, я слишком добр и вечно невпопад!
Но нет, я оскорблен, и ходу нет назад...
Мой вызов на дуэль получишь ты сегодня.
Узнаешь, на кого преступно руку поднял!
Я накажу тебя! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Дьего, Альфонсо.

Дон Дьего. Альфонсо, я пропал!

Несчастье свое как бы предугадал...

Та, что предстала мне, пленив красой нездешней...

Ах, как произнести? Я ввергнут в ад кромешный...

Волшебница моя другому отдана —

Дон Феликсу, увы, просватана она!

Жену себе искать приехал я в Толедо,

Ужели не с женой — с бедой назад уеду?

Как одолеть беду? Соперника убить?

Красавицу украв, брак тайный заключить?

Люсией я пленен... пусть необыкновенно

Мила и хороша ее сестра Елена,

Пусть доброе дают приданое за ней —

А всё ж тысячекрат Люсия мне милей,

И у того, кому судьба ее вручила,

Ее я отниму, хоть хитростью, хоть силой,

Ни брат, ни сват, ни кум, ни папа, ни король,
Ни церковь, ни тюрьма, ни долг, ни страх, ни боль
Решенью моему не создадут преграды...

Я кровь готов пролить, коль это будет надо!

Дон Феликса, пока не заключил он брак,

Я выбью из седла и околпачу так:

Его я поручу заботам дон Гаспара;

Тот — мастер и знаток смертельного удара

И шпагу обнажать к тому ж весьма горазд.

С дон Феликсом кузен поссорился как раз,

К нему приревновав Люсию и Елену...

То в эту он влюблен, то в ту — попеременно!

Достоин, как никто, сей доблестный жених

И сердца и руки какой-нибудь из них,

Он знатный дворянин — не жалкий захребетник,

А старшего в роду единственный наследник...

При помощи любви и шпаги острия

Да будет счастлив он... а вместе с ним и я!

Альфонсо.

Что ж, хитрость иногда полезнее отваги!

Дон Дъего.

Да, вылезет хитрец из всякой передраги...

Не только что врагов... друзей обманет он!

Но, рук не замарав, кто завоюет трон?

А чем я не король, не император буду,

Когда любой ценой любимую добуду?

Альфонсо.

Дон Феликс дарит вам доверие свое...

Не следует ли нам переменить жилье?

Негоже изменять тому, чей хлеб вкушаешь!

Дон Дъего.

Ты прав, как никогда, и здраво рассуждаешь.

Не надо от него ни крова, ни стола...

Но вот он сам... Ну как сердечные дела,

Дон Феликс, дорогой?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Феликс, дон Дъего, Альфонсо.

Феликс.

Да так же, как и ваши...

Дон Дъего.

Так, значит, вы уже слышаны про наши?

Дон Феликс.

А также и про то, что вместе, вы и я,
В один и тот же день из женихов в мужа
Двух царственных сестер должны преобразиться...
Вы мой вернейший друг, и с вами породниться
И братом вас назвать я буду счастлив, но —
Счастливым быть вполне мне, видно, не дано.
Пусть схожа наша цель, тождественны дороги —
Где вас блаженство ждет, там мне грозят тревоги:
Невзгоды мне сулит Люсии трудный нрав...
Сколь правы были вы, ее сестру избрав!
Уживчива она, кротка, миролюбива,
Люсия же резка, изменчива, строптива,
И пусть я к ней стремлюсь, ее одну любя,
А всё ж она меня выводит из себя...
Мы ждали только вас, чтоб справить нашу свадьбу.
Вы прибыли. Теперь мне нечего желать бы,
Коль к гавани пришла судьбы моей ладья,
Однако грозных бурь вновь ожидаю я.
От вас, любезный брат, беды своей не скрою:
Был некогда знаком с девицею одною
И близок с ней весьма, не думая о том,
Что буду не ее — Люсии женихом.
Могли бы перейти в достоинство супруги
И нрав и красота моей бывшей подруги,
Когда бы не изъян, пусть не весьма большой,—
Что не было у ней полушки за душой.
Я не из тех, кто, льстясь на радости простые,
Приданого не ждет,— и предпочел Люсию.
Покинутая мной повсюду разнесла
Ложь, будто от меня осталась тяжела...
Люсия хочет знать, верны ли слухи эти.
Я должен их замять иль быть за все в ответе.
Две тысячи экую мне выложить пришлось,
Однако дело тем еще не обошлось:
Ревнивица моя обиды не простила!
К прискорбью моему, об этом сообщила
Мне женщина одна — вот только что сейчас,
Когда оставил вдруг столь неучтиво вас,
За что прошу простить... Увы, в себе не волен
Тот, кто в плену любви от беспокойства болен!
Я к сказанным словам прислушался вдвойне,

Узнавши, что прислал предупрежденье мне
Внимательный мой друг, достойная Елена...
Когда б ее сестра была ей равноценна!
Ведь если я люблю Люсию, несмотря
На то, что столько мук мне причиняет зря
Надменностью своей, упрямством, сумасбродством,
То как бы я судьбу благословлял за сходство
Избранницы своей с той, что ей столь близка!
Взаимности, увы, я не достиг пока,
Не вам, сеньор, чета... Достигли вы блаженства,
Себе в невесты взяв не деву — совершенство!
Как трудностям моим сочувствует она,
Хоть нежности иной душа ее полна...
Дождавшись вас, сеньор, Елена, без сомненья,
В вас встретила мечты своей осуществленья!

Дон Дьего.

Коль это правда так, то я, любезный друг,
Победу одержал, не приложив к ней рук...

Дон Феликс.

Но, одержав ее, ужели вы не рады?

Дон Дьего.

Нет нужды ликовать, не заслужив награды.
Серьезна цель моя, и я не вертопрах,
Что сеять смуту рад в неопытных сердцах.
Приехал я сюда не чаровать девицу,
Не путаться, не лгать, а попросту жениться.
Ведь я не то, что вы, великий сердцеед!

Дон Феликс.

Люсии неприязнь — вот лучший вам ответ...

Дон Дьего.

Коль женитесь на ней — она вас любит, видно?

Дон Феликс.

Боюсь, что не меня, как это ни обидно...

Елена говорит — я верю ей вполне, —
Что стала холодней сестра ее ко мне,
Кто знает почему... Что гордое созданье
Мне сердце отдает наперекор желанью
И выйти за меня согласна наконец
Не раньше, чем семья — Елена и отец —
Всё выяснят до дна про эту Доротеею.
Ревнивица делить меня не хочет с нею.
Как раз сегодня я — господь меня прости —

Их к Доротее в дом условился свести,
Чтоб познакомить с ней и с дядюшкой, который
Стал круглой сироте единственной опорой.
Старик подкуплен мной и будет потому
Так правду излагать, как я велел ему:
Хоть он и дворянин, но с низкою душонкой.
Поможет это мне разделаться с девчонкой,
Как некогда завлечь ее же помогло...
Мне с алчностью его, ей-богу, повезло!
Так обстоят дела, любезный дон Диего...
Достигнет ли мой челн спасительного берега,
Где ждет чудесный клад, моих стремлений цель?
Авось свою ладью не посажу на мель!
Надеюсь и на то, что вы мою тигрицу
С влюбленностью моей научите смириться,
Чтоб за нее — увы! — не ела поедом...
Ах, надоело быть причуд ее рабом!
Хотите, сходим к ним — к Люсии и к Елене?
Последняя меня спросила о мигрени,
Которой, к ним войдя, вы заболели вдруг.
Пусть убедится в том, что сгинул ваш недуг!
Не заставляйте ждать невесту, чье участие,
Чья пламенная страсть вам обещает счастье!

Дон Дьего.

Извольте, я готов. Альфонсо, принеси
Мне письма, помнишь, те? Да боже упаси
Не спутай...

Альфонсо. Знаю сам.

Дон Феликс. Я будущего тестя
Как будто вижу там... Да, вот все трое вместе
Направились сюда; мы встретим их сейчас.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Педро, дон Феликс, Елена, дон Дьего, Люсия.

Дон Педро (*выходит из дома в сопровождении дочерей*).

А, это вы, друзья? Приветствую я вас.

Дон Феликс, нам пора, как мы решили с вами,
Отправиться туда, к той самой вашей даме.

Дон Феликс.

Коварный клеветник — что гаже может быть?

Сокровища меня задумавший лишить,

Меня оговорил из зависти презренной...

Дон Педро.

Пойду себе пешком, а вы, вдвоем с Еленой,

В коляске, вслед за мной... Полезен моцион

Тем, кто на склоне лет подагрой удручен.

Пусть я и старый черт, однако без кареты

Способен обойтись... вам, верно, странно это?

Такая молодежь небось почтет за грех

Пройтись вот так пешком, по улице, при всех...

Вот верный посох мой; ей-богу, мне не тяжко

Им заменять порой карету и упряжку!

(Дону Дьего.)

Недолго, сударь, сударь мой, задержимся мы там.

Люсия скоротать поможет время вам...

Соскучиться не даст — в том убедитесь сами!

Елена.

Я думаю, сеньор поедет лучше с нами.

Дон Дьего.

Прошу меня простить, но с вашею сестрой

Поговорить хотел...

Елена.

О чем же, боже мой?

Вам с ней наедине беседовать негоже.

Люсия.

Вот как! А вы ко мне ревнуете, похоже?

Нет, я удивлена... что вдруг на вас нашло?

Елена.

Нашло не на меня, когда на то пошло.

Люсия.

Вы злитесь, ангел мой, а это очень скверно!

Елена.

Вы кое с кем зато любезны непомерно!

Люсия.

Любезна? Ну и что? Где повод для хандры?

Должна ли я грубить избраннику сестры?

Елена.

Его забрать себе вам ничего не стоит!

Люсия.

Нет, я не из таких, кто скарб чужой присвоит!

К тому ж вы столь резвы, за женихом гонясь,
Что где уж мне поймать кого-нибудь из вас!

Елена.

Насмешки да смешки... чего дождусь иного!

Люсия.

Всем, чем богата я, вам услужить готова...

Елена.

Должны бы вы меня хоть каплю уважать!

Люсия.

Того и ваш жених от вас бы вправе ждать...

Елена.

Из одного гнезда, боюсь я, обе птички!

Люсия.

Не бойтесь ничего от младшенькой сестрички.

Сеньора от меня расчет простейший спас:

Сто тысяч золотых приданое у вас!

Елена.

Когда бы не они, я вас была бы хуже?!
Люсия.

Люсия.

Когда бы не они, остались бы без мужа.

Единый взгляд очей пленительных моих —

И вот уже у вас похищен ваш жених!

Елена.

Да только зуб неймет, хотя и видит око...

Пора бы замолчать, болтливая сорока!

А вас, сеньор, прошу: поедemте со мной.

Коль любите меня — верните мне покой!

Дон Дьего.

Я рад бы вам служить, но подозренья ваши

Обидели меня. Вот и дон Феликс даже

Вам может подтвердить... (Уходит.)

Елена.

Дон Феликс, я права!

И ваши здесь, увы, затронуты права...

Дон Феликс.

Сударыня, к чему придирчивость такая?

Как самого себя, я дон Дьего знаю,

И если он решил затеять разговор

С красавицей моей, что с некоторых пор

Сердита на меня, поверивши наветам,

То потому, что я просил его об этом.

Всё ведомо ему: и холодность ее

И, следствие того, отчаянье мое.

А также то, что я, страданьями гонимый,
Готов убить себя у ног своей любимой...

Люсия.

Дон Феликс, я боюсь, при скромности своей,
Что не заслужен мной столь редкостный трофей,
Как труп у ног моих... и не стыжусь признаться,
Что до смерти сама могу перепугаться...

Но всё ж не усомнюсь в приязни мертвеца!

А может, ни к чему лишать детей отца

И в траур одевать меня и Доротею?

Дон Феликс.

Как трудно вас любить, когда прелюбодея

Вы видите во мне...

Люсия.

Как трудно верить в вас,

Не выяснив, скольких вы любите сейчас!

Елена.

Дон Феликс, будет вам! Она совсем взбесилась...

Откуда столько зла, скажите мне на милость!

Что сдуру говорит, не ведает сама.

Не слушайте ее, чтоб не сойти с ума!

Находит на нее затмение порою.

А уж когда найдет, не сыщете героя,

Что вытерпеть бы мог злоречие ее!

Люсия.

К чему же вам терзать терпение свое?

Оставьте здесь меня, а сами к Доротее

С избранником моим отправьтесь поскорее

Да разберитесь там средь следствий и причин,

Достоин ли меня сей бравый дворянин?

Елена.

Стараюсь не для вас, скажу вам откровенно,

А для него.

Люсия. Верней, голубушка Елена,

Ни для кого из нас, лишь для себя самой

Стараетесь, чтоб он обвенчан был со мной...

Но ждет отец давно, а вам и дела нету!

Нельзя ли поспешить?

Елена.

А где возьму карету?

Дон Феликс.

Карета за углом.

Елена

Тогда идем быстрей.

Дон Феликс.

Прощайте, жизнь моя!

Люсия.

Прощайте, свет очей!

Елена и дон Феликс уходят.

(Одна.)

Мне ясно, почему, ревнивая сестрица,
Торопитесь помочь ему на мне жениться:
Хлопочете о том, чтоб собственный жених
Достался вам одной! Бойтесь чар моих!
При вас его уста всегда хранят молчанье,
Ваш вид ему несет лишь разочарованье,
А взглянет на меня — и блеск его очей
Мне больше говорит, чем тысяча речей!
Да, он в моих сетях... но не солгу нисколько,
Признав, что и сама в его силки попала,
Что делим с ним одну неистовую страсть...
Он должен быть моим, и надо мною власть
Взять сможет он один... Как ни борись со мною
Жених, отец, сестра, любимого женою
Я стану... А уйдет из рук желанный муж,
Пойду за старика, ревнивого к тому ж! (Кричит.)
Эй, Беатриса!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беатриса, Люсия.

Беатриса. Да?

Люсия. Ты знаешь, что случилось?

Я в жениха сестры без памяти влюбилась,
И вижу, что сама в душе его царю...
Внимательнее будь к тому, что говорю!
Поторопись, дружок: на первом же развилке
Скорее мне найми закрытые носилки.
Ни слова никому! Успех затеи всей
Зависит от ума и ловкости моей.
Диего разыщи и втайне от сестрицы
Уговори его к монастырю явиться,
Там буду ждать его. Поосторожней будь
Да голос измени!

Беатриса. Управлюсь как-нибудь...

Люсия.

Нам лучше лица скрыть под темные вуали.

Беатриса.

Как бы по платью вас случайно не узнали!

Люсия.

Носилки скроют всё: фигуру и наряд...

К тому же мой отец весьма подслеповат —

Очки ему носить давно уж подобает.

Однако и в очках не скоро расхлебает

Ту кашу, что сейчас завариваю тут...

Но забеги домой и не почти за труд

Мне письма принести из потайной шкатулки.

Да только побыстрей, ведь мы не на прогулке!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Беатриса, Люсия.

Беатриса.

Свой голос изменив, обличье и манеры,
Вкруг пальца обвела чужого кавалера,
Доставила его, от страха вся дрожа,
К стене монастыря. А дальше госпожа
Расскажет мне сама, как обернулось дело.
Я, ожидая вас, все очи проглядела!

Люсия.

Все славно обошлось, по милости творца...
Как требовалось мне, настроила отца.
Неловко было лишь, в носилках прохладаясь,
Терпеть, чтоб он стоял, на палку опираясь.
Внушила я ему, усвоив нужный тон,
Что Доротея — я, а дама, с которой
Беседовать ходил, — обманщица, которой
Дон Феликс обещал за ложь златые горы,
Корысти подчинив стремления свои
И нанеся удар достоинству семьи...
Так гладко всё сошло, что не бывает глаже.
Мне кажется, отец дон Феликсу откажет.
Слыхала бы, как он разбушевался вдруг!
«Сеньор задумал стать супругом двух супруг!
И чтоб одной из них была моя Люсия...
Нет, мне не по душе нахлебники такие!
Дон Феликс негодяй, бесстыжий плут и лжец,
И замыслам его я положу конец!
Над дочерью своей смеяться не позволю...»
Оставив старика доругиваться вволю,

Носилки я сюда велела завернуть,
Покуда ничего он не успел смекнуть...
Но вот он сам идет. Скорей накидки снимем
И, дух переведа, свой вид обычный примем!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Педро, один.

Нет, он меня поймал, как глупого птенца!
Спасибо, дочь моя разумнее отца:
С плутом свою судьбу бездумно не связала.
Решенье не спешить ей небо подсказало.
А если б сгоряча был заключен сей брак,
Уж кто бы, как не я, попал тогда впросак,
Дитя свое отдав за этого пострела,
Обманщика двух жен... чума б его заела!
Одну из них держать он думал про запас,
Другую выставлять, как куклу, напоказ...
Люсия, это вы? Ах, бедная овечка!
Подите же ко мне... перед мадонной свечку
Сегодня затеплю за то, что вас спасла
От мужа-подлеца. Пусть я не помню зла,
Но буду очень рад, когда его повесят.
Такое плутовство кого угодно взбесит,
Такого не простит ни бог, ни даже Рим...
Смотрите, дочь моя, поосторожней с ним!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Люсия, дон Педро.

Люсия.

С кем это, сударь мой? Вы, кажется, не в духе?
Дон Педро.

Да, вашему отцу невыносимы слухи

О том, что зять провел его, как дурака!

Люсия.

Дон Феликс? Мой жених?

Дон Педро. Не стоит медяка.

Представьте, дочь моя, что эта Доротея
(Я только что там был и повидался с нею) —

Сообщница его: усвоила урок
Так хорошо она, что, вытащив платок,
Я вместе с ней всплакнул, словам ее внимая.
Поверив, что стоит передо мной святая,
Которую ни в чем ни бог, ни человек
Не сможет упрекнуть отныне и вовек.
Дон Феликс и она? Коварные наветы...
Однако болтовней все оказалось это.
Я, убежденный в том, что честен ваш жених,
Довольный ходом дел и ваших и своих,
Пошел себе... как вдруг — носилки мне навстречу.
В них — женщина; лицо, и грудь ее, и плечи
Закрыты кисеей; она, подав мне знак,
Слезами залилась и мне сказала так:
«И я и ваша дочь в одни попали сети.
Дон Феликс — мой супруг, и у меня есть дети!
Брак заключать второй, покуда я жива,
Клятвопреступник сей не смеет, и права
Свои и сыновей я защитити сумею...»
Как громом поражен, я замер перед нею,
Кляня свою судьбу, которой нет трудней:
Быть любящим отцом двух взрослых дочерей!
Когда пошел я прочь от этого позора,
Мне сунула пакет незримая сеньора...
Вот он, дитя мое! Вам стоит бросить взгляд,
Чтоб увидеть, что тут — любовных писем ряд...

Люсия.

Пусть там моя сестра бушует на здоровье,
А всё же я, призвав на помощь хладнокровье
И тщательно решив проверить этот слух,
Всем доказала, кто — мудрейшая из двух!
Нет, мало старшинства, чтоб изрекать советы,
Навязанный мне брак доказывает это...
Как чувствовала я...

Альфонсо (вбегают запыхавшись).

Фу, прямо сбился с ног!
Хозяина искал, нигде найти не мог...
Он здесь не проходил? Доставили нам почту,
Которую он ждал... Куда ж я сунул то, что
Он сам вам написал и передать велел?
Ах вот... меж всех бумаг не сразу углядел!
Ответ возьму потом... (Убегает.)

Дон Педро. Эй, погоди, раззява!
Совсем не то письмо он преподнес мне, право!
Надушено оно и женскою рукой
Начертано... Ну нет, по мне, слуга такой
По шее заслужил и этого дождется...
Сиди теперь и жди, пока назад вернется!

Люсия.

А если мы прочтем?..

Дон Педро. Не вижу в том вреда...
Приносит чтенье нам и пользу иногда.

Люсия.

Надписано оно?

Дон Педро. Сеньору дону Дьего.

Люсия.

Наверно, кто-нибудь, за кем он раньше бегал...

Дон Педро.

А что же, ничего зазорного в том нет:

Вести победам счет обязывает свет...

А впрочем, не всегда в борьбе своей упорной

Одерживает их столь влюбчивый придворный:

Не каждая дает легко себя провесть!

Разумные блюдут достоинство и честь,

Безумные — не столь приятная добыча...

Стрелок по пташкам бьет, однако что за притча —

Они себе вспорхнут и взмоют в небеса...

А тут, глядишь, дома, поля, луга, леса,

В долги преобразясь, — ну разве не умора? —

Торопятся в карман бездонный кредитора.

Юнцы ж, когда совсем затянется петля,

Врут, что разорены на службе короля...

Да, хочется весьма, как поглядишь на это,

Сатиру написать или два-три памфлета...

Но хватит воркотни! Ведь, прежде чем вернуть

Записочку, в нее нам надо заглянуть!

«Любезный супруг мой,

Вы потратили уже полмесяца на путешествие, для которого
испрашивали у меня неделю. Наш малютка Жано с утра
и до вечера зовет своего папочку и, не находя вас нигде,
впадает в отчаяние... Возвращайтесь же быстрее, ежели хо-
тите застать его в живых, и отсутствием своим не подвер-
гайте тысяче смертей преданную вам Доротею».

Черт! Доротея вновь! Не верю я глазам!
Как! Доротея тут и Доротея там!
В носилках и в дому — опять же Доротея,
И маленький Жано ждет папочку скорее,
А папочка-злодей забыл свое дитя!
Ужель я был неправ, сие письмо прочтя?
Благодаря ему вторую Доротею
Мы извлекли на свет... Честь и хвала лакею,
Который, всё смешав, позволил нам понять,
Насколько хороши и тот и этот зять.
Желаю одного, их раскусивши, — чтобы
Попали побыстрей на виселицу оба!

Люсия.

А верно ль вы прочли?

Дон Педро. Увы, я прочитал
Раз в тысячу верней, чем сам о том мечтал!

Люсия.

Дон Феликсу сама могла я приглянуться,
Диго же владел расчет корыстолюбца...
Едва прибыв сюда, придворный этот плут
Стал женихом сестры в каких-то пять минут,
Доселе не выдав ее и на портрете!
Всё это предстает в весьма печальном свете...
Приданным увлечен сей скаредный жених!
Кому не по душе сто тысяч золотых...

Дон Педро.

Пес знает, где нашли себе по Доротее?
То ль многих так зовут, то ль эта вся затея —
Издевка надо мной? — Вот наши молодцы!
Ну кто б поверить мог? Невинные птенцы!

Люсия (в сторону).

Ах, надо ж было мне в неверного влюбиться!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Педро, Люсия, Елена, дон Дьего, дон Феликс,
Беатриса.

Дон Педро.

Нет, вам не провести меня на небылицах,
Голубчики мои! Хорошенький сюрприз
Вы нам преподнесли... Мы было обожглись!
Вам, дон Диго, я советую вернуться

Скорей к себе домой: ведь ждут и не дождутся
Вас Доротея там и маленький Жано.

Ребенок заболел, не видя вас давно.

Дон Феликс, вам скажу, что ваша Доротея

Отстаивать взялась от мужа-лиходея

Священные права свои и двух сынов.

Вы, дочери мои, за мной под отчий кров

Последуйте!

Люсия (*делая реверанс*).

Прощайте, ваше двоебрачье!

Елена.

О небо, что с отцом? Что это может значить?

А, Беатриса?

Беатриса. То, что прав он, как всегда.

Пойдемте-ка домой, а эти господа

Пусть погорюют здесь — им есть о чем, похоже!

Красавцы женихи... да разрази их боже!

Дон Феликс.

Видали, сударь мой? Что на него нашло?

Старик сошел с ума!

Дон Дьего.

Кому из нас назло

Он стал мне намекать на Доротею вашу?

Дон Феликс.

Догадываюсь я, что заварил всю кашу

Любезный дон Гаспар, желающий мне зла,

За то, что не его Люсия предпочла!

Сумею проучить ревнивца и нахала!

Беатриса (*выходит из дома и бросает два письма*).

Здесь вам посвящены два новых мадригала...

Прочтите!

Дон Дьего. Дай спросить словечко хоть одно!

Беатриса.

Не знаю ничего. Спросите у Жано!

Дон Дьего.

«Спросите у Жано!» Довольно непонятно...

Дон Феликс.

Нам эти два письма помогут, вероятно,

Понять, о чем старик нам толковал сейчас.

Вот это — вам письмо.

Дон Дьего.

А это вот — от вас!

Дон Феликс.

Да, я его послал не так давно Люсии...

Нет, надо выяснять ошибки роковые.

Я в этот дом прорвусь, пусть там меня убьют!
Беатриса (*приоткрывая дверь*).

Ах, многих жен ловцы еще, я вижу, тут!

Кто при живой жене искать невест изволит,

Напрасно здесь торчит и нам глаза мозолит!

Дон Феликс (*входя в дом дона Педро*).

Сейчас я ворочусь!

Дон Дьего. Я буду здесь вас ждать.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Альфонсо, дон Дьего.

Альфонсо (*подходит к дону Дьего*).

Уловка удалась?

Дон Дьего. Да как тебе сказать...

Альфонсо.

А будущий ваш тесть?

Дон Дьего. Как видно, сильно зол он.

Дон Феликс — вне себя, а я — надежды полон.

Альфонсо.

Дон Феликс? Почему?

Дон Дьего. Да не в фаворе он...

Соперник этот мне уж боле не страшон.

Люсии он не мил, но похвалюсь по праву,

Что сам пришелся я красавице по нраву.

Доверю я тебе, чтоб стало все ясней:

Я полчаса назад был на свиданье с ней...

А главное, мой друг, прелестное созданье

Без просьб моих само назначило свиданье!

О нежности гласит ее бесстрашный ход,

Избавивший меня от множества хлопот.

Я был пленен тогда, узрев ее впервые,

Одной лишь красотой божественной Люсии,

А нынче увидал, сколь дивно хороши

Цветы ее ума, сокровища души!

Альфонсо.

Ах, полно, сударь мой, рассказывать мне сказки

О том, кому и кто стал первый строить глазки...

Быть может, перейдем от басен к похвалам

Тому, как услужить сумел Альфонсо вам?
Скажите, ловко я подбросил им посланье?
А как мне удалась и слог, и содержанье?
Ведь здорово старик попался на крючок!
Попробуй-ка сыщи другой такой предлог,
Чтоб загодя разбить оковы Гименея!

Дон Дьего.

Всё очень хорошо... но имя «Доротея»...

Альфонсо.

Да просто так взбрело мне в голову оно!

Дон Дьего.

Чтоб дело довершить, осталось лишь одно —
Пустяк, который мне осуществить несложно:
Ругаясь, палку взять и...

Альфонсо.

Это невозможно!

Дон Дьего.

Но дай мне досказать!

Альфонсо.

Я понял вас вполне:

И палкой этой вздуть Альфонсо по спине!

Дон Дьего.

Лишь чуточку...

Альфонсо.

Нет-нет, нам с вами не стакнуться!

И дело и слуга без палки обойдутся!

Рукоприкладство — грех, хозяин дорогой...

Дон Дьего.

Ведь стукну-то, дружок, всего разок-другой!

Альфонсо.

Ну, разве что разок, и чтоб не больно было...

О глупая душа, зачем ты полюбила

Сеньора и ему не в силах отказать?

Но только чтоб рукам, чур, воли не давать!

Старайтесь в ход пустить поболее красноречья,

Поменьше плюх, щелчков и прочего увечья!

Не вздумайте забыть, что я — христианин,

Когда начнете бить!

Дон Дьего.

Не мерь на свой аршин!

Альфонсо.

Удары нанося, пожалуйста, не ждите,

Что в чем-нибудь людей вы этим убедите!

Дон Дьего.

Теряем время мы!

Альфонсо.

Что, должен я вопить?

Дон Дьего.

И громко!

Альфонсо. Ай-ай-ай, меня хотят убить!

Дон Дьего.

Предатель!

Альфонсо. Караул!

Дон Дьего. Мерзавец!

Альфонсо.

Заступитесь!

Дон Дьего.

Разбойник, не слуга!

Альфонсо.

Черт побери, очнитесь!

Дон Дьего.

А что?

Альфонсо.

Да то, что вы меня избили в кровь...

Дон Дьего.

Ах, замечтался я...

Альфонсо.

Будь проклята любовь!

На помощь, я погиб!

Дон Дьего.

Убью тебя, иуду!

Ты подменил письмо? Пусть сам я жив не буду,

Но раздавлю тебя, коварный скорпион!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Педро, Альфонсо, дон Дьего,
дон Феликс, Люсия.

Дон Педро.

Потише, сударь мой... В чем провинился он?

Альфонсо.

Да только в том, сеньор, что письма перепутал!

Дон Дьего.

Пусть буду я не я, но смерти самой лютой

Велю тебя предать!

Альфонсо.

Когда душа чиста,

То не страшна и смерть...

Дон Дьего (уходя). Я проучу скота!

Дон Педро.

Нам больше, чем слуге, всё, кажется, понятно...

Альфонсо.

Он мне не заплатил... на что теперь обрагно,
Всего лишившись здесь, вернуться я смогу?

Дон Педро.

Об этом не тужи — тебе я помогу. (Дону Феликсу.)
Что скажете, сеньор? Хорош у вас приятель?

Незаметно проходит Жодле и прячется в углу.

К богатству устремясь, злокозненный стяжатель
Отважился пойти на темные дела,
Забыв про честь свою.

Люсия.

А у него была

Когда-нибудь она?

Дон Феликс.

Скажу вам непритворно,

Что от него не ждал...

Дон Педро.

Всё это смехотворно,

Коль скоро отошли опасность и беда...

Согласен всё простить... но подлость — никогда!

Дон Феликс.

Сказали вы, сеньор, что та, вторая фея,
Назвавшая себя моею Доротеей,
Посланье это вот вручить посмела вам,
Да, это почерк мой. Письмо писал я сам,
Однако же не ей, а госпоже Люсии...

Люсия.

В ответ на это вам скажу слова такие:
Раз дон Диего плут, признаться я должна
В том, что жестоко им была увлечена
И вот, желая вас отвадить поскорее,
Сама взялась сыграть другую Доротею...
Мне это удалось настолько, что отец
Разгневался на вас... прости меня, творец!
Я это вот письмо ему вручила... что мне!
Способна я на всё, когда себя не помню,
А тут, ослеплена, отважилась забыть
Достоинство свое, без коего — не жить!
Безумство вы мое простите, не простите ль,
Теперь мне путь один — в священную обитель...

Дон Феликс.

Я недостоин вас... вины в том вашей нет...

Сам виноват во всем...

Дон Педро.

Прекраснейший ответ!

А вы, дитя мое, запомните навечно:
Всегда наказан тот, кто действует беспечно!
(Дону Феликсу.)

Я был несправедлив... поверил людям злым...
Но, распознав недуг, легко бороться с ним.

Все, кроме Жодле, уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Жодле, один.

О ты, запрятавшийся там,
Дающий людям по зубам,
Знай, что любые злодеянья
Заслуживают наказанья!
Едва лишь сделаешь шажок
И переступишь сей порог,
Как я (предупреждаю, ибо
Учтив с врагом я, кто б он ни был!)
За всё воздам тебе сполна,
Тому свидетель сатана!
Ах, удушить себя скорее!
Ах, шпагой нос прошить злодею,
Чтоб отучить на много лет
Его совать куда не след!
Вот так. Уверен я в успехе:
Мое оружие и доспехи,
Примочки, ладанки, бинты,
А также чувство правоты —
Мои помощники в сраженье;
Вот средство от кровоточенья,
А вот надежный талисман
От колотых и рваных ран...
Я, ставя жизнь свою на карту,
Постиг и терцию и квартиру,
Свободно обхожусь с клинком,
И выпад мне любой знаком.
Предусмотрительность полезна.
Кузнец мне сделал шлем железный,
Под шляпой незаметен он,
Как будто бы таков фасон.

Еще заказана кольчуга,
Она легка, гибка, упруга,
Непроницаема, прочна,
Совсем под курткой не видна.
Достал себе и круглый щит я —
Весьма надежная защита,
И топором не прошибешь...
Есть и кинжал отличный; что ж,
Он может быть не лишним в деле,
Теперь помыслим о дуэли:
Сойдемся мы лицом к лицу —
Тут вдруг я шпагу нагнецу
К груди приставлю и, немножко
Пощекотав его, подножкой
На землю ловко уложу.
Уж я его разодолжу,
Измолочу, как сноп пшеницы!
Он от дуэли уклониться
Задумал, несмотря на то,
Что вызовов, наверно, сто
Повсюду разбросал я тайно.
Наверно, хоть один случайно
Он получил, однако вот
Молчит, воды набравши в рот!
О благородное собранье!
Представить вашему вниманью
Я стансы дивные мечтал,
Поскольку автор обещал
Украстить ими наши роли...
Увы! Ищите ветра в поле!
Поэт нам, видно за грехи,
Подсунул слабые стихи!

...Глупец, кто изобрел закон нелепый чести...
Дают вам по щеке — извольте жаждать мести!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Феликс, Жодле.

Дон Феликс.

Вас кто-то оскорбил, я слышал?

Жодле.

Как, меня?

Дон Феликс.

Да, вас!

Жодле. Ах, пустяки, не верьте! Болтовня!
Он, вроде бы шутя и не задев престижа,
Пощечину мне дал...

Дон Феликс. Я разницы не вижу.
Кто этот человек?

Жодле. Да в услуженье он
У дон Диего. Так, болтун и фанфарон...

Дон Феликс.
Что ж, рассчитайтесь с ним или расчет берите!

Жодле.
Пусть жалкий негодяй готовится к защите!

Дон Феликс.
Ударил сильно он?

Жодле. Вернее — невпопад!

Дон Феликс.
А все-таки? Точней!

Жодле (дает ему пощечину).
На этакий вот лад!

Дон Феликс.
Ох, палку я возьму...

Жодле. А как же без примера
Я мог живописать противника манеры?

Дон Феликс.
Нет, вольностям твоим я положу конец!

Жодле.
За что? Я доказал, что ваш слуга не льстец!

Дон Феликс.
Послушай-ка, Жодле, и без тебя мне тошно!
Тут некий клеветник распространил нарочно
Зловредных сплетен ряд, чтоб ими помешать
С избранницей моей мне жизнь свою связать...

Жодле.
Я вас предупреждал, что ваше поведение
Рождает сонм обид и навлекает мщенье...
Погубит это вас...

Дон Феликс. Ах, что тут возразишь?

Жодле.
«Не увлекаюсь я, а развлекаюсь лишь...
Любим иль не любим, таким огнем сгораю,

Которым одного себя я согреваю...

Соперников своих с ума сводить люблю...»

Дон Феликс.

Что мелешь ты за чушь?

Жодле.

Увы, не чушь мелю,

А ваши же слова с почтеньем повторяю...

Дон Феликс.

Ах, не до шуток мне. Замолкни, умоляю!

Придумать должен я, как слухи прекратить,

В виновности своей людей разубедить...

Препятствия трудны, но я их одолею.

Хочу, чтоб ты пошел проведать Доротею

И с ней поговорил. Мне подложив свинью,

Диего не меня сгубил, а честь свою.

Он вряд ли сохранил Люсии уваженье...

А что со мной он плох — до вражеского мненья

Мне, право, дела нет.

Жодле.

Вот точно так и мне.

Однако за удар воздам врагу вдвойне!

Когда не знал досель, то вскорости узнает,

Что я не из таких, кто щеку подставляет!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Ж о д л е, один.

Сердечность не вредит воинственному духу.
Сочувствую тебе в том, что за оплеуху,
Которую ты зря отважился мне дать,
Я должен у тебя младую жизнь отнять...
— Впервые от него, насколько мне известно,
Такой я получил подарок полновесный,
Однако, побожусь, поныне изумлен,
Сколь опытной рукой он был преподнесен.
Да, на побоях плут набил изрядно руку.
Что, если б самому пойти к нему в науку
(Хоть и ведет она к плачевному концу)?..
Хотелось бы и мне вот так же по лицу
Противника суметь при случае огладить...
А жаль, что не дано друг с другом людям ладить:
Не глупо ли свою единственную плоть
Чужому разрешать дырявить и колоть,
Когда любой укол — для гибели причина...
Проткнули сердце вам — и настает кончина,
Проткнули печень — то ж, без почки — вам конец,
И легкое вспороть — вы также не жилец...
А если невзначай вам перережут жилу?
Бр-р-р... легче самому залезть живьем в могилу!
А выколют вам глаз? О боже всеблагой!
Какой же я дурак, рискуя так собой!
Я в смерти не люблю то, что она безноса,
А во-вторых, — что всех грабастает без спроса:
И доблестных мужей, и трусов записных,
Богатых, бедняков, добросердечных, злых...

Но полно рассуждать: обратно нету хода...
Страшаю сам себя! Нелепая метода!
Прочь, робость! Храбрецом сегодня прослыву...
Коль я герой в душе — им буду наяву!
Получен вызов мой, иначе быть не может...
Однако враг нейдет... боится он, похоже!
О небо, сделай так, чтоб, мною уstraшен,
И вовсе не пришел расплачиваться он...
Нет! Стоит ли вздыхать и прибегать к молитве,
Когда нужны дела и подготовка к битве?
Я сдерживал себя, но волю гневу дам.
Ну что ж, вообразим, что трус стоит вон там.
Итак, пора начать. Мы обнажаем шпаги.
Раз! — выпад... Раз! — второй... Наглец белей бумаги.
Вниманье! Не зевать! Вжик... Вжик... Прими мой дар!
Дзинь... Дзинь... видал, как твой парировал удар?
Ты пятишься, злодей? А что об этом скажешь?
Ты метишь в очи мне? Куда тебе! Промажешь!
О небо, я ослеп! Он выколол мне глаз!
Ан нет — гляжу опять... спасен на этот раз!
Фу... даже напугал... Поплатишься за это!
Эти стихи произносятся быстро, как бы в пылу битвы.
Так! Вот тебе дыра, да посреди жилета!
Так! Вот тебе дыра, да посреди зрачка!
Ты, верно, ожидал напасть на простачка?
Ну, правый глаз готов... теперь мне левый надо...
— Прости меня, Жодле! — Ну, нет! — Прошу пощады...
Как буду жить слепой? — Поводыря наймешь! —
Ах, смилуйся, Жодле! — Нет, ты сейчас умрешь!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Альфонсо, Жодле.

Альфонсо (неожиданно появляясь).

Кто должен умереть не на своей кровати?
Жодле (в сторону).

Ах, черт тебя возьми, явился ты некстати!
Да это просто так...

Альфонсо.

Как так?

Жодле.

Уже прошло...

А льфонсо.

Прошло? А этот вид? А шпага наголо?

Жодле.

Гм... Я тут повторял стихи из некоей пьесы...

А льфонсо.

Стихи из пьесы? Ложь!.. Стихи! Какого беса
Плетете эту чушь! С кем вы сейчас дрались?

Жодле.

Тут... с храбрецом одним... Отвага — мой девиз!

Мне дорог даже враг, отважный в бранном деле...

А льфонсо.

А он не ранил вас? Вы что-то побледнели...

Итак, вручили мне ваш вызов на дуэль.

Готов к услугам я.

Жодле.

Ну что за канитель!

Вас кто-то разыграл! Я ничего не знаю

И дважды в полчаса сражаться не желаю...

А льфонсо.

Извольте прочитать!

Жодле.

Охотно, сударь мой,

Но только, прочитав, я поспешу домой!

«Некоторые клеветники утверждают, что вы будто бы изволили дать мне пощечину; не могу поверить в это, будучи осведомлен о вашей учтивости. Но каким способом прекратить порочащие слухи? Разве что милость ваша соблаговолит заткнуть людям рот своей щедрой ладонью, как она, говорят, соблаговолила заткнуть мой собственный? Хозяин мой приказал, чтобы я, во спасение чести своей, отлупил вас палкой или пролил вашу кровь; лупить вас не собираюсь, ибо сие сопряжено для меня с некоторыми неудобствами; что до кровопролития и до вызова вас к барьеру, то и этот прием кажется мне достаточно отталкивающим, невзирая на что вынужден просить вашу милость явиться сегодня к вечеру на главную площадь и извинить беспокойство, причиняемое вам покорнейшим слугой вашим

Жодле».

А льфонсо.

Что скажете, сеньор, об авторе письма?

Жодле.

Храни его господь — отважен он весьма!

Альфонсо.

Так вызов не от вас?

Жодле.

Ах, сударь мой, еще бы!

Я не питаю к вам столь кровожадной злобы!

Альфонсо.

Я очень тороплюсь и посему, увы,

Не так отвечу вам, как заслужили вы.

За мной не пропадет — вознагражу богато!

(Бьет Жодле.)

Вот и задаток вам в счет будущей расплаты —

Затрешины, пинки — всё, что сумел собрать!

(Уходит.)

Жодле.

Зачем же так спешить? Я мог и обождать!

А всё ж он встречен был со шпагой обнаженной,

И спор наш разрешен весьма непринужденно.

Да, то был бой так бой... А если б я сбежал?

Противник мой небось о том лишь и мечтал...

Как важно храбрым быть, и как нужна отвага...

Отныне без клинка я никуда ни шага!

Во мне проснулся зверь, а звери любят кровь!

Ах, с кем бы мне теперь скрестить оружие вновь?

Тсс... кто-то там идет... меня заметить могут...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Феликс, Альфонсо, дон Педро.

Дон Феликс.

Как вам живописать мой ужас и тревогу?

Дон Педро.

Да у нее пройдет... она ведь молода...

Со мною тоже так бывает иногда!

Дон Феликс.

Взирая на ее безумные страдания,

Свидетелем немым я быть не в состоянии!

Дон Педро.

Не огорчайтесь, друг, мой добрый вам совет.

Заверю вас в одном: глухая или нет,

Прошла ли боль в ушах или не дает покою,

А выйдет дочь за вас и будет вам женою.

И сердцем и умом решенье принял я

И слово вам даю...

Дон Феликс. Увы, вся жизнь моя

В руках ее любви — иль в дланях неприязни.

Жду царского венца — и опасуюсь казни...

Входит Альфонсо.

Дон Педро.

Вы до сих пор все здесь? Как это? Почему?

Альфонсо.

Застрял я вопреки желанью своему...

Приятель обещал мне для поездки мула,

Да что-то не ведет — как бы не обманул он!

Дон Педро.

Вернулся ли к жене ваш добрый господин

Дон Дьего? Или жить решил теперь один?

Альфонсо.

Уехал, не сказав мне даже «до свиданья».

А вслед ему пришло еще одно посланье...

Куда я с ним теперь... Возьмите вы его!

Быть может, мне, сеньор, прикажете чего?

Дон Педро.

Что приказать могу? Езжайте-ка быстрее!

Пусть вам пошлет господь хозяев почестнее!

А ну, кто пишет вам, разоблаченный зять?

Что сможем мы о вас приятно узнать?

«Любезный супруг мой, поскольку мне известна дружба, связывающая вас с доном Феликсом де Фонсека, спешу вас уведомить, что здесь недавно казнили фальшивомонетчиков, обвинивших его в соучастии. Предупредите дона Феликса, что за ним послан человек, долженствующий взять его под стражу, где бы он ни находился, и скорее возвращайтесь к преданной вам Доротее».

Так, значит, вы артист? Чеканите медали?

Недаром свой талант столь тщательно скрывали!

Для тех, кто множит лик священный короля,

Давно у палача припасена петля!

Дон Феликс.

Что мне сказали вы? Не понял я, простите!

Дон Педро.

О зять моей мечты, вот письмецо, прочтите!

Мне что-то чересчур с зятями повезло...
Но бог не попустил, чтоб совершилось зло.
Тому, что он со мной, со всей моей семьею,
Вот эти два письма — свидетельство благое!

Дон Феликс.

Какая клевета! Кто вздумал посягнуть
На честь мою теперь? Немедленно вернуть
Слугу, что вам принес столь наглуую записку!

Дон Педро.

Далеко он сейчас...

Дон Феликс. Далеко или близко —

За шиворот его да под замок, в тюрьму,
Пока не выдаст всё, что ведомо ему!

Дон Педро.

Кто это там пришел?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Гаспар, дон Педро, дон Феликс, Елена,
Беатриса.

Дон Гаспар. Сеньор, прошу прощенья,

Но требуют от нас законы исполненья.

По воле короля я должен задержать

Дон Феликса, добром иль силой...

Дон Феликс. Вам не взять

Ни силой, ни добром сеньора де Фонсека!

Ну, шпагу обнажи, когда ты не калека!

Дон Гаспар.

Слыхали, господа? А вы понять должны —

Сопротивленье есть признание вины.

Дон Феликс.

Прекрасные слова! Кто им поверит сдуру?

Спасая честь свою... а ты — спасай-ка шкуру!

Дон Педро.

Что делают они?

Елена.

Что там опять за спор?

Дон Педро.

Пойду-ка погляжу.

Елена.

Я с вами, мой сеньор!

Беатриса.

А я скорей домой... чтоб госпоже Люсии

Все это рассказать..

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Дьего, Альфонсо.

Дон Дьего. ...А может, и плохие
Дела мои — бог весть! Им стоит разгадать
Последний этот ход — и мне несдобровать!

Альфонсо.
Всё будет хорошо...

Дон Дьего. Зайди к ней осторожно.
Я жду ее, скажи, — пусть выйдет, если можно.

Альфонсо входит в дом.

Ее любой ценой увидеть должен я...
Предчувствий и тревог полна душа моя;
Последний козырь мой... последнее сраженьё...
Что принесет оно? Победу? Пораженьё?
Уж если проиграл — не отыграюсь впредь.
Чем без любимой жить — не лучше ль умереть?..
Но вот она сама... черт дивных совершенство
Дурного не таит... они сулят блаженство...
Как видно, рассказать Альфонсо ей решил
Про наше плутовство...

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Люсия, Альфонсо, дон Дьего.

Люсия. ...И он мне даже мил
Влюбленностью своей... как я его жалею!
Опасный вы народ... подобные затеи
К добру не приведут...

Альфонсо. Но вы опасней нас,
Поскольку мы творим все это ради вас!

Люсия.
Записка ваша вновь была от Доротеи?

Альфонсо.
И так же, как и та, она рукой моею
Написана была и преподнесена.
Тут входит дон Гаспар — и началась война!
Дон Феликс поднял бунт; наш подставной

судейский
Урок свой пробубнил с ухваткою злодейской

И скряться поспешил; ругаясь, ваш жених
Пустился вслед за ним... не скоро ждите их!

Люсия.

Себя мне не спасти теперь от злоязычья...

Но — лишь бы победить! Что мне тогда приличья!

Дон Дьего.

О ангел мой! Сейчас, со мной наедине,

Надежду на успех подарите ли мне?

Люсия.

Могу лишь вам сказать, что и сама страдаю

Не менее, чем вы... а также, что не знаю,

Какая участь ждет — рай или кабала —

Ту, что из-за любви всех близких предала.

Дон Дьего.

Я слов не нахожу! Восторг и обожанье —

Единственный ответ на дивное признание...

Люсия.

Так, значит, вы мою не любите сестру?

Не женитесь на ней?

Дон Дьего.

Пусть лучше я умру!

Люсия.

Выходит, Феликс мой...

Дон Дьего.

....Уже не ваш отныне!

И богу не отдам души своей богиню!

Люсия.

Тогда вам поклянусь, что замуж выйду я,

Диего, лишь за вас... а прочие мужья,

Кто б ни были они, хоть боги, хоть герои,

Неинтересны мне, пусть я их и не стою.

Я так же вас, мой друг, люблю, как вы меня...

Осердитесь ли вы, нескромной возомня

Девицу, что ведет столь искренние речи?

Но, право, я скромней была до нашей встречи.

Мы, женщины, глупы... а стоит, например,

Чтоб сердце нам пленил блестящий кавалер,

Как мы уже совсем теряем разуменье...

Из правила, увы, и я не исключенье,

Поскольку глухоту изображать взялась

Да ломоту в висках... и только из-за вас!

Дон Дьего.

Смеетесь, ангел мой... еще не время смеху...

Какую в глухоте нашли себе потеху?

Люсия.

Она мне помогла — а это не пустяк —
Отсрочить казнь свою, свой ненавистный брак.
Однако я боюсь — все может измениться...
Не верит в мой недуг ревнивая сестрица.
Она твердит отцу, что лишь несносный нрав
И есть моя болезнь. Не зная, кто тут прав,
Кто виноват из нас, отец и рвет и мечет.
Дон Феликс о своем сочувствии лепечет,
Невестою глухой расстроенный всерьез...
Когда б посмела я, всем натянула б нос,
Но утлая ладья еще в открытом море,
И, осторожна я, с волной и с ветром споря...

Дон Дьего.

Всё могут одолеть отважные сердца!
Зависит путь ладьи от мужества гребца,
Отважному бойцу судьба сулит победы,
Трусливому зато ниспосылая беды!

Люсия.

А собственно, сеньор, к чему сия мораль?

Дон Дьего.

К тому, что нам во всем признаться не пора ль
Дон Педро наконец? А если нет вам дела
До мнения его, из отчего предела
Похитить вас хочу, как только руку мне
Подарите свою... с душою наравне!

Люсия.

Да знаете ли вы... А впрочем, вся, с рукою
И с сердцем, — ваша я, располагайте мною.
Хотите увозить — седлайте скакуна!

Дон Дьего.

Сегодня я судьбой вознагражден сполна...

Беатриса.

Старик идет сюда... кончайте разговоры!

Люсия.

Коль догадался он, должны мы, словно воры,
Бежать ночной порой, куда глаза глядят,
Без лишних дум и слов. Нам ходу нет назад...
Идем! Поможешь мне изображать больную,

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Педро, дон Дьего, дон Гаспар, Люсия,
Беатриса, Елена.

Дон Педро.

В обоих молодцах обманщиков я чую.
И этот офицер и сам жених — плуты!
Дон Феликс доказать не сможет правоты,
Хоть он из кожи лезь! Пусть иногда бывает,
Что торжествует зло, однако наступает
Расплаты грозный час... Еще и этот плут?!
Могу ли вас спросить, что делаете тут?

Дон Дьего.

Я, сударь мой, пришел, дабы принять участие
В дон Феликсе, узнав, что с ним стряслось
несчастье...

Хотелось мне помочь тому, с кем дружен я;
А оправдать себя — вторая цель моя.
Коль выслушать меня способны беспристрастно,
Поймите, что вина моя лишь в том, что, страстно
Дочь вашу полюбив, не отступал на пядь
В стремлении своем ее завоевать.

Дон Педро.

Ее завоевать! А как же Доротея?

Дон Дьего.

Почтенный мой сеньор, надежду я лелею,
Что вы, проникнув в суть намерений моих,
Сумеете простить и способ, коим их
Безмерная любовь моя осуществляла...
Я все вам объясню, однако же сначала
Позвольте вас спросить: ужель мой бедный друг,
Как люди говорят, был кем-то схвачен вдруг,
В подлоге обличен и заключен в темницу
Без всякого суда? Такую небылицу
Пришлось услышать мне...

Дон Педро.

Нет, сударь, это было.

Я не принадлежу к семейству простофиль
И вижу здесь подвох: когда закон желает
Преступника поймать, он вряд ли посылает
Какого-то шута, к тому же одного,
Не выставив ему в подмогу никого.

Вдобавок ко всему за дочками моими
Сей странный офицер ухаживает. Имя
Запомнил я... Пойдите, дон Гаспар
Падилья... Ну так вот, нанесите ему удар
Дон Феликс захотел — не удалось мальчишке!
Затеял дон Гаспар игру с ним в кошки-мышки,
Бесстрастно отводя мелькающий клинок
И ловкостью своей стремительный наскок
Противника в пустяк, в забаву превращая.
Когда ж ему возня прискучила такая,
А ваш любимый друг повыбился из сил,
Учтивый дон Гаспар плечо ему пронзил,
Сломав его клинок, красавчика на брюхо
В два счета положил, ему отрезал ухо,
А сам исчез как дым. Еще не весь рассказ.
Один судейский чин тут приходил как раз.
Дон Феликса узнав, велел его скорее
Препроводить в тюрьму. За что? За Доротею,
Решившую подать на негодея в суд.
Изменника ни ложь, ни подкуп не спасут!
Подобной быстроты в событиях не видал я...
В минуту родилась и кончилась баталья.
Так молния в грозу дает внезапный свет...
Вот только был жених — глядишь, его и нет!

Дон Дьего.

Так, значит, он в тюрьме...

Дон Педро.

А чтоб освободиться,

Вступить обязан в брак с обманутой девицей

И с нею в дом принять двух маленьких сынков...

Ведь первенцу его не больше двух годков!

Входит дон Гаспар.

Я грежу наяву! Весьма непринужденно

Пожаловал сюда тот самый страж закона!

Перемигнулись вы? Да, я боюсь весьма,

Что дело ваших рук вся эта кутерьма...

Дон Дьего.

Ах, сударь мой, молчать я не осмелюсь боле:

Дон Феликс пострадал, но не по нашей воле,

А из-за вас!

Дон Педро. Вот как?

Дон Дьего. В том вашей нет вины...

Но, право же, сеньор, вы совершенств полны,

И знают все вокруг, что вы и ваши дети —

Сплошная чистота, сплошная добродетель!

А мой пропащий друг бесчестен был, увы...

Вот только что сейчас в том убедились вы,

Да многое еще вам рассказать могу я...

Ужель он должен был войти в семью такую,

Покрыть позором всех? Что ж, собственной рукой

Расторг я этот брак — и отодвинул свой.

Всё выдумки: Жано, и эта Доротея,

И эти два письма... Согласен был злодея

Собой изобразить, чтоб только вам помочь

И честь семьи сберечь и дорогую дочь...

В чем я и преуспел, пусть вы меня вначале

Корыстным наглецом, стяжателем считали...

А это — дон Гаспар, двоюродный мой брат.

С сегодняшнего дня он знатен и богат,

Наследство получив и имя родовое...

Бедняжка без отца остался сиротою...

Ужели вы отцом не станете ему,

Приняв его в зятя? Он не чета тому!

Раскройте же ему радушные объятия!

Дон Педро.

Что ж, выгнать сгоряча негаданного зятя

Иль так же сгоряча в семью его принять —

Ведь это значит вновь ошибкой рисковать!

Дон Дьего.

А если свадьбу нам и все приготовления

В Мадрид перенести? Там ваши опасенья

Родитель мой, маркиз, рассеет, может быть,

Чтоб с легким сердцем нас смогли благословить?

Дон Педро.

Разумные слова!

Дон Гаспар. Возможно ль не проверить

Все качества того, кому навек доверить

Задумали бы клад... когда дороже он,

Чем скипетр, и венец, и королевский трон...

Дон Педро.

Осталось исцелить несчастную Люсию.

Но как бы ей помочь? Чем лечатся глухие?

Дон Гаспар.

А что произошло?

Дон Педро. Да вот вчерашний день
Вступило в ухо ей, теперь глуха как пень.

Дон Гаспар.

Как небо своему чудесному созданию
Решилось ниспослать такое испытанье?
И как мне не ропща взирать на небеса,
Коль страждет из-за них небесная краса?

Дон Педро.

Ах не гневите их, послушайтесь совета!
Поправится она, коль суждено ей это. *(Кричит.)*
Вот вам другой жених! Что скажете о нем?

Люсия *(притворяясь глухой)*.

То словно лед в ушах, а то горит огнем,
А лихорадки нет...

Дон Педро. Она совсем глухая!

Люсия.

Как будто жидкость там — тяжелая, густая,
И причиняет боль и давит, что свинец...

Дон Педро.

Как слезы тут сдержатъ... ведь я — ее отец!
Люсия!

Люсия *(взвизгивает так, что все вздрагивают)*.

Ай-ай-ай!

Дон Педро. Фу, даже дрожь по телу...

Какой ужасный визг!

Люсия.

Потише! Надоело

Мне слушать этот шум... Ах, как страдаю я!

Ой, колет! Режет! Жжет! Подходит смерть моя!

Беатриса.

Вам надо бы давно беречься хоть немножко!
Все спите без чепца, не затворив окошка...
Пожалуй, что ума и у грудных детей
Поболе, чем у вас... По счастью, от ушей
Есть средство у меня. Наш пономарь поведал
Заключенье моему двоюродному деду,
Тот — сыну своему, тот — матери моей,
Так и дошло оно до самых наших дней,
Поскольку мать и мне вдолбить его сумела.
Его произнеся, должны вы первым делом
Глотка не проглотить с зари и до зари,

Потом, устлав постель, снаружи и внутри,
Ивановой травой...

Дон Педро. Умолкни, коновалка!

Люсия прыскает в платок.

По лекарям таким давно сучает палка.

Кто сызмалу болван, от тех не жди добра!

Елена.

Заклятье, вижу я, столь действенно, сестра,
Что рассмешило вас?

Люсия. Вот уж и грудь не дышит.

Я падаю! Ко мне!

Елена.

Она отлично слышит

То, что угодно ей. Увидите сейчас.

— Голубушка, мой брак зависит лишь от вас!

В один и тот же день сыграть две наши свадьбы!

Желает наш отец. Вам только «да» сказать бы

Тому, кто любит вас...

Люсия (кричит). Причина, верно, в том,

Что утром по росе прошла я босиком!

Елена.

Я вовсе не про то...

Люсия.

Не нахожу я места...

Елена.

Сей бравый кавалер к вам сватается вместо

Дон Феликса, мой друг. Хороший будет муж!

Дон Педро.

Вполне достойный вас!

Дон Дьего.

Мой родственник к тому ж!

Люсия.

Ой! Снова началось! Ой-ой-ой-ой! Доколе

Мне приступы терпеть невыносимой боли?

За что страдаю я?

Елена.

Вам незачем страдать.

Отец, обдумав все, решил вас отдать

За дон Диего.

Люсия.

Как? Возможно ли?

Елена.

Сама я

Во имя ваших чувств его вам уступаю.

Люсия.

Вы? Мне? Не может быть.

Елена.

Я добрый человек.

Люсия.

Прощай же, глухота, отныне и вовек!

Дон Педро.

Ну, господа хвала, теперь я правду знаю!

Елена.

Что скажете, отец? Как, ловко исцеляю?

Дон Дьего (*становится на колени вместе с Люсией*).

Вы держите сейчас в руках своих, сеньор,
Два сердца, две судьбы. Да не вступает в спор
Ваш справедливый гнев, возмездие несущий,
С безмерной добротой, родителю присущей!
Люблю я вашу дочь и так же дорог ей.
Друг другу поклялись мы в верности своей...
Согласные во всем, мы крепко держим слово...
Коль нас разъединят, мы умереть готовы.

Люсия.

Когда я не добьюсь того, кого хочу,—
Оглухну навсегда, но и не замолчу!

Елена.

Умели, мой отец, обиженной останусь?

Люсия.

Скончаюсь, мой отец, как только с ним расстанусь!

Дон Педро.

Какой тут переплет любви и страстей!
Но все же мне из них взаимная милей...
Коль младшая ему дороже старшей стала,
Так, видно, суждено, так небо пожелало!
Я к дон Дьего был сперва несправедлив,
Однако сей жених не корыстолюбив.

Дон Дьего.

Лишь выиграете, прелестная Елена,
Достойного приняв неверному на смену.
Мой доблестный кузен со мною не сравним —
Ни силой, ни умом не потягаюсь с ним.
Будь это доброта, богатство, благородство —
Во всем готов признать Гаспара превосходство.

Елена.

Что он уж так хорош — поверить я склонна...
И вы ведь хороши, а все ж вам грош цена!

Дон Гаспар.

Ничем я не блещу — не кавалер, а воин...

Лишь глубиной любви сеньоры я достоин!

Дон Педро.

Боюсь, что прослыву среди людей глупцом,

Позволив ей столь зло смеяться над отцом.

Что делать мне? Воздать за неповиновенье?

У слабости своей остаться в подчиненье?

Люсия.

Отец, простите нас!

Дон Дьего. Ужель страдать должны

Влюбленные за то, что страстно влюблены?

Дон Гаспар.

Помилуйте же их! Я вас молю смиренно

Благословить их брак, а также мой с Еленой!

Дон Педро.

Что скажем мы ему? Решайте, дочь моя!

Елена.

Решайте вы, отец! На все согласна я...

Пусть этим двум лжецам брак будет наказаньем —

Пожизненным притом! — за все мои терзанья,

А новый мой союз, надеюсь, принесет

Мне счастье, что навек едва не отнял тот...

Дон Педро.

Итак, готовьтесь в путь. Покуда Доротея

С дон Феликсом своим заставят Гименея

Предстать перед судом, поедем мы в Мадрид,

Чтоб все устроить так, как нам господь велит,

И свадьбою двойной закончить наши споры.

Скажу, чтоб запрягли, а вы начните сборы.

Дон Гаспар.

Быть может, сударь мой, у вас желанье есть

С каким-нибудь врагом достойно счеты свести?

Дуэли — страсть моя, хорош мне каждый повод,

Чтоб проколоть насквозь того или другого...

А уж за вас готов хоть черта уложить.

Подайте только знак — не долго будет жить!

Так множьте же врагов, сколь будет вам угодно.

Всех разом перебью — или поочередно —

За дерзкие слова или за взгляд косой...

Как собственным клинком, располагайте мной!

Издержек не боюсь для благородной цели...

Дон Педро.

Давно уже, мой друг, запрещены дуэли.

Что толковать о них?

Дон Гаспар.

Ах, полно, сударь мой!

Без шпаги дворянин — как мещанин простой...

В ней все заключено: победные деянья,

И слава, и любовь, и смысл существованья...

Занавес

Нелепый
наследник
или
Корыстолюбивая
девица

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
А. ЭФРОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Диего де Мендоса.

Филипен, или дон Педро де Буффалос —
слуга дона Диего.

Рокэпин — оруженосец дона Диего.

Карманьоль — слуга дона Педро де Буффалоса.

Дон Хуан де Бракамон.

Леонора Гусман.

Елена Торрес.

Беатриса — служанка Леоноры.

Пакэтта — служанка Елены.

Музыканты.

Действие происходит в Мадриде.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Леонора, Беатриса.

Беатриса.

В подобной беготне, сеньора, толку мало...
Спеша за вами вслед, я наконец устала,
Нет больше сил моих... я двигаюсь едва...
Не время ль вам домой?

Леонора.

Служанка, ты права,

Пеняя на меня и на свои мученья,
Но ведаешь ли ты причину и значенье
Моих хлопот?

Беатриса.

Их смысл неведом вам самой!

Леонора.

Он слишком ведом мне, мой унеся покой...

Беатриса.

С покоем из-за вас и мне пришлось расстаться.
Хоть в резвости с конем могу соревноваться,
Вы, хоть и госпожа, меня резвей вдвойне,
И вас сопровождать нет больше мочи мне,
Тем более что вы, в том присягнуть готова,
За целый божий день не проронили слова,
В мечты погружены... Какой в молчанье прок?
Не меньше, чем ходьба, оно лишает ног...
А если б госпожа была не столь безгласна,
Я хоть на край земли шагать бы с ней согласна!

Леонора.

Ну что же, поболтай, коль невтерпеж молчать...
Ты спрашивай меня, я буду отвечать.

Беатриса.

Тогда поговорим о том, какая сила
Вам странное весьма желание внушила
Без челяди, пешком, как женщине простой,
Четвертый день толочь булыжник городской?
Сеньору осуждать я не имею права,
Не зная, что к чему; однако не по нраву
Прогулки эти мне: коль умысел в них скрыт,
За дело вы взялись не так, как надлежит...
Коль действуете вы без смысла и без цели,
То, значит, вы в бреду, горячкой заболели
И надо вас лечить. Безумцы лишь одни
Не ведают того, что делают они.
А если уличат в нескромном поведенье
Вас, для кого закон любой соседки мненье,
Вас, для кого всегда первейшей из забот
Была — что скажет та и что ответит тот?
А злые языки вас не страшат, сеньора,
И не боитесь вы огласки и позора,
Злоречья, клеветы? О, как разит она,
Букашку норовя преобразить в слона!
Любой, кто встретит вас на этом перекрестке,
Вам с легкостью большой даст кличку вертихвостки
Иль худшую еще... Другой же будет рад
Словечко подхватить и повторить стократ...
Сударыня, увы, прилипчиво бесчестье —
Боюсь, оно меня поглотит с вами вместе:
Ведь принято судить по господам о нас!

Леонора.

Шутница говорит всерьез на этот раз,
И нравственность ее внезапно одолела...
Надеюсь, что тебе могу доверить смело —
Но только никому словца не пророни —
Причину бед своих и этой беготни!

Беатриса.

Готова слушать я и век не проболтаюсь.
Люблю секреты я не меньше слухов, каюсь!
Уж легче быть слепцом, чем тем, который глух;
Скорее глаз лишусь, чем потеряю слух!

Леонора.

Так знай — я влюблена!

Беатриса.

Ах, боже, это новость!

Влюбленность вам идет так, как не шла суровость...
Я думала, у вас не сердце, а скала!
О, как мне госпожа моя теперь мила...
Теперь я за нее пойду в огонь и в воду,
Всё, что ни повелит, ей сделаю в угоду!

Леонора.

Проснулась страсть во мне, увы, не в добрый час...
Я так его люблю...

Беатриса. А он — не любит вас?

Леонора.

Да нет, не знает он, что по нему вздыхаю...

Беатриса.

Так надо, чтоб узнал!

Леонора. Но как? Не постигаю...

Беатриса.

Любую трудность я сумею побороть...

Доверьте дело мне, а довершит господь.

Коль стоит свеч игра, не грех и постараться...

Сеньора, ангел мой, куда честней влюбляться,

Чем ближнего своим презрением клеймить...

Достойный нежных чувств любимым должен быть!

Взаимость вам нужна... во что бы то ни стало

Ее добьемся мы... лиха беда начало!

Пусть ваш избранник горд и хладен, как Нарцисс,

Мы победим его, коль за него взялись!

Пред ловкостью моей и вашей красотой —

Побьемся об заклад — не устоять герою!

Скажите лишь, кто он, и я его тотчас

Сыщу, подстерегу и полоню для вас.

Как только он поймет — кому не будет лестно! —

Что качества его вам не безынтересны

(А ими он богат, коль вас пленить сумел),

Достаньте свой колчан разящих насмерть стрел,

Улыбок, взглядов — тех, что с колдовством

сравнимы

(Не в этих ли делах волшебницам сродни мы?), —

И будет ваш кумир лежать у ваших ног...

А впрочем... колдовать... какой вам в этом прок,

Коль вы и так судьбой одарены сверх меры

Всем, что боготворят в девицах кавалеры!

Не с вашим бы умом, богатством, красотой

Страдать из-за любви и плакать над мечтой,

Когда внушать мечты и страсть должны вы сами!
Чуть он узнает вас, как восхитится вами...

Леонора.

Ого, да мы во всех премудростях сильны...
Наперснице моей, как вижу, нет цены.
Да, Беатриса, ты — служанка не простая,
В тебе я клад нашла, того не ожидая...

Беатриса.

Не скрою я от вас — знакома мне любовь...
Пусть опыт мой былой теперь послужит вновь,
Хоть с той поры, что друг погиб на поле боя,
Претит мне суета и чуждо все мирское...
Будь ты неладен, день той встречи роковой!
Каб милый не погиб, вся жизнь была б иной:
Меня бы не ждала служанки бедной доля...
Что ж, так судил господь, его святая воля...
Но речь не обо мне, которой невдомек,
Кто, где, когда и как сердечко вам поджег?

Леонора.

Пылает и сейчас, чуть вспомню то, что было...
За месяц до того, как ты к нам поступила,
Мы — это значит я и несколько подруг —
Решили провести свой праздничный досуг
За городом, в тиши какой-нибудь деревни,
Побегать, погулять, позавтракать в харчевне...
Прогулка удалась, но утомил нас путь.
Нам вздумалось прилечь немного отдохнуть...
Уснула крепко я... но что за пробужденье!
Шум, крик, переполох, ну, светопреставленье!
Вскочив, бегу к окну: все небеса в огне...
Я — к двери: дым валит! Пожар! Кричу: «Ко мне!»
Но лестница горит, сквозь пламя не пробиться...
Снаружи, во дворе, вопят мои девицы,
Поняв, что надо мной закрылась западня...
Они, спасая жизнь, забыли про меня,
Теперь же, искупить свою оплошность рады,
Зовут на помощь всех и всем сулят награды,
Кто б вызволил меня... но где же тот герой,
Что в пекло побежит, рискуя головой?
Я, видя смерть свою, без памяти свалилась,
Но тут моя судьба сменила гнев на милость,
Мне ангела послав благого во плоти,

Чтоб молодость мою от гибели спасти...
Когда беда моя казалась безысходной,
Деревней проезжал идальго благородный,
Увидел черный дым, огнем объятый дом,
Услышал — человек остался в доме том!
Отважный кавалер, не медля ни мгновенья,
Оставив экипаж, в горящее строенье
Ворвался, растолкав испуганных людей,
Так, словно бы спешил за смертью своей...
Уж всякий был готов читать нам отходную,
Как вдруг сквозь вал огня, сквозь толщу дымовую,
Весь в ссадинах, в крови, оборван, опален,
Со мною на руках предстал пред всеми — он!
Лишь убедившись в том, что я пришла в сознанье,
Ничем не награжден за славное деянье
(Чего я не могу себе простить с тех пор),
И прежде чем сумел мой восхищенный взор
Хоть выразить мою признательность герою,
Исчез отважный муж. Ах, от тебя не скрою,
Что этим столь же я была уязвлена,
Сколь счастлива понять, что им воскрешена!
За мужество воздай, господь, ему сторицей!
Но с хладностью его как сердцу примириться,
Когда он так хорош, когда, поверь мне, с ним
Никто и во дворце не может быть сравним!
Не раз его с тех пор я при дворе видала,
Но издали видать — для счастья слишком мало,
Тем более что вид его не просто мил,
Коль в сердце и тоску и ревность пробудил...
За ревность не суди хозяйку, Беатриса!
Узнай, что я на днях прекрасного Нарцисса
Сумела подстеречь, когда вошел он в храм,
Увы, не для того, чтобы молиться там!
Исправно лоб крестя, от алтаря в сторонке,
Он нежности шептал какой-то незнакомке...
Пажу велела я за ней пойти, и вот,
Узнав, что где-то здесь разлучница живет,
Четвертый день мечусь меж этими домами,
Чтоб выследить ее... Но кто спешит за нами?
Как, это дон Хуан? Он слишком мне знаком!
Несносный человек!

Беатриса.

Скорей сюда зайдем!

Он может вас узнать! Вот и хозяйка, видно,
Выходит из дверей...

Леонора. Мне неудобно... стыдно...

Беатриса.

Поговорите с ней, подальше спрятав стыд!
Она же вас не съест, у ней премилый вид!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Леонора, Елена, Беатриса.

Леонора.

Навязчивости грех простите ли, сеньора,
Той, что не знает вас, но ищет разговора,
Нет помощи верней, которую сулят
Мне ваша красота и ваш открытый взгляд!
Вот этот кавалер, презревший все приличья,
Охотится за мной, как браконьер за дичью.
От дерзости его найду ль приют у вас?
Я тотчас же уйду, лишь скроется он с глаз!

Елена.

Едва взглянув на вас, сеньора, я готова
Вам большим услужить, чем предложеньем крова...
Не бойтесь ничего, пройдите вот сюда!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Хуан, Леонора, Беатриса, Елена.

Дон Хуан.

А я ведь вас узнал без всякого труда,
Как ни скрывались вы от пламенного взора...
Чем досадил я вам, мой ангел Леонора,
К чему бежать того, кто сам вам сдался в плен,
Кто, поклоняясь вам, рад не вставать с колен?

Леонора.

Да, сударь, это я. Что от меня вам надо?
Зачем стремитесь вы разжечь во мне досаду?
Как вам не удалось, так не удастся впредь
Неласковость мою упрямством одолеть.
Чтоб женщину пленить, настойчивости мало.
Однако, дон Хуан, когда б я вас признала

Всех качеств образцом, и то, прошу простить,
Вы не смогли б себя заставить полюбить,
Родить в моей душе ответное влеченье...
Холодности такой вам нужно объясненье?
Ищите же, сеньор, его в себе самом,
Но только не во мне — я, право, ни при чем.
Любовь внушает тот, кто нравиться умеет...
Как видите, не всяк секретом тем владеет;
Не нравитесь вы мне, и вот вам весь мой сказ.
Ни сердца, ни руки я не приму от вас...
Довольно мне своих, и не желаю с вами
Меняться я ничем, тем более — сердцами.
Возможно ль полюбить лишь только потому,
Что некто в вас влюблен, что нравитесь ему?
К чему бы привели подобные сужденья?
Ведь мне вы, дон Хуан, отдали предпочтенье
Лишь потому, что всех я краше и милей...
Сравняйтесь же со мной в приятности моей!
Не можете? — Ну что ж, в вас, не во мне помеха...

Елена.

Любезный сударь мой, пусть вам и не до смеха,
Избыток сил своих и молодую прыть
Советую я вам в сатире применить...
Когда вас насмерть бьют своим презреньем дамы,
Хоть защищайте жизнь оружием эпиграммы...

Дон Хуан.

Высмеивать меня — весьма бесславный труд...
Жестоки слишком вы — лежачего не бьют.
Но за единый взгляд небесного созданья
Подвергнуться готов любому осмеянию...
Добудьте для меня один сердечный взгляд,
А там шутите всласть — я буду только рад!

Леонора.

Послушайте, сеньор, когда б я стала вашей,
Не думаю, чтоб жизнь нам показалась краше!
Ваш нестерпимый гнет меня бы только злил...

Дон Хуан.

Не угнетает тот, кто сердце подарил...

Леонора.

Ну как не надоест твердить одно и то же...

Елена.

Хоть в разговор чужой мешаться и негоже,

Замечу, что вотще любовь свою даря,
Сокровища свои расходуете зря...
Единственная ждет за мотовство награда —
Вкусить во цвете лет, до срока, муки ада!
А это ни к чему; не проще ли, любя,
Совсем освободить сеньору от себя,
Спасибо мне сказав за мой совет любезный?

Дон Хуан.

Пусть угожу я в ад, пусть провалюсь я в бездну,
Но буду обожать, советам вопреки,
Ту, что не приняла ни сердца, ни руки...
И не таких тигриц оглаживает время!

Леонора.

Оно вам принесет годов преклонных бремя
Да плешь на голове, и больше ничего...
Вам времени, увы, не жаль и моего,
К тому же вы, боюсь, наскучили сеньоре...
Пора бы унести подальше ваше горе!

Дон Хуан.

О нет, я поступлю совсем наоборот
И буду ждать вас тут — хоть час, хоть день, хоть
год,

Чтоб проводить домой...

Леонора. Не в вашей это воле,
Хоть ждите двести лет или еще поболее!

Елена.

Но только ждите здесь, а не врывайтесь в дом!

Дон Хуан.

И вам противен я?

Елена.

Вы поняли с трудом!
Когда бы вы со мной вели себя столь смело,
Уж я бы, милый мой, вас проучить сумела!
Как, дон Диего?.. Ах, вы вовремя, сеньор!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Диего, Елена, дон Хуан, Леонора,
Беатриса.

Леонора (*вполголоса, Беатрисе*).

Вот тот, о ком с тобой вела я разговор...

Елена.

Оставьте ли вы несчастную девицу?

Дон Хуан.

Как заживо могу с душою разлучиться?

Елена.

Нет, кажется, добром вас не отгонишь прочь...

Быть может, вы, сеньор, сумеете помочь

С сей крепости живой снять наконец осаду?

Я вижу, мне одной не справиться как надо!

Дон Диего.

Сеньора, кто посмел идти на вас войной?

Леонора.

Вот этот...

Дон Диего. Дон Хуан? Возможно ль, сударь мой?

Елена.

Сейчас вам расскажу, в чем нам нужна подмога:

Я вышла подышать у своего порога,

Как вдруг спешит ко мне с прислужницей своей

Вот эта госпожа и просит поскорей

Прибежище ей дать от одного сеньора.

Сеньор же шел за ней, причем довольно скоро,

И у моих ворот ей перерезал путь...

Он к ней благоволит, она к нему — ничуть

И без обиняков о том ему сказала...

Но дерзкий, слов ее не слушая нимало,

Насильно норовит поставить на своем.

Противника прогнать не можем и втроем!

Дон Диего.

Любезный дон Хуан, не будьте столь упрямым:

Мы призваны служить приятным сердцу дамам!

Дон Хуан.

Прекрасные слова! Не может лучше быть!

Вот я и пожелал сеньоре услужить,

Ей руку предложив, чтоб проводить до дома...

Вид сделав, что она со мною незнакома,

Жестокая ушла, свой заметая след,

Чтоб избежать меня... Я более двух лет

В насмешницу влюблен, но лопнуло терпенье!

Дон Диего.

Ах, женская любовь не терпит принужденья...

Где надо заслужить, там силой не возьмешь...

Но я придумал ход — он, кажется, хорош:

Явившись в гости к ней, вас расхвалю безбожно!

Дон Хуан.

Не верится в успех...

Дон Диего.

Ну, дон Хуан, как можно?

Надежду хоронить не надо никогда...

Дон Хуан.

О злое существо! Души моей беда!

Дождался встречи я, а вышло расставанье...

Дон Диего.

Кто любит, должен быть закону послушанья

Всемерно подчинен... Уйдите же!

Дон Хуан.

Увы!

Что выйдет из того, что посулили вы?

(Уходят.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена, Леонора, Беатриса.

Елена.

Ушел... победа нам далась не без усилия...

Откиньте же скорей докучную мантилью!

Хочу на вас взглянуть, хоть ваш герой вполне

За это может вас приревновать ко мне...

Леонора.

Исполнить я страшусь такое пожеланье,

Чтоб вид мой не принес вам разочарованья!

Елена.

Я поняла теперь, как был несчастный прав,

Предметом чувств своих достойную избрав...

Едва увидев вас, не смог он не влюбиться!

Леонора.

Смеяться надо мной, сеньора, не годится...

Но шуткам вопреки я благодарна вам

За вашу доброту — чем за нее воздам?

С дороги устранен упрямец сумасшедший...

Пусть ваш любезный брат, на помощь мне

пришедший,

Своей родной сестрой с сегодняшнего дня

С сеньорой наравне считает и меня!

Елена.

Не отказалась бы от такого брата,

Когда бы я была достаточно богата,
Чтоб за него платить по всем его счетам!

Леонора.

Он, значит, вам никто?

Елена.

Да, так же, как и вам,

С той разницею лишь, что стать мне всем мечтает...

Леонора.

А что ему достичь таких высот мешает?

Иль он не дворянин?

Елена.

Он родовит весьма,

К тому же у него заслуг и качеств тьма,

Но можно ль выходить вслепую, наудачу,

За качества одни, без золота в придачу?

Ведь денег ни гроша у дона Дьего нет,

А мне они нужны, как нужен высший свет,

Где я должна блистать... Иной судьбы не чаю.

Леонора (*в сторону*).

Признания ее с надеждою встречаю!

Елена.

Я не разобрала...

Леонора.

Я говорила так:

Впадете в нищету, вступая с нищим в брак!

Елена.

Да, жаль, что беден он... Неплохо бы, к примеру,

Чтоб дядюшка его — он губернатор в Перу —

Мендосы древний герб хоть чуть позолотил...

Но дядя не спешит, а ждать мне нету сил.

Я, право, не из тех, кто жив одной мечтою!

Раз дон Диего рад ухаживать за мною,

Держу его пока, ну, как бы про запас

Затем, чтобы его спровадить сей же час,

Коль он моих надежд не оправдает...

Леонора.

Браво!

Приятно слушать вас — вы судите столь здраво!

Нет, вы не из числа доверчивых невест,

Что в браке обретут лишь непосильный крест...

Однако мне пора; простите за вторжение.

От нашей встречи я, поверьте, в восхищенье...

Позвольте вас обнять!

Елена.

Себе я не прошу,

Коль, не узнав, кто вы, домой вас отпущу!

Ну, как же вас зовут? Я посету вас скоро...

Леонора.

Отец мой — дон Гусман, зовусь я — Леонора.
У Троицы живу... Так приходите, жду!

Елена.

Елена Торрес я. Сегодня же приду
Вас навестить.

Леонора.

Мой друг, когда мне было скверно,
Вы так мне помогли, и потому безмерно
Я счастлива теперь сойтись поближе с той,
Чью доброту сравню с ее же красотой,
А красоту — с умом. Итак, до скорой встречи!

Елена.

Признательна весьма за ласковые речи...
Приятного пути... Пакэтта!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Пакэтта, Елена.

Пакэтта.

Ну чего?

Елена.

Нет, я сойду с ума от тона твоего!
Ты отдала письмо сеньору де Мендоса?

Пакэтта.

Ага!

Елена. О чем спросил?

Пакэтта.

Не задавал вопросов,
А только говорил, что в мире вы одна,
Которая зараз и солнце, и луна,
И свет его очей, и прочее такое,
И что его навек лишили вы покоя...
Поверьте, госпожа, от слов подобных я
Вся млею, вся дрожу и плачу в три ручья...
Кто мне бы так сказал, тому бы я, похоже,
И душу б отдала и остальное тоже...
Мне дон Диего жаль, когда впустую вас
Обхаживает он, и с вас не сводит глаз,
И ждет ответных чувств без никакого толка!

Елена.

Ужели мне мораль читаешь, балаболка?
Я живо отучу от эдаких идей...
Вели, чтоб запрягли быстрее лошадей!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Диего, Рокэпин.

Дон Диего.

Настойчив и боллив приятель новый мой!
И сам не знаю, как увлек его домой...
Он без конца твердил о неприступной даме,
И об ее глазах, в которых лед и пламя,
О том, как от него спешила убежать,
О том, как он ее преследовал, как тать...
Он звал ее своей богиней и царицей,
И говорить никак не мог остановиться,
И небо призывал в свидетели тому,
Что слишком жестока красавица к нему,
И что его впервой постигла неудача,
И что девицы с ним ведут себя иначе,
И перечень привел былых побед своих,
И наизусть прочел им сочиненный стих,
И перешел потом к дуэлям и сраженьям,
И даже произнес с преглупым выраженьем
О государстве речь, никчемную вполне...
Ну, словом, так успел он опостылеть мне,
Что был я рад весьма его покинуть скоро,
Клянущим на чем свет прелестную сеньору,
К которой я теперь спешу затем, чтоб ей
Внушить, что надо быть к влюбленному добрей...
К тому ж он взял с меня еще и обещанье
Ей в руки передать подробное посланье,
Способное сию тигрицу укротить...

Рокэпин.

Мне кажется, сеньор, что вам такую прыть
Полезней проявлять для собственной персоны,
Чем за чужих людей кому-то бить поклоны.

Елена Торрес вас обманывает всласть:
Лишь деньги ей нужны, а не любовь и страсть!
Едва лишь стоит вам о браке заикнуться,
Лукавая спешит скорее извернуться
И, глазки закатив, лепечет, что она
В вас так, как вы в нее, бесспорно влюблена,
Но что за вас пойти, пусть лучше нет мужчины,
Мешают ей одной известные причины.
Причина же одна, поверьте мне хоть раз:
Что дядина мошна пока что не при вас!
Не то что сами вы не по душе девице —
Дырявый ваш карман для брака не годится!

Дон Диего.

Когда же родич мой прикажет долго жить?

Рокэпин.

Вот с этим вряд ли он захочет поспешить!
Но даже будь он мертв, боюсь, что в голодранца
Судьба вас превратит по милости голландца:
Богатство дядя ваш всадил в испанский флот,
Голландец же, увы, его усердно бьет...
Способна принести капризная Фортуна
Наследство ваше в дар коварному Нептуну!
Вот тут-то, подсчитав размер своих потерь,
Красотка жениха и выставит за дверь,
Тем более что он не чувствует призванья
Без дяди раздобыть большое состоянье.
Любезный сударь мой, а не пора ли вам
Из пушек перестать палить по воробьям?
И время и любовь дарить скупой невесте
Не мало ль проку вам, а ей — не много ль чести?

Дон Диего.

Ты что, мой гувернер иль исповедник мой?

Рокэпин.

Нет, только ваш слуга — и человек прямой.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Филипен, дон Диего, Рокэпин.

Филипен (входит напевая).

«Пусть гром тебя побьет, пусть продырявит град,
Пусть черт тебя возьмет, я буду только рад!
Кириби...»

Дон Диего.

Ах, это Филипен... Ну что, какие вести?

Филипен.

Есть добрые, сеньор, есть злые с ними вместе...

Какие вам нужны? Я, если захочу,
И золота вам дам и в траур облачу!

Дон Диего.

В чем дело, не пойму...

Филипен.

Тут понимать не надо,

Тут нужно отгадать...

Дон Диего.

С болваном нету сладу.

Сейчас же говори!

Филипен.

Повиноваться рад,

Коли вы мне сперва повысите оклад

И также сверх того дадите наградные:

Заслуживают их известия благие...

Дон Диего.

Согласен. Начинай, да только краток будь!

Филипен.

А я люблю рассказ подольше растянуть.

На этот раз, сеньор, не будете в обиде!

Дон Диего.

Ну ладно. Что еще?

Филипен.

Еще люблю я сидя

Беседовать...

Дон Диего. Садись.

Филипен.

К тому же тишина,

Когда я говорю, мне в комнате нужна.

Нотации вредны при нежном организме.

Дон Диего.

О чем ты, Филипен?

Филипен.

Об этой старой клизме,

Оруженосце. Сам болтает без конца,

Другому же не даст промолвить и словца.

Дон Диего.

Не помешает он. Я слушаю!

Филипен.

Минутку!

Условия свои поставил я не в шутку.

Попробовать должны сначала угадать

Те новости, что я взялся вам передать.

Дон Диего.

Коль я возьмусь гадать, так угадаю сразу!

Какой же будет толк от твоего рассказа?
Нет, ты мне надоел. Сейчас по шее дам!

Филипен.

Не вредно ли, сеньор, так горячиться вам?
Чему учили вас наставники доселе?
Взгляните на себя... вы даже побледнели...
Уж ладно, так и быть, я больше не молчу!

Дон Диего.

Придется помолчать, коль слушать не хочу.
Я всё узнаю сам.

Филипен.

Простите, ваша милость!

Позвольте доложить о том, что приключилось!

Дон Диего.

Условия теперь тебе поставлю я...

Филипен.

Всё, что хотите вы, но только без битья!
Кто вам сумел внушить, что получать по шее
Мне нравится? Мои пристрастия скромнее:
Мне говорят «заткнись» — не закрываю рта,
Велят мне речь держать — сплошная немота...
Такая моего характера основа.
И если вы сейчас меня лишите слова,
Погибнет ваш слуга на этом месте вот.
Проглоченная весть мне глотку раздерет!

Дон Диего.

Ну, бог с тобой, живи! И так, я весь вниманье.

Филипен.

Украсить я могу свое повествованье
Преамбулой, когда желаете того...

Дон Диего.

Я краткости хочу и боле ничего!

Филипен.

Известно, что судьба таит в себе немало...

Дон Диего.

Нет, не сулит добра подобное начало!

Филипен.

Что ж, слог переменяв, скажу вам прямо в лоб:
Крепитесь, сударь мой, ваш дядюшка усоп!

Дон Диего.

Ты шутишь! Дядя мой...

Филипен.

Люблю шутить, но в меру...

Наследство вам пришло из солнечного Перу.

Умерший был весьма достойный человек,
Недаром на земле проживший долгий век...
Свидетельством тому — богатство, что он нажил
И коим наконец племянника уважил.
Завидней жениха теперь в Мадриде нет...
Наследство состоит не только из монет
(Сто тысяч золотых!) — есть золото и в слитках,
Десяток обезьян, ваниль, лакрица в плитках,
Алмазы, бирюза — всё, чем тот край богат,
И попугай есть, чему я очень рад...
Четыре корабля, покойного владенье,
В Кадисский порт на днях вошли без злоключенья.
Ах, что за дядя был! Хоть бы чего-нибудь
Мне выпить, закусить, чтоб старца помянуть!
Пока прочтете вы вам присланные вести,
На кухне подкреплюсь..

Дон Диего. Эй, Рокэпин, с ним вместе
Сходи и прикажи подать ему вина!

Рокэпин.
Обратно он бежит...

Филипен. Тут женщина одна
С прислужницей своей (и у обеих лица
Завешены вот так) желает к вам явиться.

Дон Диего.
Проси ее войти.

Филипен. Сударыня без глаз,
Сеньор Диего здесь и ожидает вас!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Леонора, Беатриса с закрытыми лицами,
дон Диего, Филипен, Рокэпин.

Леонора.

Отлично, я иду!

Дон Диего. Премилая осанка!

Филипен.

Вперилась не в меня коварная служанка,
Ей нужен Рокэпин!

Леонора. Я вас наедине

Хотела бы видать.

Дон Диего. Так, значит, только мне
Покажете лицо?

Леонора. Об этом рановато
Загадывать...

Филипен. Она, наверно, старовата,
Беззуба!

Дон Диего. Замолчи. Свои черты тая,
Быть может, ангел вы, а может быть, змея?

Филипен.
Вы, судя по всему, прислужница сеньоры?
Коль так же, как она, скрываете от взора
Порядочных людей лицо свое, у вас
Иль совесть нечиста, иль кто подбил вам глаз...

Беатриса.
А вы, как вижу я, шут своего сеньора?
Коль так же, как и он, подобным разговором
Порядочных людей встречаете, у вас
Невежливых острот порядочный запас!

Филипен.
Ого, она в карман не лезет за ответом...
Собою недурна, мне кажется, при этом!
Остры вы на язык, незримая краса!
А вам не нужен шмель, прелестная оса?

Леонора.
О, как они грубы! Мой друг, пойдем отсюда.
Покинем этот дом, где нас встречают худо!

Дон Диего.
Сеньора, здесь никто не обижает дам...
Исполнить я готов всё, что угодно вам.

Леонора.
Так будьте же добры отправить слуг подале...
Хочу, чтоб от меня вы кое-что узнали.

Филипен.
Прощай, подбитый глаз!

Беатриса. Прощай, дурной язык!

Филипен.
Старушка, ухожу!

Беатриса. Ступай к чертям, старик!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Леонора, дон Диего.

Леонора.

Дабы не тратить зря столь дорогое время,
Позвольте перейти без предисловий к теме...
Меня прислала к вам знакомая одна,
К вам благородных чувств исполнена она,
А также вам помочь испытывает рвенье.
Причина моего внезапного явленья —
Желание узнать, правдиво, без прикрас,
Свободны вы иль нет, что на сердце у вас,
И ежели оно не занято, быть может,
То добрая душа вам заключить поможет
Брак выгодный весьма...

Дон Диего. Продолжу разговор
Тогда, когда на вас смогу взглянуть в упор.
Откиньте-ка вуаль!

Леонора. Коль это вам так важно,
Готова поступить столь дерзко и отважно...
Но всё ж ответьте мне на смелый мой вопрос!

Дон Диего.
Охотно.

Леонора. Влюблены?

Дон Диего. Ну что ж, влюблен!

Леонора. Всерьез?

Дон Диего.
До самых недр души...

Леонора. В кого ж это?

Дон Диего. В Елену.

Леонора.
В Елену Торрес?

Дон Диего. Да, и нету слаще плена.

Леонора.
И любит вас она без памяти в ответ?

Дон Диего.
Конечно!

Леонора. Это ложь.

Дон Диего. Она не любит?

Леонора. Нет.

Дон Диего.

Откуда взяли вы...

Леонора.

Елена мне сказала,

Что ваша страсть ее не трогает нимало,

Что деньги ей нужны, что, если дядя вас

Наследства вдруг лишит — получите отказ!

Дон Диего.

Сеньора, вижу я, не дружба, не участие

Подсказывают вам обрушиться на счастье

Двух преданных сердец. Вся ваша клевета

И весь ваш маскарад — пустая суета.

Любовь ко мне моей Елены непритворна...

Я доверяю ей — не козням дамы в черном,

Чья жалкая душа не менее черна,

Чем креп, что на себя накутала она.

Леонора.

Не надобно судить о соловье по крыльям,

О чистоте души по траурным мантильям!

Взгляните мне в глаза — души моей окно, —

Коль вашей дамой вам сие разрешено!

(Откидывает вуаль.)

Дон Диего.

Сударыня, клянусь, черт ваших созерцанье

Глядющему сулит грядущие страданья!

Когда бы сто сердец имел я про запас,

Боюсь, ни одного б не уберег от вас...

Чем долее гляжу — иль это наважденье?

Иль память подвела? Обманывает зренье? —

Тем больше убежден, что где-то вас видал.

Леонора.

Возможно ль, чтоб сеньор действительно узнал

Столь скромные черты? И это — невзирая

На то, что над душой давно царит другая,

Из-за которой он не посвятил и дня

Несчастной, им самим спасенной от огня!

Учтивости ли ждать от рыцарей беспечных,

Погрызших в суете никчемных дел сердечных?

Дон Диего.

Что возразить могу? Услышанный упрек

Настолько справедлив, насколько и жесток...

Как я себя клянусь, что не нанес визита

Прелестнейшей из дам... Теперь она сердита...

Леонора.

Не следует себя за небрежение клясть:
Внимательны вы к той, к кому влечет вас страсть.
Мне ль вам ее внушить, коль лишена уменья
Вниманье вызывать, будить расположение?
Слов запоздалых град, безудержную лесть
Насмешкою, сеньор, я вынуждена счесть
И не затем пришла... поговорим о деле!
Пусть вы увлечены, пусть вами завладели
Небесные глаза, но, поклоняясь им,
Напрасно сами вы становитесь слепым
И видите во мне лишь некую сирену,
Чья цель — оклеветать безвинную Елену.
Но дон Диего, ах, прозреть бы вам пора,
Поняв, что вся любовь Елены — мишура,
Что нужно ей от вас лишь дядино наследство,
Что вам отставку дать она изыщет средство,
Едва лишь только вы окажетесь бедней —
Не приведи господь! — чем бы хотелось ей...
У алчности, сеньор, немало разных видов!
Расчетливость свою за осторожность выдав,
Елена мне сама призналась, не стыдясь,
Что, нежностью своей приманивая вас,
Ждет не любви взамен — нужна иная плата
Желающей блистать и в браке жить богато!
Урок сей пустоты и двоедушья дан
Был мне в тот самый день, что наглый дон Хуан,
Преследуя своей любовью дерзновенной,
Сперва меня толкнул в объятия Елены,
Потом заставил вас опять спасти меня
Не от пожара, нет, — от худшего огня!
Коль вам не по душе разоблаченья эти,
Не думайте, сеньор, что я за них в ответе;
Печальный разговор задуман был не мной:
Как говорила вам, особою одной,
Прелестной, молодой, высокого рожденья,
Я послана сюда. Ее расположение,
Богатство, красота, сердечных качеств ряд
Не с алчностью союз, а счастье вам сулят.
Я кончила, сеньор. Пора проститься с вами...
А убедила ль вас — о том судите сами!

Дон Диего.

А как ее зовут, коль это не секрет?

Иль я не заслужил...

Леонора.

Увы, боюсь, что нет!

Дон Диего.

Я к вам приду узнать...

Леонора.

Ах, сударь мой, не стоит!

Елену ваш визит весьма беспокоит...

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Диего, Рокэпин, Филипен.

Дон Диего.

Эй, Рокэпин, где ты? Эй, Филипен, скорей!

Был у меня в гостях бог браков, Гименей!

Вы знаете, зачем завешенное чудо

Сюда пришло?

Рокэпин.

Затем, чтобы уйти отсюда?

Дон Диего.

Женитьбой на другой стремясь меня завлечь,

О суженой моей вела красотка речь,

Втолковывая мне, что нежная Елена

Корыстна и жадна... что мне грозит измена...

Рокэпин.

А я что говорил?

Дон Диего.

Подумайте! Как раз

Разлучницу свою я от пожара спас!

Рокэпин.

Что ж, гостя недурна!

Филипен.

И молода...

Рокэпин.

Богата...

Филипен.

Жаль, рулевого нет у этого фрегата!

Дон Диего.

Не самоё ль себя сосватать мне пришла?

Филипен.

А если так, сеньор, не вижу в этом зла...

Женились бы на ней — вот был бы брак отменный!

Но надобно сперва разделаться с Еленой,
Ее разоблачив...

Дон Диего.

Задача нелегка...

Филипен.

Вам нужно обыграть наследство старика,
Елене объявив, что дядя-привередник
Переиначил всё, что есть другой наследник;
Мол, к дяде подольстяться, кузен-провинциал,
Завистник и наглец, вам путь перебежал...
Кто, как не Филипен, вам эту роль сыграет?
Ни здесь, ни при дворе никто меня не знает...
Неплохо, говорят, подвешен мой язык,
Латынью уснащать я речь свою привык,
Способен помянуть Венеру, Вакха, Феба
Иль Зевса, не попав при этом пальцем в небо,
Врать про любовь могу и прозой и стихом,
И если окажусь к тому ж холостяком
Богатым, словно Крёз, прекрасная Елена
Вам предпочтет меня... Ну а у вас замена
Готова — и к чертям тогда дешевый сраз!
Расставшись со стеклом, получите алмаз...

Дон Диего.

Попробовать рискнуть в игре твоей согласен.
Посмотрим, чья возьмет, и вывод будет ясен.

Филипен.

Мгновенья не терять — основа из основ.
Наследник — налицо и действовать готов!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Елена, дон Диего.

Елена.

Нет, провести меня удастся вам едва ли...

Я вижу, вы грустны, глаза полны печали!

Дон Диего.

Сеньора, подле вас печали места нет!

Елена.

Я правду услышать желала бы в ответ...

Что удручает вас?

Дон Диего.

Пожалуй, неуместно

Мне долее молчать о том, что всем известно...

Елена.

Погиб испанский флот?!

Дон Диего.

Он невредим и цел.

И дядюшка к тому ж преставиться сумел...

Елена.

Так что же вас гнетет?

Дон Диего.

Причина есть, поверьте.

Вот нечто пострашней известия о смерти! (Читает.)
«Милостивый государь и прочее... Ваш дядя, дон Пелагий, перед кончиною своей изменил составленное в вашу пользу завещание и назначил своим наследником двоюродного брата вашего, дона Педро де Буффалос. Таким образом, на вашу долю приходится теперь лишь триста дукатов пожизненной ренты. Я сделал всё, что было в моих силах, дабы помочь вам, но ничего не смог добиться от старика, которому, несомненно, кто-то успел наговорить на вас. Прошу не сомневаться в том,

что я весьма всем этим оброчен и пребываю, милостивый государь, вашим покорнейшим и наипочтительнейшим слугой — Хорхе Ринальди».

Елена.

Да, повод есть у вас, чтоб обвинять судьбу
И дядюшку, уже простертого в гробу...
Но гордой ли душе испытывать страданья
Из-за каких-то слов в каком-то завещанье!

Дон Диего.

Когда Елена мне останется верна,
Мне горе нипочем и бедность не страшна:
С ее рукой в моей я всё преодолею...
Пора, сердечный друг, мне вас назвать своею!
Зачем нам доле ждать, коль знаем всё, что есть?
Незаклученный брак мою тревожит честь...
Доверьте руку мне! Пусть перстень обручальный
Сердца соединит для жизни беспечальной;
Бесценную любовь получим мы взамен
Тех преходящих благ, что приобрел кузен...
Вам превратить дано в несметные богатства
Крушение надежд, былых друзей злорадство —
Мой нынешний удел! Скажите только «да» —
И вашим стану я отныне навсегда.

Елена.

Потише, сударь мой, тут неуместна спешка;
Пусть и сладка любовь, но я не сладкоежка...
Вы очень мне милы, я вам мила сама,
Но мужем вас назвать... нет, не сошла с ума!
К богатству я стремлюсь, отнюдь не к разоренью.
Брак — выгода, мой друг, не жертвоприношенье!

Дон Диего.

Что ж, должен я понять, что получил отказ?

Елена.

Неужто, мой сеньор, он удивляет вас?

Дон Диего.

Корыстная душа... увы, какая жалость!

Елена (*в сторону*).

Потворствуя ему, я чуть не просчиталась!

Дон Диего.

Годится вам любой пройдоха толстосум,
Будь только денег тьма...

Елена.

Да вы взялись за ум!

Дон Диего.

Ум оставляю вам с корыстолюбьем вместе...

Быть может, мой кузен расчетливой невесте

Покажется хорош? Он глуп, мужиковат...

Елена.

Всё, что угодно вам, лишь был бы он богат!

Дон Диего.

И не боитесь вы прослыть столь вероломной?

Елена.

Женою вашей стать для доли подъяремной —

Вот я чего боюсь!

Дон Диего.

А если мой кузен

Ярмо своих причуд предложит вам взамен?

Елена.

В богатстве всё его над вами превосходство...

Пусть он не наделен ни вашим благородством,

Ни красотой черт, не безрассудством дел,

Я вышла б за него, когда б он захотел!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Пакэтта, дон Диего, Елена.

Пакэтта.

Сеньора, там сеньор, не очень-то собою

С сеньором схожий, к вам приехал со слугою;

Слуга на вид хорош, не то что сам сеньор...

Я это говорю сеньору не в укор!

Ах да, его зовут дон Педро де Буффалос,

Но вовсе он не дон, вот так мне показалось!

Дон Диего.

Да это мой кузен!

Елена.

Ах, пресвятая мать!

Мне надобно его как следует принять...

Проси его сюда. Пусть дон Диего злится!

Дон Диего.

Советую в него немедленно влюбиться...

Елена.

Что, это он и есть?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Филипен, или дон Педро де Буффалос,
Карманьоль, дон Диего, Елена.

Филипен. Как, я уже у ней?
Простите, ангел мой, я думал, путь длинней...
Прошел покой-другой, два, три ли коридора —
И сразу к вам попал... подумайте, как скоро!
Вы можете сказать: «Наверно, спятил он,
Явившись невпопад к светилу на поклон»...
Что делать — я таков! Куда мне только надо,
Как в речку головой, бросаюсь без доклада...
Ну и глаза у вас! Насквозь полны огня!
Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен. Ах, поддержи меня!
От страсти трепещу, как леж на сковородке!
Забил меня озноб от эдакой красотки...
Мой доблестный кузен, а ты как уцелел,
Сих искрометных глаз перенося обстрел?
Ты, видно, сам орел, коль этот взгляд орлицы
Выносишь без того, чтоб замертво свалиться!
Я ж, глядя на нее каких-то пять минут,
Забыл, зачем пришел и как меня зовут...
А что она молчит, когда это не тайна?
Послушай, а она не дурочка, случайно?

Дон Диего.

Да поумней тебя!

Филипен. Я счастлив за нее.

Елена.

Немало чувств таит молчание мое.

Филипен.

Не надо прерывать, не то я растеряюсь.

А сам я нравлюсь вам?

Дон Диего.

Да; коль не ошибаюсь...

Елена.

Кто не полюбит вас?

Филипен.

Не сердится она...

Ах, звездочка моя! Ах, солнце! Ах, луна!

Как кошечка мила... ну чистая левретка!

Тыфу, я не то сболтнул... хотел сказать «кокетка»!

Я не обидел вас обмолвкой своей?
Порядочных собак не меньше, чем людей!
Ах, в жизни не встречал убийственнее взора!
Скольких им на тот свет спровадили, сеньора?
Поверите ль, когда вот так смотрю на вас,
Готов я преступить все заповеди враз
Иль обрести покой под сводами гробницы...
О, сжальтесь надо мной, тенистые ресницы,
Прикрыв собой очей палящую зарю!
Нет, пусть себе глядят, пусть лучше я сгорю,
Пусть черт меня возьмет, пусть бог найдет холеру...
Богиня, из-за вас в словах теряю меру!
Пусть Аргус мне вернет свои зрачки на срок,
Чтоб я на вас в сто глаз налюбоваться мог,
Пусть больше мне не даст вкусить Церера хлеба,
Пусть Бахус заберет все кабаки на небо,
Чтоб мне не пить вина... я созерцаю ем сыт...
То ль на ногах стою, то ль наповал убит?
Что я еще хотел сказать своей голубке?
Ей, кажется, смешно, она кусает губки?
Улыбка хороша, когда за ней — любовь...
Так смейтесь, ангел мой, мою волнуйте кровь...
Улыбка вам к лицу, клянусь без всякой лести!
Неловко вам одной — так посмеемся вместе;
Ну, начали... ха-ха... Эх, жаль, что я не глух!
У вас визгливый смех, он оскорбляет слух.
Нет, мне не по себе, когда моя святыня,
Разверзнувши уста, гогочет, как гусыня!
Простите, не хотел нанести обиды вам,
Но истый дворянин всегда правдив и прям
И не допустит лжи перед лицом любимой...
Ах, снова тыразишь, глазок неутомимый,
Колом из-за угла... разбойничий прием!
Позвольте-ка хоть раз нам встретиться вдвоем,
В укромном уголке, по правилам дуэли —
Увидите, и я умею бить по цели!
Мой друг, в таких делах раздумывать не след!
Скорей скажите «да» или скажите «нет».
Ответить на вопрос — обычай самый древний,
Он до сих пор в ходу в моей родной деревне!
Все правила любви известны мне давно...
Хотите, из-за вас я выброшусь в окно?

Елена.

Не стоит рисковать столь мудрой головою...

Филипен.

Вы правы, ни к чему вас оставлять вдовою.
Не думайте, мой свет, что если я с лица
Напоминаю вам Сенеку-мудреца,
То я и впрямь мудрец и неспособен к браку!
Нет, я горазд ходить в любовную атаку
И не оставлю вас без дюжины детей...
Пусть мертвою петлей нас скрутит Гименей!
Сегодня же прошу вас стать моей супругой!

Елена.

Не лучше ль нам, сеньор, сперва узнать друг друга,
Чтоб я могла решить, какой вам дать ответ?

Филипен.

Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен.

Мне расстегни жилет

И распусти жабо... Нет-нет, жабо сначала!

Мне жарко... я вспотел... она не отказала!

Елена.

Жилет... жабо... вспотел... столь низкие слова
При дамах говорить!

Филипен.

Сеньора неправа:

И вольные слова и вольные манеры —

Приманка, коей дам пленяют кавалеры!

Как нравится тебе мой выбор, милый брат?

Дон Диего.

Гляди, кого берешь, — останешься ли рад...

Сеньора, ухожу...

Филипен.

Я остаюсь, сеньора!

Дон Диего (*вполголоса, Карманьолью*).

Боюсь, не даст ему безумная отпора!

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Филипен, Карманьоль, Елена.

Филипен.

Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен.

Сюда мне стул подашь.

С удобствами хочу идти на абордаж.
О, как же много тут опасного для зренья...
Все эти декольте, все эти утолщенья...
Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?
Филипен. Камзол хорош на мне?

Карманьоль.

Приличен.

Филипен. А штаны?

Карманьоль. С камзолом наравне.

Филипен.

Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен. Влюблен я по макушку.

Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен. Заткнись! Скажите, душка,
Вы цените меня?

Елена. Вам, сударь, нет цены.

Филипен.

За правду вас хвалю. Правдивость для жены —
Основа из основ... Ах, из-за вас утратил
Последний разум свой... рехнулся, сбрендил, спятил!

Елена.

Изящные слова!

Филипен. Люблю высокий слог...

Когда бы мой кузен им изъясняться мог...

Вам речь моя мила — поговорим немного:

Хочу вам показать искусство монолога.

Мой взор пленили вы — зато пленю ваш слух;

Красивые слова в нас укрепляют дух.

Елена.

Пойму ли я, сеньор, ваш слог высокопарный?

Филипен.

Я буду прост: итак, то южный, то полярный,

Ваш непомерный взгляд то душу леденит,

То африканский свой показывает вид.

По вашей воле я то жгусь, то заморожен...

Сей климат для души и тела невозможен.

Смените же его, иль превращусь я в труп,

Не посмотрев на то, что этот термин груб.

Ваш взор для чувств моих — что для фазана
вертел...

Как видите, весьма я недалек от смерти!
Опять смеетесь вы?

Елена. Сдержаться нету сил...

Филипен.

Вот так и всех смешу, куда б ни заходил,
Хотя притом себя держу весьма солидно...
Эй, Карманьоль!

Карманьоль.

Сеньор?

Филипен.

На даму, очевидно,

Напал веселый стих. Одну из этих штук
Сеньоре расскажи — чем развлекают слуг!
Взгляните на него: хоть и немногословен,
Но столько знает он забавнейших чертовин,
Что брюхо надорвешь, или, верней, живот...
Скажи, как мой кузен в наследниках живет?
Как хочет содержать на нищенскую ренту
Старушку мать, сестер, свои апартаменты?
По мне, всего смешней, что мой никчемный брат
В превратностях судьбы один лишь виноват!
Не думая, что всё узнаться может дядей,
Жил как взбредет на ум, расходовал не глядя;
Распутник, плут и мот — вот вам его портрет,
Вот дядиной к нему немилости секрет,
Вот почему решил покойный дон Пелагий
С Диего на меня переписать бумаги,
Короче говоря, прогнал его взашей.
Так я и завладел запасом кругляшей —
Да, триста тыщ монет!

Карманьоль.

Дублоны и дукаты...

Елена.

Вы, сударь, человек действительно богатый...

Филипен.

Когда меня понять угодно будет вам,
Я с вами разделю наследство пополам...

Елена.

Сеньор, лишать себя негаданной удачи
Способен лишь глупец...

Филипен.

Договорились, значит?

Еще вам сообщить обязывает честь,
Что дельце у меня тут стоящее есть;

Доходы все мои хочу чтоб вы узнали:
Затеял тяжбу я в мадридском трибунале...
Сейчас вам расскажу: мой досточтимый дед,
Ушедший в мир иной тому немало лет,
Носивший, как и я, фамилию Буффалос,
Продав кусок земли сеньору Десавалос
За двести тыщ эку, препоручил расчет
Племяннику снохи; принявши деньги, тот
Их бабушке вручил, исполнив деда волю,
Но внучка и дядья истребовали долю,
К тому ж и дедов брат претендовал на треть,
Двух теток обойдя: как их не пожалеть?
Суд выделил им часть; однако, всем на диво,
Их сводная сестра, графиня Аквавива,
Иск учинив истцу, полсуммы по суду
Вернула деверям; но я концы найду!
Добьется адвокат кассации решенья,
И суд меня введет в законное владенье.
Вам ясно почему?

Елена. Признаюсь, не вполне.

Филипен.

Поверенный в делах на днях зайдет ко мне.
Он все вам разъяснить сумеет безупречно...
Эй, Карманьоль!

Карманьоль. Сеньор?

Филипен. Ты грамотный?

Карманьоль. Конечно!

Филипен.

Я сколько получил из Перу обезьян?

Карманьоль.

Мартышек девять штук, десятый — павиан.

Филипен.

А слитков золотых?

Карманьоль. Кто их считал? — Не знаю...

Филипен.

А из заморских птиц?

Карманьоль. Павлины, попугаи...

Филипен.

Там был еще алмаз...

Карманьоль. С гусиное яйцо.

Филипен.

Жаль, слишком он велик, чтоб заказать кольцо.

Достался дяде он от Котокотофея,
Туземного вождя, в крещении Матфея...
Да, и рубины есть неслыханной цены...

Карманьоль.

И крупных жемчугов два ящика полны.

Филипен.

Представь, про них забыл!

Карманьоль.

Как я про те рубины.

Филипен.

Чего мне ждать еще от эдакой скотины!

Однако мне пора, нотариус нас ждет.

О деньгах речь пойдет, а деньги любят счет.

Прощайте, ангел мой, сладчайшая из пышек!

Чтоб не скучали вы, девчонок и мальчишек

Мы с вами заведем, как только вступим в брак...

Елена.

Что ж, очень может быть!

Филипен.

Аминь, да будет так!

Филипен и Карманьоль уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Елена, Пакэтта.

Пакэтта.

Возможно ли, чтоб вы, на смену дон Диего,
Решились взять бревно от Ноева ковчега?

Елена.

Пакэтта, речь идет о будущем моем;

Мне ль с неимущим жить и голодать вдвоем?

Пакэтта.

Красивый муженек приятней яств отменных,

Нарядов, вееров и побрякушек ценных...

Когда моих сестер натаскивала мать,

То на базаре их учила выбирать

Покрепче кочешки, а мясо — помоложе.

Да, знала всё как есть покойница, похоже!

Я помню, как она, пошли ей мир господь,

Разобъясняла нам про душу и про плоть...

Елена.

Ты скоро замолчишь, несносное созданье?

Пакэтта.

Когда не глухонем, так тяготит молчанье!

Словечко лишь одно позвольте мне...

Елена.

Хоть три!

Но только ничего потом не говори!

Пакэтта.

Так вот: от жениха, убиться мне на месте,

Воняет чесноком!

Елена.

А мне, его невесте,

Нет дела до того. Мне это все равно.

Умелая жена обтешет и бревно,

Лишь было бы оно и щедрым и богатым!

Пакэтта.

Как бы ему не стать, сударыня, рогатым!

На вашем месте я, как нас учила мать...

Елена.

Придется, вижу, мне большую палку взять!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Диего, Леонора.

Дон Диего.

Итак, в моем слуге замену мне нашла...

Леонора.

Забавно... Только жаль, что шутка слишком зла.

Ведь женщина, попав в такое положение,

Обиды не простит. Остерегайтесь мщенья!

Дон Диего.

Ах, что мне до нее и до ее обид!

Ваш образ, не иной, теперь в душе царит...

Леонора.

Поверить вам пока вы повода не дали...

Дон Диего.

Есть повод у меня, и мне другой едва ли

Потребен для того, чтоб, злую разлюбя,

Достойной посвятить и чувство и себя!

Леонора.

Ах, истину узнать поможет только время...

Дон Диего.

Оно не нужно вам. Сейчас же перед всеми
Готов провозгласить и ненависть и страсть...

Довольно я служил той, пожелавшей пасть

Столь низко, той пустой, той корыстолюбивой;

Хочу теперь служить лишь чистой и правдивой!

О, как же всем для вас пожертвовать готов,

Коль жертвовал душой за блеск обманных слов...

А ныне, жизнь моя, вам отдаваясь в руки,

Молю — зачтите мне испытанные муки,
Не умножайте их неверием своим!
Скажите же сейчас, что вами я любим,
Не медлите!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Беатриса, дон Диего, Леонора.

Беатриса. Как быть? Там госпожа Елена
Проведать вас пришла...

Дон Диего. Сожги ее гангрена!

Ужель она за мной?

Леонора. О боже, вот беда...

Дон Диего.

Но нет, не может быть...

Беатриса. Пройдите-ка сюда,

Направо, в эту дверь...

Дон Диего. Когда вы так велите...

Леонора.

Она заметит вас... ах, сударь, поспешите!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Елена, Беатриса, Леонора, Пакэтта.

Елена.

Вы видите, как я поддерживаю честь
Знакомой с вами быть...

Леонора. Увы, визит нанести

Обязана была вам первая, коль скоро

Должница ваша я, любезная сеньора!

Преподав вам мне еще один урок...

О, если б глупой он пойти на пользу мог!

Но можно ль перенять от вас великодушье,

Учтивость, прямоту, сердечность и радушье?

Когда простите мне невольную вину

(Как за нее себя ругаю и клянусь!),

Исправить я свою оплошность постараюсь...

Елена.

Сих благородных слов не заслужила, каюсь!

Напоминает мне чрезмерная хвала

О том, насколько — ах! — ничтожна и мала
Оказанная вам услуга... Право, скверно,
Что сделанное мной хвале несоразмерно!

Леонора.

Какой досадный смысл придали вы словам,
Что в простоте души сказать решилась вам!
Не острота ль ума вас делает опасной
При вашей доброте и внешности прекрасной?

Беатриса.

Сеньора... *(Шепчет Леоноре на ухо.)*

Леонора. Где же он?

Беатриса. На лавочке в саду.

Леонора.

Ступай и передай, что я сейчас приду.
Там дядя-опекун приехал... К сожалению,
Я вынуждена вас оставить на мгновенье.

Елена.

Бегите же к нему, не думайте о нас!

Леонора.

Прощения просить еще придется раз
У гостыи дорогой за эту неучтивость...
Я тотчас же вернусь! *(Уходит.)*

Елена.

Отдам ей справедливость,

Она весьма мила!

Пакэтта.

Все так же говорят...

Елена.

Что ж, мебель хороша...

Пакэтта.

Тут всё незауряд.

Елена.

У ней отличный вкус... каков ковер, Пакэтта!
Но что это за ним? Подобье кабинета...
Ах, сколько здесь вещей... но более всего
Изряднейших картин...

Пакэтта.

Картинки — ничего.

Елена.

О! Кто-то там стоит в простенке у камина...

Пакэтта.

И, судя по всему, знакомый вам мужчина...

Елена.

Как! Дон Диего?

Пакэтта.

Да...

Елена.

Изменник, это он!

Пакэтта.

Бедняга, выходя от вас сегодня вон,
Был очень удручен... причина вам понятна...

Леонора (появляясь).

Ну вот, свободна я... А вы тут, вероятно,
Соскучились вдвоем?

Елена.

Сударыня, отнюдь!

У вас роскошный дом, здесь есть на что взглянуть!
Вот в этом уголке картины неплохие
Сумели вы собрать...

Леонора.

Да, есть кое-какие!

Елена.

Но как смогли принять вы за оригинал
Один дрянной портрет... и как он к вам попал?
Он раньше был моим; невыгодную сделку
Вы заключили, взяв заведомо подделку.

Леонора.

В картинах вы знаток?

Елена.

В них разбираюсь я.

Леонора.

Мне кажется, что вы в искусстве не судья...
Портрет, о коем речь, ни за какую цену
Не должен подлежать продаже иль обмену...
Хотя бы потому мне будет дорог он,
Что честный человек на нем изображен.
Лишь низкая душа все меряет на деньги...

Елена.

Высокая душа, случается частенько,
Не прочь исподтишка залезть в чужой карман!

Леонора.

А выгоды ища, пускаться на обман
Пристойно ли?

Елена.

Умно!

Леонора.

Ума не много, право,

В том, кто берет портрет из-за его оправы!

Елена.

Не стоят ни гроша ни рама, ни портрет.

Леонора.

Случайно, их на зуб не пробовали, нет?

Елена.

О, я не из таких, кто пробует дурное...

Леонора.

Дурное ли? Увы, в погоне за тщетою

И сердце вы свое утратили и вкус...

А мне дороже честь — к богатству не стремлюсь.

Елена.

О добродетель!

Леонора. Да, в ней счастье нахожу я.

Елена.

Приятно увидеть воочию святую...

Идем, Пакэтта!

Леонора. Я на днях к вам забегу!

Елена.

Не тратьте время зря!

Леонора. И это я могу.

Хочу лишь вам сказать...

Елена. Мне некогда, голубка!

Леонора.

...Что может вас подвести последняя покупка.

На позолоты блеск позарившись, увы,

Бездарную мазию себе купили вы.

Елена.

Спасибо за совет. Кто на других клеветает,

Получше бы скрывал украденные вещи!

Леонора.

Как покраснели вы!

Елена. Краснею от стыда —

За вас!

Леонора. Коль за меня, так это не беда.

Смотрите за собой!

Елена и Пакэтта уходят.

Беатриса. Чуть гостя не взбесилась!

Леонора.

Зато давно сама я так не веселилась!

Но дон Диего зря не спрятался вон там...

Беатриса.

Всё это ерунда, не огорчаться ж вам!

Леонора.

Сеньор!

Дон Диего.

Уже ушла?

Беатриса. Ушла, глазам не веря,
Что здесь, у нас, нашла недавнюю потерю.

Дон Диего.

А как это понять?

Беатриса. Вас видела она.

Дон Диего.

В том, что случилось так, увы, моя вина!

Простите, впопыхах я влез куда попало...

Леонора.

Ах, полноте, сеньор, я не сержусь нимало!

Должна вам передать все дерзкие слова,

Что слышала сейчас... Как я была права,

Ей тут же сдачи дав... Но что это такое?

Нет, он решил меня не оставлять в покое!

Я уйду! *(Уходит в комнату, где скрывался дон Диего.)*

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Хуан, дон Диего.

Дон Хуан. Куда? Зачем? За что же так

Бежите вы меня, как будто я ваш враг?

Одним благоволит, другим бросает вызов...

Однако мне теперь не до ее капризов.

Она мне не нужна.

Дон Диего. Я нахожусь как раз

По вашей просьбе здесь — чтоб хлопотать за вас.

Пока что, милый друг, не выгорает дело...

И слушать ничего сеньора не хотела!

Дон Хуан.

Сердита ль на меня, нежна ли — все равно.

Я разлюбил ее — пусть и не так давно —

В тот самый час, когда у госпожи Елены

Всё выразила мне она столь откровенно.

Сюда я завернул сказать ей, что она

Отныне и навек мне больше не нужна:

Сеньоре Торрес я теперь служить намерен,

Та будет мне верна, как сам ей буду верен...

Рождением, красотой Елена мне под стать.

Она меня поймет и должное отдаст

Всем качествам моим сумеет...

Дон Диего. К сожаленью,
Дон Педро, мой кузен, о ней того же мненья,
И думаю, что он добьется своего...

Дон Хуан.
Дон Педро? Этот хам? Да знаю я его!
Такой болван, как он, не может быть опасен!

Дон Диего.
Но он ей по душе — отсюда вывод ясен!
Богатство, сударь мой, и сердцу и уму
Замена...

Дон Хуан. Всё равно Елену отниму!
Дон Педро хочет дать сегодня серенаду
Избраннице моей, а попадет в засаду,
Где некий дворянин, что вам весьма знаком,
Разделается вмиг с докучным мужиком...
Увидим, кто кого и чьей красotka будет!

Дон Диего.
Ну что же, дворянин всю улицу разбудит,
Раздразнит всех собак и всполошит людей...
И, на себя приняв град палок и камней,
Воротится домой, освистан и осмеян.
Дон Педро, мой кузен, глуп и самонадеян,
Но силой он Геракл, а мужеством — Ахилл...
Хочу, чтоб дворянин об этом не забыл.
Подумаем о том, как вам Елену Торрес
К себе расположить, с соперником не ссорясь...

Дон Хуан.
Опасности бежать — задача не по мне!
Коль ваш кузен Геракл, так я — Геракл вдвойне...
И не таких чертей ломал через колено.
Проститься должен он иль с жизнью, иль с Еленой!

Дон Диего.
Любезный дон Хуан, не лезьте на рожон!
Никто таким путем не добывает жен...
Здесь выдержка нужна — единственное свойство!

Дон Хуан.
Куда ж тогда девать и доблесть и геройство?

Дон Диего.
Предупреждаю вас — кузен мой дуэлянт.

Дон Хуан.
И у меня такой имеется талант!

Дон Диего.

Но выиграть, когда исход борьбы неясен...

Дон Хуан.

Где выигрыш — любовь, там путь всегда опасен...
Прощайте! Побегу собрать своих людей...

(Уходит.)

Дон Диего.

Тебя я проучу, хвастливый лиходей!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Диего, Леонора.

Дон Диего.

Слыхали этот бред?

Леонора.

Увы!

Дон Диего.

Даю вам слово,

Что он уже успел попробовать хмельного!

Сеньора, потерпеть никак я не могу,

Чтоб этот скот напал на моего слугу.

Мой бедный Филипен не блещет в обороне...

А впрочем, дон Хуан, хотя и фанфаронит,

Не меньший трус, чем тот. Всё ж рисковать слугой

Нельзя... придется мне вмешаться в этот бой.

Бодливому быку рога пообломаю!

А, вот и Рокэпин. Тебя я ожидаю.

Скорей мне принеси полегче панцирь, щит,

Да шпагу подбери, какую надлежит.

Рокэпин.

Позвольте и мне принять участие в деле?

Дон Диего.

А почему бы нет? Себе для этой цели

Ты также припаси надежный инструмент.

Рокэпин.

Я понял вас, сеньор. Всё сделаю в момент.

(Уходит.)

Леонора.

Вы любите меня, Диего?

Дон Диего.

Бесконечно...

Леонора.

Когда б любили вы, ужели столь беспечно

Смогли бы подвергать опасности себя?

Дон Диего.

Ужели трусом стать, столь искренне любя?
Достоин ли любви лишенный чувства долга?

Леонора.

Не в силах я молчать, хоть и молчала долго...
Послушайте... но нет, не слушайте, молю!
Мне кажется, сеньор, что тоже вас люблю...
Чтоб вас не потерять, я требовать не буду
От чести вашей жертв и удалюсь куда.

Дон Диего.

Сеньора, ангел мой, спешите вы уйти,
Столь ласковую речь прервав на полпути?
Как прогневил я вас? Чем вызвана немилость,
В которую приязнь внезапно претворилась?
С изменчивостью дев бороться тяжелей,
Чем с полчищем врагов... Зачем душе моей,
Воспрянувшей едва, испытывать сомненья?
Начавши говорить, продолжить объясненье
Вам следовало бы, однако рот ваш нем...
Речь, что сулила всё, не кончилась ничем...

Леонора.

Что ж, отвечать должна за всё, что речь сулила...
Когда бы не любовь, я отыскала б силы
Смириться с тем, что вы готовитесь к борьбе;
Любя же, предпочла б вас видеть при себе...

Дон Диего.

Сударыня, ведь я, чтоб не решать дуэлью
Дел своего слуги, задался мирной целью
События пресечь или предупредить.
Опасности в том нет...

Леонора.

Не знаю, может быть!

Боюсь, что злобный рок всё повернет иначе...

Сеньор, любовь слепа, но мужество — тем паче.

Дон Диего.

Клянусь — коль жизнь моя вам стала дорога,
Ее я сберегу... Но вот и мой слуга.
Увидите, поход окончится победой...

Леонора.

Мой друг, да будет так... но сердце чует беды...
При виде этих шпаг от ужаса дрожу...
Нет, больше не могу... прощайте, ухожу.

Дон Диего.

Еще хотел сказать...

Леонора.

Нет, более ни слова!

От страха и тоски я умереть готова.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Диего, Рокэпин, вооружаясь на ходу.

Дон Диего.

Который час теперь?

Рокэпин.

Час поздний...

Дон Диего.

Поспешим.

Я думаю, легко разделаемся с ним.

Рокэпин.

Противник не из тех, кого погубит смелость...

Дон Диего.

И Филипен не храбр, как мне б того хотелось...

Рокэпин.

Тсс... кажется, идут.

Дон Диего.

Да, это дон Жуан.

Вот прячется... залез, как в щелку таракан.

Но странно — он один!

Рокэпин.

Ваш доблестный приятель

Пришел не как боец — как мирный наблюдатель!

Он шпагу обнажать не станет нипочем.

Дон Диего.

А сам изображал архангела с мечом!

Чу! Музыка! Идем, пора и нам укрыться...

Смотри, как Филипен сумел вооружиться!

Прячутся.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Филипен, или дон Педро, дон Диего,

Рокэпин, дон Жуан, музыканты.

Филипен.

Раз — острое копьё, два — щит, три — шлем

литой...

Положим их сюда, чтоб были под рукой.
Не рано ль мы пришли? Чуть что не так — и сразу
Могу быть окрещен из непотребной вазы
Иль полит кипятком... Какой-нибудь сосед
Способен удавить певца во цвете лет,
Завидуя его бессмертному искусству...
Увы, меня гнетет томительное чувство,
Предчувствие, верней, что все пойдет не так...
Что, если где-нибудь здесь притаился враг?
А впрочем, с нами бог!

Дон Диего. Я, кажется, придумал,
Как надо поступить, чтоб обойтись без шума.
Слугой займешься ты, поскольку сам слуга,
Я ж нашему быку укорочу рога
И в стойло загоню вот этой самой шпагой.

Рокэпин.

А с музыкой я сам померяюсь отвагой...

Филипен.

Ну, начали!

Дон Диего. Молчи, послушаем пока...

Филипен (*поет*).

О нежнейшая из роз,
Отвори свое окошко
И хотя бы на немножко
Высунь нос!
Днем и ночью он во сне,
В сновиденьях снится мне.
О Аврора,
Ты без спора
Свет для взора...
Так скорее покажись мне,
А не то лишусь я жизни...
Чтобы я остался жив,
Выгляни, моя комета,
Пусть раздета
Иль одежду нацепив...
О богиня красоты,
Если вдруг обманешь ты
Ожиданье
И желанье,
Я приду в негодованье.

Берегись — моя рука
Не легка!
Нет, на этот раз не верь:
Я пропел чего не надо
От досады...
Я хороший, а не зверь.
Словно верный рыцарь, я
Здесь стою, душа моя,
Мой котенок,
Мой мышонок,
Моя крошка...
Отвори скорей окошко!

Вы спите или нет, туманное светило,
Мой утренний цветок, который окропила
Вечерняя роса? Накиньте что-нибудь
И покажитесь мне — хочу на вас взглянуть!

Дон Хуан.

Нет, я не потерплю!

Дон Диего.

Терпи и стой на месте!

(Делает выпад и вновь прячется.)

Рокэпин делает выпад и скрывается.

Филипен.

Что значит этот шум? Ужасное предвестье!

Рокэпин.

Давай-ка шпагу!

Филипен.

Что? Ах шпагу... вот она...

Подать копьё и щит? А каска не нужна?

Вот и друзья мои сдаются без сраженья...

Смотри-ка, он исчез!

Дон Хуан.

Попал я в положение!

Казалось, он ушел, но дьявол тут как тут!

Филипен.

Опять торчит как столб проклятый этот шут!

Ну что бы мне удрать, чуть он спросил про шпагу!

Дон Хуан.

Я переоценил, увы, свою отвагу!

Дон Диего.

Спиной друг к другу став, им драться не с руки!

Рокэпин.

Нет, жизнью рисковать они не дураки.

Филипен.

Вот это влип так влип...

Дон Хуан.

Вот каковы засады!

Филипен.

Чтоб я еще давал прохвосткам серенады?!

Шпага дона Хуана ударяется о шпагу Филипена.

Дон Хуан.

Хоть жизнь оставьте мне!

Филипен.

О том прошу и вас...

Дон Диего.

Что делаете здесь, сеньоры, в поздний час?

Сражаетесь?

Филипен.

О нет, спасаемся, похоже!

Дон Диего.

Вот это хорошо...

Филипен.

Но не одно и то же!

Как, это вы, кузен?

Дон Диего.

Да, я.

Филипен.

Какой-то враг

Хотел меня убить, но не сумел никак.

Мне, право, говорить об этом даже скучно,

Но мужество мое со мною неразлучно,

Как шпага, мне оно сопутствует везде...

И в этой помогло негаданной беде.

Желал бы все ж узнать причину нападения...

Дон Хуан.

Пожалуй, я смогу представить объяснения:

Тут некий герцог, злой на мой успех в делах

Любовных и иных, решил повергнуть в прах

Меня, отнюдь не вас; не будучи отважным,

Он дело поручил наемникам продажным,

Возглавив их отряд; и вот куда я

Здесь музыке внимал, он и его друзья

Внезапно на меня из-за угла напали.

Тут подоспели вы, мы вместе этой швали

Навек отбили вкус творить такое зло.

Вот точно так, сеньор, все и произошло...

Филипен.

Вот точно так и врут, не подавая вида...

Дон Диего.

Ваш подвиг, сударь мой, вполне достоин Сида...

Дон Хуан (отведя в сторону дона Диего).

Как честный человек, признаться вам готов,
Что давешних своих не соразмерил слов.
Однако, поостыв, я вашим внял советам.
Вы правы; для того, чтоб завладеть предметом,
Мне следует идти в обход, не напролом,
Утихомирив гнев и действуя добром.
Ах, если б вы взялись поговорить с Еленой,
Чтоб мне помочь достичь победы вожденной!
В беседе ни к чему курить мне фимиам,
Прошу лишь передать то, что известно вам:
Внушите ей, что я весьма богат и знатен,
Хорош наедине и в обществе приятен,
Что всем внушаю страх, почтенье и любовь,
Что в жилах у меня — порядочная кровь,
Поскольку мать с отцом женаты друг на друге,
Что честь я окажу возлюбленной супруге
Как скромностью в речах, так доблестью в бою.
Прощайте, я спешу; пока не перебею
Противников своих, пока заупокойной
Молитвы не прочту, я не усну спокойно.

(Уходит.)

Филипен.

Ну, нет, я в нем себя ничуть не узнаю...
Наверно, потому и не блещу в бою,
Что меньше всех молитв влекусь к заупокойной...
Чем убивать людей, не лучше ль спать спокойно?

Дон Диего.

Ужель опасных встреч храбрец искать пошел?

Филипен.

А мне сдается — тем, на что надет камзол,
Он слишком дорожит...

Дон Диего.

Хотелось мне бахвала
За трусость проучить...

Филипен.

Да, мужества в нем мало...

Дон Диего.

Уж кто бы говорил!

Филипен.

А я и не кичусь
Отвагою своей...

Дон Диего.

Ну хорошо, сдаюсь.

Ты лучше расскажи, как там твоя Елена?

Филипен.

Согласие на брак она дала мгновенно!
Назавтра свадьба.

Дон Диего. Что?!

Филипен. Уж заказали с ней

Мы свадебный наряд, карету, лошадей...

Дон Диего.

Немыслимо постичь, на что корысть способна!

Идем! Дорòгой всё расскажешь мне подробно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Филипен, или дон Педро, Пакэтта.

Филипен.

Где госпожа твоя?

Пакэтта. Уехала гулять.

Филипен.

Пакэтта!

Пакэтта. Вам чего?

Филипен. Осмелюсь ли сказать...

Пакэтта.

Валяйте, мы одни! Тут вам и карты в руки.

Филипен.

Пакэтта, знаешь что? Не выношу я скуки,

Хозяйка же твоя уж чересчур важна...

Ей-богу, ты куда милее, чем она!

Пакэтта.

Извольте шутить, однако, воля ваша,
Хозяек мы умней, а иногда и краше...

Нет, правда, поглядишь на некоторых дам —

Ну в чем их красота? И сало, и бальзам,

И всяческая дрянь в настойках, в мазях, в пудре,

Белила, и кармин, и накладные кудри

Творят из этих лиц подобие личин...

Не это ли порой пленяет вас, мужчин?

Часть дамской красоты заключена в корсете,

Вторая — в башмачках, в нарядном туалете,

А худшая из всех ложится к вам в кровать...

Охотниц много есть чужим добром прельщать!

Ведь только своего и есть у них в запасе,
Что множество костей в отменно рыхлом мясе,
Противный голосок да плешь заместо кос...
Пусть тот, кто изумлен обилием волос
На маковке иной, — не изумится боле:
Всё это — колоски совсем с чужого поля!

Филипен.

Откуда у тебя умение взялось —
Лукавая душа! — так видеть всё насквозь?
Кто научил тебя? Скажи, кто твой приятель?
Не ходит ли к тебе какой-нибудь писатель?
Я, глядя на тебя, готов порвать, поверь,
С хозяйкою твоей не завтра, а теперь!
Но вот она сама...

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Елена, Филипен, Пакэтта.

Елена. Вы на меня сердиты,
Что опоздала я? Всему виной визиты...
Ведь связи при дворе полезны и нужны...

Филипен.

Да, много важных дел у будущей жены.
Но главное из них — продолжить род Буффалос,
Чтоб память обо мне не только здесь осталась,
В отчизне дорогой, — нет, пусть потомков рой
Весь мир заполонит, владеет всей землей!

Елена.

Супругой вашей стать вам изъявив согласие,
Вам подчиняться я во всем почту за счастье...
То, что прикажет муж, — для женщины закон!

Филипен.

Ах, жаль, что в средствах я как раз теперь
стеснен!

Всего лишь десять тыщ поверенный, мошенник,
Сумел мне раздобыть, и я почти без денег.
Чеканя кругляши, решил с недавних пор
Сначала короля снабжать монетный двор,
А уж потом меня... еще одна забота!
А государь привык расходовать без счета.

Елена.

Съедает весь доход фламандская война...

Филипен.

...Но должен я на днях всё получить сполна.
Надеюсь, что меня, прелестное создание,
Не захотите вы обречь на ожиданье...
Вы — не Ерусалим, а я — не иудей,
Чтобы у ваших стен сидеть, как ротозей.
Сыграем свадьбу мы достаточно богато
На эти десять тыщ новехоньких дукатов.
Из них пока что я с лихвою оплачу
Ваш свадебный наряд — тюль, бархат и парчу —
И все, что надлежит, — оркестр и угощенье...
Все деньги получив, и про обзаведенье
Подумаю: куплю шестерку лошадей,
Карету, особняк и множество вещей,
Необходимых вам; приобрету наряды,
Сам подберу цвета — чтоб только были рады...

Елена.

Всецело я на ваш рассчитываю вкус.

Филипен.

Двенадцать платьев вам купить не поспею —
Как раз на целый год. — Вам желтый шелк угоден?

Елена.

Ах, мне он не к лицу, к тому же и не моден...

Филипен.

А нравится ли вам лиловый канифас?

Елена.

Увы, мой друг, отнюдь.

Филипен.

Еще ласкает глаз
Оттенок на манер гусяного помета.
Он очень вам пойдет.

Елена.

Я сомневаюсь что-то...

Филипен.

Во-первых, я хочу к зиме вам заказать
Изысканный туалет, какой носила мать:
Верх из сукна, рябой, а низ под цвет ореха,
На байке для тепла, с прокладкою из меха.

Елена.

Нет, лучше я сама, а вам пришлют счета...

Филипен.

Мне, кстати, шьют камзол: тут бархат, тут тафта,

Тут золотой галун; штаны — белее снега,
С отделкою из лент...

Пакэтта. Приехал дон Диего...

Филипен.

Докучный человек!

Елена. Вам неприятен он?

Филипен.

Да, более того. Есть у меня резон
С кузеном враждовать. Он против всяких правил
Недавно при дворе меня было обставил:
Играя на родстве, пытался оттягать
Ту должность, что король меня просил принять!
Сейчас я с наглцом за это рассчитаюсь!

Елена.

Уж лучше спрячьтесь здесь...

Филипен.

Охотно подчиняюсь.

Спровадивши его, вы мне подайте знак.

Пускай идет к чертям.

Елена.

И я считаю так.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Диего, Елена.

Дон Диего.

Пусть не тревожит вас цель моего визита...
Конец былым страстям, и прошлое забыто.
Ходатайствовать я пришел не за себя.
Хуан де Бракамон, вас искренне любя,
Просил вам передать...

Елена.

И слушать не желаю.

Дон Диего.

Простительно ль узнать — откуда спесь такая?
Сеньора, он богат...

Елена.

Тем лучше для него!

А мне из ваших рук не надо ничего.

Дон Диего.

Ужели тот мужлан вам вбился в сердце клином?

Елена.

И путь перебежал всем остальным мужчинам?

Дон Диего.

Помимо кошелька чем вас он победил?

Елена.

Хотя бы тем, что вам противен и постыл...

Дон Диего.

Вы любите его?

Елена.

Люблю и замуж выйду.

Дон Диего.

Лишив меня всего, мне рок нанес обиду,

Но то, что не ревнив, — судьбы великий дар...

Елена.

У вас другая есть — ей жертвуйте свой жар!

Дон Диего.

Да, мне она мила... но, видя вас, встревожен...

Придя сюда, я был весьма неосторожен!

Елена.

Вам не опасна я.

Дон Диего.

Коль был бы я богат,

Опасней, чем теперь, считал бы вас стократ...

Елена.

Вам не было б цены, сеньор, будь вы богаты,

Однако одарил господь не вас, а брата...

Дон Диего.

А мне зато господь помог вас раскусить...

Елена.

Он дерзости сейчас начнет мне говорить!

Дон Диего.

Что дерзости, когда способен сделать хуже!

Елена.

Как это понимать?

Дон Диего.

Хочу лишить вас мужа...

Елена.

Дон Педро?

Дон Диего. Да.

Елена.

К чему? Или у вас права

Остались на меня?

Дон Диего.

Прав нет, зато жива

И совесть у меня, и искренность, и жалость...

Могу ли потерпеть, чтоб ваша жизнь досталась

Такому чурбаку? Дон Педро — жалкий фат,

Глупец, к тому же он и вовсе не богат.

Елена.

Не так умен и тот, кто голову морочит

Себе и мне...

Дон Диего. А та, что суетно хлопочет
О гибели своей?

Елена. Прошу умерить пыл.

Дон Диего.

Его умерил бы, когда б вас не любил.

Елена.

А я вас не люблю и выйду за другого,
Сегодня же!

Дон Диего. Вот как?

Елена. Вот так. Даю вам слово,

И более того: с подругой вашей вас
В свидетели прошу. Здесь будьте через час.
Как надоели мне советы, поученья...

Я следую в делах лишь собственному мненью.

Дон Диего.

А всё же допустить я не смогу никак,
Чтоб осмеяли вас за неуместный брак...

Елена.

Но состоится он — пусть с вашей Леонорой
Вы на моем пути перевернете горы...

Дон Диего.

Сейчас избавим вас от свадебных забот...

Елена.

Сейчас позлю я вас!

Дон Диего. Или наоборот...

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Филипен, Елена, Пакэтта.

Филипен (выходит из алькова).

И эдакий подлец приходится мне братом!

Старается, чтоб я остался неженатым...

Когда бы не боязнь прервать ваш разговор,

Злодея бы убил... я на расправу скор!

Как разъяренный лев, киплю от возмущенья:

В ушах какой-то шум, в груди кровосмешенье,

А в голове туман... готов кузена съесть!

Да, растерзать его повелевает честь.

Держите же меня, пока стою на месте!

Пустите же меня, или с кузеном вместе

Я разорву и вас... Однако обожду —
Не очень хорошо, чтоб он горел в аду.
Коль от моей руки помрет без покаянья,
Могу и на себя накликать наказанье...
Несчастье, когда рука твоя сильна:
Недоглядишь за ней — повалит и слона...
Ах, жажду крови я, и эту жажду надо
Мне как-то утолить... Пакэтта, лимонаду!
Лимонный сок хорош, он очищает грудь...
И свадьба на носу, и некогда вздохнуть...
Душа моя!

Елена. Мой друг?

Пакэтта. Там к вам пришли, сеньора:
Дон Дьего, дон Хуан и донья Леонора.

Филипен.

И кто-нибудь еще?

Пакэтта. Нет, больше не видать.

Филипен.

Что ж, дорогих гостей мы не заставим ждать.

Зови их всех сюда... Прелестная Елена,

Сейчас мы посраим проклятого кузена!

Пусть пялится теперь на наше торжество,

Когда по всем статьям я обскакал его!

Нотариус пришел?

Пакэтта. Давно!

Филипен. Приступим к делу!

Тянуть я не люблю, хочу, чтоб все кипело.

Раз-два — и я женат и замужем она...

Итак, скорей начнем...

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леонора, Елена, дон Диего, дон Хуан,
Филипен, Пакэтта, Беатриса.

Леонора. Поздравить вас должна

В такой великий день...

Елена.

Сама не знаю, право,

Что вам сказать в ответ. Признайтесь, для забавы

Зашли вы в этот дом? Иль с чистою душой

Хотите посетить наш праздник небольшой?

Прошу вас объяснить, с какой явились целью...

Филипен.

Коль строить вы пришли насмешки от безделья,
Предупреждаю вас, что здесь не балаган!

Леонора.

Ну стоит ли во всем подозревать обман?
Мы просто изъявить хотим свое почтение
Невесте с женихом...

Филипен.

Тогда прошу прощенья.

Елена.

Так... с вами, значит, мир... а ваш приятель как?

Леонора.

Вы знаете его — шутник он и чудак,
Сам говорит одно, а думает другое...

Дон Диего.

Я был и остаюсь вам преданным... Не скрою —
Подсказана моя неласковая речь
Печалью, что не смог сеньору уберечь
От униженья... Да, не назовешь иначе
Неравный этот брак с лакеем, с доезжачим,
Что заплетает хвост у моего коня...
Подумать, что слуга вас отнял у меня!

Филипен.

Не надо резких слов...

Елена.

Вы не в себе, однако!

Дон Диего.

Не более, чем вы при заключенье брака!

Елена.

Дон Педро, как понять...

Филипен.

Понятно все весьма:

Сеньор Диего прав — не он сошел с ума!

Елена.

Так вы — простой слуга?!

Филипен.

Всегда готов к услугам...

Елена.

Да как посмели вы...

Дон Диего.

Воздать вам по заслугам?

Елена.

Я мстителя сыщу... смеетесь до поры!

Ах, кто бы мне помог?

Филипен.

Я вышел из игры.

Елена (дону Диего).

Вы, запятив себя обманом непристойным,

Ни званья своего, ни рода недостойны!
Мне дерзостный удар осмелившись нанести,
Свою, а не мою вы замарали честь!

Дон Диего.

Ни лаять, ни рычать красавице негоже...
Меня не укусить, я слишком толстокожий.
Не я вас обманул — сам был в обман введен
Обманщицей, ханжой, лукавейшей из жен
И ей же сдачи дал такую же монетой...
Монета — вот она: лакей переодетый!
Преподанный урок вам растолкует всяк:
Не надо принимать за золото медяк!
Как долго вы меня баюкали словами...
На лживые слова зато попались сами,
Посулы болтуна приняв за чистоган!
Отставку получив за свой пустой карман,
Я тотчас заменен был собственным лакеем...
Что заслужили мы, тем, видно, и владеем,
И стоит ли теперь расстраиваться так?
Лакея подцепить ведь тоже не пустяк...

Елена.

О нет, я вас за всё заставлю поплатиться...

Дон Диего.

Угрозы не к лицу воспитанной девице!

Елена.

Ах, дон Хуан, мой друг, отмстите за меня,
И вашей стану я хоть с нынешнего дня!

Дон Хуан.

Какая мне корысть в жене своекорыстной?
Я в браке не гонюсь за жалкой дешевизной...
Вас бросил ваш жених — так я ли подберу,
Коль вам его лакей пришелся ко двору?
Чтоб я, любимец дам, я, рыцарь, я, вельможа,
Слугу вам заменил? Ну нет, себе дороже!
Пожалуй, засмеют при эдакой жене...
Прошу меня простить, но это — не по мне.

Дон Диего.

Какая мне корысть с корыстью сочетаться?
Я счастлив, что судьба нам помогла расстаться!
Кого винить, что вы, в погоне за мощной,
Хозяина презрев, связались со слугой?
Напрасно на меня взираете в надежде

На воскрешенье чувств, что я питал к вам
прежде...

Пожалуй, засмеют при эдакой жене!
Прошу меня простить, но это — не по мне.

Филипен.

Какая мне корысть в своекорыстной даме?
Хозяин мой и тот не стал вожжаться с вами...
Чего мне ждать от вас, когда я небогат?
Вот разве что пинка, как говорится, в зад!
Есть гордость и у нас, лакейского сословья...
Забудьте обо мне — покончено с любовью!
Пожалуй, засмеют при эдакой жене...

Прошу меня простить, но это — не по мне.

Елена (*упав в кресло, плачет, закрыв лицо платком*).

Ужель перевелись в Испании мужчины?!

Леонора.

Припомните наш спор недавний про картины:
Что говорила я, и кто из нас был прав?
И это ль не урок любителям оправ?

Елена.

Мне дурно... не могу... уйду в свои покои...

Филипен.

Вы жадностью больны, а от нее такое
Есть средство: кошелек к затылку приложить...

Дон Диего.

Нельзя ли помолчать?

Елена.

Или не буду жить,
Или на вас найду сегодня же управу...

(Уходит.)

Дон Диего.

Пока еще никто не учинил расправу
Над нами, отдаюсь на вашу милость я.
Каков ваш приговор, о праведный судья,
По делу моему?

Леонора.

Я проведу дознание,
Поступки разберу, слова и притязанья,
И если лжи и зла не обнаружу там,
То с чистою душой себя доверю вам...

Дон Диего.

Вся жизнь моя от вас зависит...

Леонора.

Вам на это

Не следует пенять... Внизу нас ждет карета,
Поедемте ко мне; судья не будет строг,
Под делом подводя желаемый итог!

Уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Беатриса, Филипен.

Беатриса.

Послушай!

Филипен. Да?

Беатриса. Скажи...

Филипен. Что?

Беатриса. Не могу решиться...

Филипен.

Ну?

Беатриса.

Ты бы не желал...

Филипен. Чего желал?

Беатриса. Жениться!

Филипен.

Жениться? А зачем?

Беатриса. Ну... чтоб была семья...

Филипен.

А что, невеста есть?

Беатриса. Есть...

Филипен. Кто она?

Беатриса. Да я!

Филипен.

Retra, satanas! Сгинь, о демон-искуситель!..

Оборони, господь, заступник, вседержитель!

Я вовсе не хочу, чтобы мое чело,

Бесплодное сейчас, отростки принесло!

Такое пережить способны лишь олени...

Уйди, нечистый дух! Исчезни, наваждение!

Принять тебя в свой дом? Да чтоб ты померла!

Меня не за того ты, видно, приняла!

Ты думаешь, что я простак, как мой хозяин?

Как дон Диего, глуп иль через край отчаян?

Чтоб я кормил жену и дюжину ребят!

Детей не заводите — муж, скажут, виноват,
А заведешь — то ль сам, то ль с помощью

соседа, —

Ну, Филипен, держись, тут и начнутся беды!
Ты будешь всё худеть, жена — растить живот,
Покуда не родит, — и это каждый год...
И в сопляке любом чужого производства
Досужие умы с тобой отыщут сходство!
Придется на руках таскать и целовать
Орущих сосунов, чтоб не обидеть мать.
Терпеть рожки, тазы, кормилиц, распашонки,
Клистиры, повитух, нечистые пеленки,
Свивальники, горшки... и превратить свой дом
По собственной вине в Гоморру и Содом,
А самого себя — и в няньку и в прислугу,
И смерть молить о том, чтоб прибрала супругу...
Нет, проще и милей прожить холостяком,
Без горя, без забот, с отменно гладким лбом,
Пить, спать с кем захочу, расходовать без счета,
Ни в чем и никому не отдавать отчета!
Ступай, мой друг, с тобой недолго до беды...
Коль я тебя убил — поди попей воды!

(Хочет уйти.)

Беатриса (останавливает его).

Нет, погоди, дружок, не надо торопиться...
Послушаешь тебя — ты редкостная птица!
Ну и наговорил! Ну насмешил до слез!
Ты думал, за тебя я собралась всерьез?
Чтоб я себе взяла сокровище такое,
Когда и день и ночь мне, бедной, нет отбоя
От разных женихов... шалишь, любезный друг!
Вступить со мною в брак иль провести досуг
Мечтают доктора, военные, прелаты,
Мне вазу подарил один купец богатый,
Записочку прислал в букете некий граф...
Вот бы сглупила я, его женою став,
Когда позавчера не кто-нибудь, а герцог
Мне руку предложил, имущество и сердце!
Ну, голова кругом... куда ни плюнь — жених!
Попробуй превзойди хоть одного из них,

Быть может, подарю тогда свое внимание
Из жалости — тебе... Покуда до свиданья!

(Уходит.)

Ф и л и п е н.

Постой! И след простыл... что хочет, то творит...

Я так бы не сумел... меня б замучил стыд...

Навек она ушла иль только по соседству?

Отставку мне дала иль это все — кокетство?

Чего не натворят безумные в сердцах!

Пойду ей напишу послание в стихах...

Занавес

Дон Яфет
Армянский

КОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
МИХ. ДОНСКОГО

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Дон Яфет Армянский — шут императора Карла V.

Фукараль — его слуга.

Дон Альфонс Энрикес, он же дон Рох де Сурдуча́чи — молодой дворянин, влюбленный в Леонору.

Марк-Антоний, он же Паскаль Сапатèро — его слуга.

Командор Консèгра.

Леонора — племянница командора.

Марина — ее служанка.

Эльвира — сестра дона Альфонса.

Дон Альвар — дворянин, влюбленный в Эльвиру.

Родриго — приближенный командора.

Алькальд Оргаса.

Жан Венсан — крестьянин.

Педро — слуга командора.

Торрèбио Понсиль } бродяги.
Лоран Рибейрос }

Первое и второе действия происходят в Оргасе, третье, четвертое и пятое действия происходят в Консегре.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Марк-Антоний.

Решенье странное, скажу без церемоний.

Дон Альфонс.

Ну, ладно, не ворчи, мой добрый Марк-Антоний.

Марк-Антоний.

Я, право, не пойму — пусть хоть меня казнят —

Ни страсть внезапную, ни этот маскарад.

Добро бы, вы еще мне дали позволенье

Отсюда к нам в Мадрид послать уведомленья,

Чтоб вашу матушку избавить от тревог.

А то ведь госпожа считает, что сынок

У дяди своего давно гостит в Севилье.

Там ожидают вас довольство, изобилье

И дочка дядина, что станет вам женой,

И тесть, что для зятька готов потряхнуть мошной.

А мы — тут, в Оргасе, в убогой деревушке.

Один умильный взгляд хорошенькой простушки —

И бедный дон Альфонс Энрикес — наповал.

Севилья, дядюшка, невеста, капитал —

Забыто все. Нет слов, крестьяночка милашка

И можно повздыхать — ведь вы не деревяшка, —

Вскружить ей голову, и в этом нет греха.

Но с маху втрескаться, забыть долг жениха,

Унизить честь свою, свое происхожденье!

Нет, здесь вы от меня не ждите снисхожденья.

А хорошо ли вам вельможа тот знаком,

К кому вы как слуга войти хотите в дом?

Дон Альфонс.

Я слышал, он богач.

Марк-Антоний. Так вам могу сказать я:

По ремеслу он — шут.

Дон Альфонс. Отличное занятие.

Марк-Антоний.

К тому же говорят, что полоумный он.

Дон Альфонс.

Что ж, тем смешней. Дурак не должен быть умен.

Марк-Антоний.

Итак, послушайте. Присвоив герб дворянский,
Известность он стяжал как дон Яфет Армянский,

Поскольку будто бы по линии прямой
Его прапращуром был сам библейский Ной.

В том городке, где жил Яфет придурковатый,

Проездом побывал наш государь Карл Пятый,

И местный так ему понравился мудрец,

Что как придворный шут был взят он во дворец.

За глупость золотом осыпали юрода:

Три тысячи экую имеет он дохода.

Когда ж Испанию покинул наш король,

То королевский шут, свою утратив роль,

Отправился назад, в родные палестины.

Но речи чванные, презрительные мины

Пришлись не по нутру строптивым землякам.

Чуть выйдет он — за ним мальчишки по пятам,

И взрослыми не раз осмеян был жестоко:

В своем отечестве, известно, нет пророка.

И вот, родимый край оставив навсегда,

Переселился он шесть дней назад сюда.

Его не знали здесь, был принят он с почетом.

Все это выяснив, я к вам пришел с отчетом.

Дон Альфонс.

Мне храбрости придал подробный твой рассказ.

Марк-Антоний.

Постойте-ка, сеньор! Да вот он сам как раз

С алькальдом Оргаса. С какой умильной рожей

Тот слушает шута, почтя его вельможей.

Дон Альфонс.

В сторонку отойдем.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Яфет, Фукараль, алькальд; в глубине сцены
дон Альфонс и Марк-Антоний.

Дон Яфет. Алькальд, вам повезло:
Вы мне понравились. Понравились зело.

Алькальд.

За вашу доброту пусть вам воздаст всевышний.

Дон Яфет.

Вы знаете, кто я? Вам будет не излишне
Послушать сызнава рассказ правдивый мой.
Родоначальником моим был Ной, тот Ной,
Который в тяжкий час, когда его коллеги
Пускали пузыри, пустился вплавь в ковчеге.
Хотя бы с фонарем вы обошли весь свет,
Не сыщете людей породистей — их нет.
Ной трех имел сынов. Происхожу я прямо
По линии мужской от среднего, от Хама.
Так кровь моя чиста, что я ни с кем другим,
Но лишь с самим собой в юдоли сей сравним.
Вдвоем с блистательным монархом Карлом Пятым
(Две тысячи пятьсот семьюродным мне братом),
Который называл меня «мой мудрый друг»,
Мы всю Испанию объехали вокруг.
Однако же нельзя двум солнцам быть на небе.
Кому из нас уйти? Тянуть мы стали жребий...
Алькальд, вам ясен мой возвышенный язык?

Алькальд.

Нет, сударь, я к речам придворным не привык.

Дон Яфет.

Не понимаете? Хотя, скрывать не стану,
В редчайших случаях я снисхожу к профану,
Но так и быть, для вас язык свой упрощу,
Смягчу метафоры, повторы опушу...
Оставим в стороне историю ковчеге.
Итак, когда меня король, мой alter ego*,
Понятно вам?..

Алькальд. Ох, нет.

Дон Яфет.

Ну, мой Поллукс.

Алькальд.

Темно.

* Второе я (лат.).

Дон Яфет.

Ужели мне с высот спуститься к вам на дно,
На грубом говорить и низменном наречье?
Ну что ж, прошу ценить мое мягкосердечье.
Так вот, наш государь, который мне родня,
Успел в короткий срок обогатить меня.
Имея множество особых привилегий,
Жил при его дворе я в роскоши и неге
(Изыскан я весьма в потребностях своих
И проживаю в год шесть тысяч золотых).
Тут казик Урикис, властитель перуанский,
Прознал, что при дворе есть дон Яфет Армянский,
И, взяв с собою дочь, принцессу Азарек,
Стихию водную бесстрашно пересек
И прибыл к нам в Мадрид. Кузен мой августейший
Меня, дабы мой род продолжен был дальнейший,
На индианочке женил. Она была
Чуть-чуть приземиста, курноса, но мила.
На свадьбу собрались знатнейшие сеньоры,
Сам Цезарь отдал дань искусству Терпсихоры...
Понятно?

Алькальд. Где уж нам.

Дон Яфет. Да вы оригинал.

Скажу вам попросту: король наш танцевал.
Мой свадебный кортеж описывать не стану,
Богатству моему он отвечал и сану.
Взяв тестя и жену, я новую семью
Повез в Альмодобар — на родину свою.
Царь — тесть мой — обладал и аппетитом царским
И отдал должное хлебам альмодобарским;
Не меньше прилежал он к нашему вину.
Покойника теперь едва ль я упрекну —
Он в тех же правилах взрастил свое отродье:
Соперничала дочь с отцом в чревоугодье.
Объевшись дынею, угасла Азарек;
От язвы на ноге мой тесть окончил век.
Могу ль не сообщить вам о житейской прозе:
Усопшая жена и тесть, почивший в бозе,
Мне не оставили в наследство ничего,
Чем мог бы помянуть я бывшее родство —
Ни даже лоскутка, ни даже попугая.
Сокровища Перу — лишь болтовня пустая.

Но земляки мои мне стали досаждают;
Намереваясь их примерно покарать.
Я резиденцию свою решил им в пику
К вам, в Оргас, перенести. Уж то-то будет крику,
Но я неумолим. Теперь, любезный друг,
Вы мне должны помочь найти отборных слуг —
Проворных, преданных да чтоб болтали мало.

Алькальд.

Есть шестеро.

Дон Яфет. Всего?

Фукараль. Куда ж вам?

Дон Яфет. Для начала

Мне нужно шесть пажей. А где же повара,
Где конюхи?..

Алькальд. Найдем вам этого добра.

Дон Яфет.

Как вас зовут?

Алькальд. Жиль-Блас-Рамон-Алонсо-Педро.

Дон Яфет.

Все это — вы?

Алькальд. Да, я.

Дон Яфет. Кто наделен столь щедро

Коллекцией имен, как не сказать о нем,
Что, верно, был зачат он не одним отцом.

Алькальд.

Позвать вам слуг?

Дон Яфет. Скорей! Пускай предстанут слуги.

(Фукаралю.)

Алькальд мне нравится.

Алькальд. Здесь сливки всей округи.

Дон Яфет.

Пусть имена свои, входя, мне говорят.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Торрибио Понсиль, Лоран Рибейрос,
дон Рох де Сурдукачи (он же Альфонс Энрикес),
Паскаль Сапатеро (он же Марк-Антоний).

Входят все четверо (двое из них в лохмотьях)
и одновременно выкрикивают свои имена.

Дон Яфет.

Как! Все зараз? Ну, нет. Не гаркать! Станьте в ряд.

Эй, ты! Тот, что с бельмом и на носу румянец.
Торрибио Понсиль.
Торрибио Понсиль.
Дон Яфет. Кто родом?
Торрибио Понсиль. Итальянец.
Дон Яфет.
Поганая страна. Второй! Без лишних слов.
Лоран Рибейрос.
Лоран Рибейрос.
Дон Яфет. Так. Ты из каких краев?
Лоран Рибейрос.
Из Португалии.
Дон Яфет. Округа?
Лоран Рибейрос. Мирасеро.
Марк-Антоний.
Меня зовут Паскаль, прозвание — Сапатеро.
Дон Яфет.
Какой ты нации?
Марк-Антоний. Сеньор, я аллоброг.
Дон Яфет.
Твой край родной?
Марк-Антоний. Весьма от этих мест далек.
Дон Яфет (*дону Альфонсу*).
А как зовут тебя?
Дон Альфонс. Дон Рох де Сурдукачи.
Дон Яфет.
Ты баск? Ну, значит, плут.
Дон Альфонс. Испанец я.
Дон Яфет. Тсм паче.
Дон Альфонс.
Я счастлив вам служить.
Дон Яфет. Торрибио Понсиль —
Прозвание, годное для сельских простофиль.
Дон Понтий будешь ты — и звучно и весомо;
Зачислю я тебя на должность мажордома. —
Рибейрос, ты зовись Ривера; как и он,
Пред именем своим поставь частичку «дон». —
А ты впредь — дон Паскаль Сапата, не иначе. —
Я осчастливорю вас. — Дон Рох де Сурдукачи,
Останься, так и быть, при имени своем.
Тебя назначу я своим секретарем.
Ты справишься?

Дон Альфонс. Хотя и молод я годами,
Но я умею все, вы убедитесь сами.
Вы расторопнее не сыщете слугу:
Стираю, стряпаю, шью, брею и стригу,
Могу взбить локоны и вычернить седины,
Пушу, коль надо, кровь, знаток я медицины,
Умею, как никто, сервировать обед,
Садовник редкостный, большой законовед,
Берейтор, конюх, псарь, имею опыт сбира,
Читаю и пишу на всех наречьях мира,
Могу в один присест вам сочинить подряд
Полсотни буриме, экспромтов и баллад,
Как в героическом, так и в игривом стиле.
Вы не раскаетесь, что в штат меня включили.

Дон Яфет.
И более того, беру вас одного:
Кормить бездельников — ведь это мотовство.
С делами справитесь вдвоем вы с Фукаралем.

Дон Альфонс.
Паскаль мой друг, и я не разлучусь с Паскалем.

Дон Яфет.
Ну что же, мы его зачислим тоже в штат.
Но как одеты вы! Вы медик? Адвокат?
In sacris*, может быть? Зачем на вас сутана?

Дон Альфонс.
Обещан мне приход. Я в ожиданье сана.

Дон Яфет.
Какие пустяки! Вам даст поблажку Рим.
Зависит это все от папы; мы же с ним —
Открою вам секрет — двоюродные братья,
И разрешит носить он светское вам платье...
Эй, Сурдукачи!

Дон Альфонс. Я.

Дон Яфет. Вам, как секретарю,
Нейдет частица «дон».

Дон Альфонс. О, я ее презрю.

Дон Яфет.
Эй, Сурдукачи!

Дон Альфонс. Я.

Дон Яфет. Пусть дон Паскаль Сапата

* Посвященный в духовный сан (лат.).

Гофмейстер будет мой. А пополнение штата
Я возложу на вас. Наймете мне пажей.

Дон Альфонс.

Польщен доверием.

Дон Яфет. Из тех, что поумней.

Фукараль.

И не чесоточных.

Дон Яфет. Ах, Фукараль! Не стыдно?

Ты ближнего язвишь, как злобная ехидна.

Однако мне пора. Хочу пройтись окрест,

Пусть освежат меня зефиры здешних мест.

Эй, Фукараль!

Фукараль. Иду.

Дон Яфет и Фукараль уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Марк-Антоний. Итак, сомнений нету:

Попали в свиту мы к Армянскому Яфету.

А это все равно что получить диплом

На слабоумие. Тут сумасшедший дом,

А ваша матушка в Мадриде...

Дон Альфонс. Друг любезный,

Нравоучения, поверь мне, бесполезны.

Или немедленно проваливай в Мадрид,

Иль молча выполняй, что твой сеньор велит.

Но погоди... Вот та, в кого влюблен я страстно.

Как дивно сложена и как лицом прекрасна!

О, сколь божественны, взгляни, ее черты!

А значит, и душа прекрасна. Веришь ты?

Марк-Антоний.

Да как сказать, сеньор.

Дон Альфонс. Нам в тень укрыться надо.

Марк-Антоний.

Как порох вспыхнули от первого же взгляда.

Дон Альфонс и Марк-Антоний прячутся.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леонора, Марина.

Леонора.

Я влюблена в него, не скрою.

Марина.

В добрый час.

Да видно, что и он влюблен не меньше в вас.

Я с ним поговорю.

Леонора.

Нет, ты не все узнала.

Марина.

А что ж, он сотворен из камня? Из металла?

О нет, давно уж он попался на крючок

И сетует, что так его кумир жесток.

Соперниц в Оргасе вам нет, чего ж бояться?

По части красоты вы можете тягаться

И с горожанками; достаток тоже есть.

Добро бы, он был гранд, а то ведь кто — бог весть.

Неведомый школяр.

Леонора.

Он рода не простого.

Марина.

Вы верьте. Наплетет, а правды — ни полслова.

Леонора.

Поверишь ты сама, услышав мой рассказ.

Ты помнишь празднество, — тогда еще у нас

Народу тьма была из ближнего селенья.

Да разве можешь ты не вспомнить появление

Двух незнакомых нам мужчин, двух горожан,

Смешавшихся с толпой разряженных крестьян?

Один из тех двоих, красивый, юный, статный...

Марина.

А как же! По всему был дворянин он знатный.

Одет с иголочки и с цепью золотой.

Он с вами танцевал два раза. А второй

Все подъезжал ко мне с расспросами. Проныра!

А вот был смех, когда сын старого Рамиро

Вас вздумал ревновать... Однако ж не пойму,

Зачем вы вспомнили о празднике? К чему?

Леонора.

Да есть ли у тебя глаза? Ответь, Марина.

Марина.

Ну, есть. При чем мои глаза? Вот чертовщина!
Леонора.

Тут чертовщины нет. Твои глаза при том,
Что этот юноша, одетый школяром,
В кого я влюблена, не узнан был тобою:
Ведь он — тот дворянин, что танцевал со мною,
А платье школяра надел из-за меня,
Чтоб быть неузнанным. Но с первого же дня,
Как в Оргас прибыл он, его я разгадала.
А может быть, тебе моей догадки мало?
Есть доказательства. Вот посуди сама:
Он обронил, а я нашла клочки письма.
Умышленно ли он так сделал иль случайно,
Но только мне теперь его открылась тайна.
Сложив клочки, письмо смогла я прочитать,
И ты не торопись за это осуждать:
Не праздное меня толкало любопытство —
Должна была я знать, пустое ль волокитство
Иль истинная страсть руководила им,
Который — не боюсь признанья — мной любим.
И вот открылось мне — ах, нет вестей плачевней, —
Что этот человек не создан для деревни.
Он вовсе не студент. Богатый он сеньор,
Чье имя — дон Альфонс Энрикес. С давних пор
Просватан он, его в Севилье ждет невеста,
Она ему родня. Там честь ему и место.
Способна ль ты понять отчаянье мое?
Ему пеняет мать (посланье от нее):
За сына своего она в большой тревоге —
Известий никаких он ей не шлет с дороги.
Я знаю, что моя любовь обречена,
И с нею я борюсь; однако же она
Становится сильней, а я, увы, слабею.
Но пусть она сильна, не отступлю пред нею:
Рассудка моего не дам ей помутить.
Рассудок мне твердит, что так не может быть,
Чтоб юный дворянин связал себя с неровней.
Соблазну ж уступить — что может быть греховней?
Любовь сильней меня, я подчиняюсь ей,
Но не желаю стать игрушкой страстей.

И все ж я приняла решение, Марина,—

Не буду никогда женой простолюдина.

Марина.

Ах, как бы кончить век в девицах не пришлось.

Леонора.

В теперешних мужьях что радости? Хоть брось.

Марина.

Куда же денется сын старого Рамиро?

Леонора.

Бог с ним.

Марина. А тот, школяр?

Леонора.

В моей душе нет мира:

Вздыхаю вместе с ним, с ним вместе плачу я.

Марина.

А если он себя предложит вам в мужья?

Леонора.

К чему ты говоришь о том, что невозможно.

Марина.

А почему бы нет? Зачем так безнадежно?

Влюблен он по уши, коль, изменив свой вид,

Вздыхает возле вас и в Оргасе торчит,

А не спешит туда, где ждет его невеста.

Ой, кружит петушок у нашего насеста.

Но надобен к нему совсем другой подход.

Пылает он, а вы с ним холодны как лед.

Вы любите — к чему быть чопорной и вялой?

Ух! Приглянулся бы Марине славный малый

Да он бы так же вот вошел в любовный раж

И таял бы да млеет, как воздыхатель ваш,—

Уж я бы не была дурехой деревенской,

Я хитростью его опутала бы женской.

Он шепчет: «Я люблю», «И я» — вот мой ответ.

Раз любишь, для чего жеманиться: «Нет-нет!»

И сами жаритесь живьем на сковородке

И он. Слово «люблю» не обдерет вам глотки.

Любовь питается любовью искони.

Все нужно обещать, а подпускать — ни-ни.

Молчанье для любви что для цветочков иней,

Пусть млеет ваш дружок перед своей богиней.

И ежели влюблен и вправду в вас он так,

Что не смутит его законный даже брак,—

Тотчас же под венец; не верьте, коль мужчина
Клянется и сулит.

Леонора. Как ты глупа, Марина!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Те же, дон Альфонс и Марк-Антоний.

Дон Альфонс.

К вам, Леонора, вновь я устремлю мольбы,
Жду с трепетом от вас решения судьбы.
Чистосердечное я сделал вам признание,
Открыл свою любовь. И что ж в ответ? Молчанье.
Ужели ничего я не дождусь от вас?
Молчанье для любви ужасней, чем отказ.
Над миром красота главенствует по праву,
Все подчинив себе: богатство, силу, славу.
Будь даже у меня богатство, слава, власть,
Я все же дерзостью свою считал бы страсть.
Посмею ль думать я, что все земные блага
Позволят подойти к вам ближе на полшага?
А если б так — и то лишь королям под стать
Свои владенья вам смиренно предлагать.
Нет, заслужить любовь надеюсь я любовью.
Где чувства искренни — не место многословью.
Не вправе ли я ждать сочувствия от вас?
Прочту ли я его в сиянье ваших глаз?
Пускай поднимутся опущенные вежды,
Пусть взгляд меня убьет иль искру даст надежды.

Леонора.

От силы ваших чувств зависит мой ответ
И постоянства их. Люблю вас или нет —
Не знаю; время лишь сомненье уничтожит.

Дон Альфонс.

Так, значит, у меня надежда есть?

Леонора.

Быть может.

(Марине.)

Пойдем.

Леонора и Марина уходят.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Марк-Антоний.

Красоточка! И язычок остер.

А вам понравился ее ответ, сеньор?

Дон Альфонс.

Еще бы! Я ее любить до смерти буду.

Марк-Антоний.

Нельзя не похвалить столь прочную причуду.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Яфет, Фукараль, дон Альфонс, Марк - Антоний,
алькальд.

Дон Яфет.

Эй, Фукараль! Ты где?

Фукараль.

Тут, ваша светлость, тут.

Дон Яфет.

Иди за мной!

Фукараль. Иду.

Дон Яфет. Отлыниваешь, плут.

А где же наш алькальд?

Фукараль. Идет за нами следом.

Дон Яфет.

Так... У меня позыв к возвышенным беседам,

А здесь, в глуши, среди тупого мужичья,

Лишь с ним одним могу вести беседы я.

Он деревенщина, а все же есть в нем что-то.

Где он? Я должен ждать дрянного обормота?

Где он? Я гневаюсь. Эй, слуги! Фукараль!

Дон Рох Сурдукачй! Дон Сапатà Паскаль!

Я, кажется, забыл, где ставить ударенья,

А все из-за того, что вышел из терпенья.

Болваны! Олухи! Кретины! Дураки!

Лентяи! Лодыри! Растяпы! Тюфяки!

Заставить ждать меня! Сеньора дон Яфета!

Да будет стервецам известно, что за это

Я выгоню их всех сегодня же! Сейчас!

Фукараль.

Да полно вам кричать — все здесь, все подле вас.

Дон Яфет.

Гм... Что же, если так, сменяю гнев на милость.

А то уж чуть было гроза не разразилась.—

Усердье нужно мне, дон Рох и дон Паскаль!

Дон Альфонс.

О, слуг усердней нас вы сыщете едва ль.

Дон Яфет.

Алькальд!

Входит алькальд.

Алькальд. Сеньор?

Дон Яфет.

В моих познаньях есть лакуны.

Скажите, есть ли здесь избранники Фортуны?

Алькальд.

Кто, кто?

Дон Яфет. Патриции.

Алькальд.

Как?

Дон Яфет.

Разъясню вновь:

Элиты. Существа, в ком голубая кровь.

На вашем языке обыденном — дворяне.

Алькальд.

Дворяне? Есть, сеньор.

Дон Яфет.

И разных состояний?

Алькальд.

О чем вы?

Дон Яфет. Верно, есть и доблести сыны,

Те, что рождением лишь королям равны,

А есть и наряду с такою знатью древней

Иные, чьи отцы пасли гусей в деревне?

Алькальд.

Да, сударь.

Дон Яфет. Много их?

Алькальд.

Штук около шести.

Дон Яфет.

Немвроды? Иль сие искусство не в чести?

Алькальд.

Да, сударь.

Дон Яфет.

Много ли у них потомков, или...

Алькальд.

Да, сударь.

Дон Яфет. Возраст их?
 Алькальд. Да, сударь.
 Дон Яфет. Затвердили!
 Что значат эти «да»?
 Алькальд. Да, сударь.
 Дон Яфет. Вот балда!
 О чем я ни спрошу, он мне твердит лишь «да».
 Алькальд.
 Да, сударь.
 Дон Яфет. Я взбешен. Сейчас мой гнев ужасный
 Его испепелит. Произнеси, несчастный,
 Хотя б однажды «нет»!
 Алькальд. Уж больно мудрено,
 Я что-то не пойму.
 Дон Яфет (*замечая, что дон Альфонс смеется*).
 Вам, кажется, смешно?
 Дон Альфонс.
 Нет, сударь.
 Дон Яфет. Злят меня два этих негодяя:
 Один — дадакая, другой — все отрицая.—
 Алькальд, хочу задать еще один вопрос:
 В обычае ли здесь создание угроз
 Именью ближнего при помощи изделий
 Из кости? Ну, смелей. Вы что же, оробели?
 Сейчас он скажет «да».
 Алькальд. Никак вас не пойму.
 Дон Яфет.
 Презренье или гнев мне выказать ему?
 Сдержусь: ирония могущественней злости.
 Глупец! Играют ли здесь в карты или в кости?
 Алькальд.
 Ого! И как еще.
 Дон Яфет. Красоточки тут есть?
 Алькальд.
 Я сам родитель двух.
 Дон Яфет. Их возраст?
 Алькальд. Старшей — шесть.
 Дон Яфет.
 Фи! Дети? Я о тех, которые созрели.
 Люблю я тонкий ум в не слишком тощем теле.
 Фукараль.
 Мой господин, как сам сказал бы он,— «гурман».

Алькальд.

Церковный староста у нас есть — Жан Венсан,

Вот дочка у него! — сказать вам не сумею.

Кажись, ваш секретарь сейчас толкует с нею.

Дон Альфонс *(тихо, Леоноре)*.

Проклятый шут! Сюда идет его клевет.

Фукараль.

Его шутейшество, сиятельный Яфет,

Которому служу с таким я пылом рьяным,

Что становлюсь уже и сам болван болваном,

Вам шлет приветствие. Он следует за мной.

Дон Яфет *(подходя к Леоноре)*.

Он здесь. Свидетель мне мой прародитель Ной,

Что эта дуручка прелестна: стан, головка...

Леонора.

Вот как? Я — дуручка?

Дон Яфет.

Да. Термин был — плутовка,

Для благозвучия я заменил его.

Леонора.

Плутовка? Вот еще!

Дон Яфет.

Иль тут не плутовство —

Похитить сердце вдруг? Ух! Будь вы герцогиней.

Будь, на худой конец, вы попросту графиней,

Я мог бы предложить вам брачную постель,

Контрактом свадебным приструнив пустомель.

Но худародна ты. И пусть горю в огне я,

Сим не зажгу огнем я факел Гименей:

Свое достоинство не вправе я ронять;

Но соглашусь тебя в сожительницы взять,

Честь оказав тебе сближением телесным.

Леонора.

Прошу прощения! Коль промыслом небесным

Уж так вознесены вы, сударь, надо мной,

Не кажется ли вам, что кто-нибудь другой

Небесным промыслом мне будет предназначен? —

Пойдем, Марина!

Дон Яфет.

Ух! Я даже озадачен.

О вешняя краса! Зачем бежишь, как лань?

Взрыв страсти мне прости, яриться перестань.

Нет, ты не лань — скорей, разгневанная львица.

(Марине.)

О ты, наперсница ее, о ты, тигрица,
Ужели не смягчишь владычицу свою?
Убит раскаяньем, пред нею я стою.

Марина.

Послушайте-ка, вы, Яфет, потомок Ноя!
Не стойте без толку, юродствуя и ноя.
Вовеки не было ни львиц тут, ни тигриц.
Вы видите здесь двух порядочных девиц:
Марину — это я сама — и Леонору.
Еще хочу подать один совет сеньору:
Не помешало бы вам поменять белье.

Дон Яфет.

Не намекаешь ли ты на жабо мое?
Недавно потеряв покойницу супругу,
Я должен трауром почтить свою подругу.
Ты скорбь священную осмеиваешь? Брысь! —
Эй, Сурдукачи!

Дон Альфонс. Я.

Дон Яфет.

От них ты отвернись.
Жестоким женщинам нельзя давать потачки;
Своим презрением я спесь собью с гордячки,
И будет это всем красавицам в пример.
(*Взглянув в сторону.*)

Что за старик? И с ним какой-то кавалер.

Алькальд.

Сдается, что они идут ко мне.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же, Жан Венсан и Родриго.

Жан Венсан.

...Вы правы.

(*К Родриго.*).

Сеньор, вот вам алькальд.

Дон Яфет (*в сторону*). Сколь женщины лукавы.

Конечно, влюблена в душе она в меня.

Жан Венсан (*алькальду*).

Куда девались вы? Мы ищем вас полдня.

Алькальд.

Знать, плохо ищите. Всегда меня ищите

Там, где я нахожусь.

Дон Яфет. Да-да. В моей он свите.

Родриго (алькальду).

Я вам привез письмо. Прошу его прочесть.

Алькальд (беря письмо).

«Алькальду Оргаса». Так. Это я и есть.

(Читает.)

«По получении сего надлежит алькальду Оргаса на попечение посылаемого мною дворянина передать юную девицу, Леонорой именуемую и жителем Оргаса по имени Жан Венсан с младенчества воспитанную. Сия девица в противность тому, в чем упомянутый Жан Венсан всех убедил, не приходится ему дочерью. Она — моя племянница, дочь дона Педро де Толедо, посла Испании в Риме». Подписано: «Дон Фернандо де Толедо, командор Консегра».

Марина.

Неужто, Жан Венсан?

Жан Венсан. Доподлинно, Марина.

Дон Яфет.

Девица, стало быть, не дочь простолюдина,
Но дочь знатнейшего вельможи? Если так —
Незамедлительно вступаю в законный брак.

И раз зависит все от воли командора,
То обращаюсь к вам, прекрасная сеньора,
Заставившая нас в любовный впасть недуг:

Взгляните пристальней — пред вами ваш супруг.

Дон Альфонс (в сторону).

Не попусти господь!

Фукараль. Прекрасная Марина!

Так вдохновился я примером господина,
Что мощь своих телес, утонченность мозгов
Сложить к твоим ногам я хоть сейчас готов.
Молю тебя — умножь семейство Фукаралей.

Марина.

Иль мало на земле таких, как ты, каналов?

Дон Яфет (Леоноре).

Вы любите меня?

Леонора. Боюсь, наоборот.

Фукараль (Марине).

Твой взгляд меня пронзил.

Марина.

До свадьбы заживет.

Алькальд.

Но где же, друг Венсан, нашел ты Леонору?

Жан Венсан.

Послушайте. Давно — еще об эту пору
Гнедого мерина украли у меня —
Поехал я в Мадрид отсуживать коня.
Однажды в церкви, где молился каждый день я,
Меня подозвала почтенная дуэнья.

Порасспросив меня — откуда, кто таков,
Сказала: завтра, мол, во столько-то часов
Я должен постучать в такую-то калитку,
Что будет много-де мне от того прибытку.
Прибыток! — шутка ли? Поймет любой из вас,
Что я на месте был в назначенный мне час.

Ждала уже меня вчерашняя дуэнья.
Не стала тратить слов она на объясненья,
Новорожденное мне подала дитя
И кошелек тугой; смекнул и не сочтя,
Что стал я богачом. А девочка-красотка
Мне приглянулась. Вот находка так находка!

И цепь толстенная на шейке у нее.

Не чаявши напал на счастье я свое.

Я тайну сохранил согласно уговору;
Как собственную дочь, растил я Леонору.

А цепь из золота была, да так толста,
Что вышло из нее червонцев бы с полста.

Когда моя жена...

Дон Яфет. Достаточно, любезный.

Была ли золотой та цепь или железной,
Мне это все равно. (*К Родриго.*)

Узнайте, кавалер,—

Вы ныне вознеслись до высочайших сфер:

Столь родословное мое роскошно древо,

Что мне завидуют король и королева.

Пред вами дон Яфет, тот самый человек,

Чьим пращуром был Ной, построивший ковчег.

В Армению приплыл ковчег сей океанский,

Вот почему зовусь я дон Яфет Армянский.

Пускай из ваших уст услышит командор,

Что привлекла к себе наш благосклонный взор

Его племянница. Столь сей кусочек лаком,

Что мы намерены с ней сочетаться браком.

Но траур мой велит повременить чуть-чуть.
Пусть к дяде без меня сеньора держит путь.
Им подарив денек для родственных объятий,
В Консегр прибуду сам. Пусть плачет об утрате
Сей Оргас мерзостный — он недостойн нас.
Ступайте.

Родриго. То есть как — ступайте? Мне — приказ?
Хотел бы я узнать, кто повелел мне это?

Алькальд.

Великий дон Яфет.

Марк-Антоний. Восьмое чудо света.

Алькальд.

Приятель короля.

Дон Альфонс. Знатнейший имярек,

Зять Урикиса, муж прекрасной Азарек.

Фукараль (к Родриго).

А я дон Фукараль.

Родриго (дону Яфету).

Тогда прошу прощенья

У вашей светлости. Дадите ль позволение

Колени вам обнять?

Дон Яфет.

Имейте все в виду:

Не внешних почестей, но послушанья жду.

Паскаль! Рох! Фукараль! И вы, алькальд,— за

мною.

Нет, стойте! Ни к чему везде ходить толпою.

А впрочем, марш за мной! (Леоноре.)

О гордая краса!

Предерзкие от вас я слышал словеса

И мог бы отомстить, женясь на королевне.

Но вы неопытны, воспитаны в деревне,

И я прощаю вам ребячью эту блажь.

Вам дядя объяснит, сколь счастлив жребий ваш.

По принесении супружеских обетов

Произведем на свет мы редкостных Яфетов,

Каких не будет впредь и не бывало встарь...

Вы присоседились опять к ней, секретарь?

Вы сами по себе — никто, вы мой фактотум,

Вы — тень, прикрытая уродливым капотом,

Вам грош цена. (Леоноре.)

И вы! Вы тоже хороши:

Я с вами говорю от полноты души,

А вы — шушукаться? И вам цена не больше.

(К Родриго.)

А вы, сеньор! К чему здесь прохлаждаться
дольше?

Ступайте, я сказал. Как туп и толстокож!
Таких, как вы, дают полдюжины на грош!

Дон Яфет со свитой уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Леонора, Марина, Родриго, Жан Венсан.

Родриго.

Иль вовсе нет мозгов у этого Яфета,
Иль я безмозглый сам. (Леоноре.)

Сеньору ждет карета.

Готовы ль вы?

Леонора. Я — да. А ты, Марина, как?

Ты знай: я без тебя отсюда — ни на шаг.

Марина.

За вами хоть в огонь, да что там — хоть в
монашки.

Жан Венсан.

Поесть бы вам.

Родриго О нет! Ждут лошади в упряжке,

И мы должны спешить. А несколько позднее

Мы пообедаем и сменим лошадей.

Леонора.

Ах, до еды ли мне!

Марина. За счастьем я, не споря,

Отправляюсь натошак. Поесть люблю я с горя.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, дон Альфонс и Марк-Антоний.

Дон Альфонс.

Мой господин и мой властитель дон Яфет
Велел сказать, что он спешит за вами вслед

И будет завтра же в гостях у командора.
Увидит ли он вас? А также я, коль скоро
Я буду вместе с ним? Ведь я, ему служа,
Не ошибусь, сказав, что вы мне госпожа,
Моя владычица! Иль поворот в фортуне
Велит оставить вам мои моления втуне?

Леонора.

Мне трудно отвечать. Однако же пусть тот,
Кому я дорога, надеется и ждет.
Раз полюбил меня он бедной и незнатной,
То может стать к нему судьба благоприятной.
Но постоянен он быть должен и правдив.

Дон Альфонс.

О да!.. Влюбленного надеждой окрылив,
Вы радостью его наполнили, сеньора.
Мы завтра будем ждать сочувственного взора.

Леонора.

До завтра.

Дон Альфонс и Марк-Антоний отходят в глубину сцены.

Родриго. Признаюсь, я удивлен слегка:

Он с виду не похож ничуть на дурака,
А тут отменного нагородил нам вздора.
Не заразился ли от своего сеньора?

Леонора.

Кой-что я поняла.

Жан Венсан. А времечка в обрез.

Пойдемте-ка, уж мы подсадим вас в дормез.

Леонора, Марина, Родриго и Жан Венсан уходят.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Марк-Антоний.

А мы — в Севилью. Там давненько ждет невеста.

Дон Альфонс.

Ты ошибаешься — в Севилье мне не место.

Нет, не каприз она, не прихоть, ты поверь.

К ее достоинствам прибавилось теперь
Происхождение высокое. Тебе ли
Мешать злокозненно мне в достижение цели?
Когда к ней явимся с Яфетом заодно,
Уж ты мне помоги — толково и умно.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Командор, дон Альвар.

Командор.

Итак, сеньор, моя почтенная кузина
Прибудет скоро к нам? Да, есть тому причина:
Порядочно хлопот сын доставляет ей.
Давно он о себе не подает вестей?

Дон Альвар.

Два месяца назад он, матери в угоду,
В Севилью выехал — и словно канул в воду.
Там нет его, но он не прибыл и в Мадрид.
В чем дело: заболел, ограблен иль убит?
Не подвела ль его излишняя отвага?
Природа щедрая дала ему все блага:
Он статен и красив, отважен и умен,
С прекрасным полом лишь чрезмерно робок он.
Конечно, тронут вас душевные страданья
Несчастной матери. Тут тщетны описанья:
Ждать свадебных торжеств для сына своего —
И волею судеб вдруг потерять его!

Командор.

Всем сердцем, дон Альвар, сочувствую кузине.
Однако у меня большая радость ныне:
В Консегр из Оргаса вчера лишь привезли
Мою племянницу. Она росла вдали,
Не зная ни своих родителей, ни званья,
Крестьянином была взята на воспитанье
(Причину этого открою вам позднее).

Уверен, вы приязнь почувствуете к ней.
Иметь племянницу такую — честь для дяди.
Ба! Кто это? В каком причудливом наряде!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Ф у к а р а л ь.

Ф у к а р а л ь.

Его шутейшество великий дон Яфет,
Первейший из шутов, которых видел свет
От Англии и до... а, вспомнил, до Китая,
К вам уважение безмерное питаю,
Желал бы, чтоб его изысканнейший бред
Возвеселил ваш дух.

К о м а н д о р. Кто этот дон Яфет?

Д о н А л ь в а р.

Кто? Шутовство само, которое одето
В камзол, штаны, чулки... Король пригласил Яфета
За уморительность кривляний и причуд.
Был нищий дуралей, а стал богатый шут.

Ф у к а р а л ь.

Ему взбрело в башку влюбиться в Леонору,
Ту, что племянницей доводится сеньору.

Д о н А л ь в а р.

Так он при короле уже не состоит?

Ф у к а р а л ь.

Его звезда зашла. Увы, король им сыт.
Надежду мой Яфет дурацкую лелеет,
Что сердце девушки завоевать сумеет.
Он сам пожалует — на глупости он скор —
Просить у вас руки красавицы, сеньор.
Вы полюбуетесь, уж я вас обнадежу,
Как корчить тут начнет он из себя вельможу —
Таков его конек. Из кожи будет лезть.

К о м а н д о р.

Моя племянница оценит эту честь.

Ф у к а р а л ь.

Отставлен от двора, он начал куролесить,
Не менее отнюдь, но более раз в десять.

Теперь же одурел он вовсе от любви
И распотешит вас, чума его язвы!

Командор.

О, если б развлекалась несчастная кузина!

Дон Альвар.

О да! Убита мать исчезновеньем сына.

Но я и сам, сеньор, убит несчастьем сим:

Когда б женился он, и я бы вслед за ним

Женился на его родной сестре, Эльвире,

И стал счастливей всех, живущих в этом мире.

Однако же с тех пор как дон Альфонс исчез,

Отказывает мать Эльвиры наотрез

В своем согласии на брак, притом, что прежде

Я ей угоден был и в твердой был надежде.

Теперь от вас, сеньор, заступничества жду.

Командор.

Согласен. Но иметь нам надобно в виду:

Поспешность гибельна в столь щекотливом деле.

Фукараль.

Осмелюсь о своем напомнить бренном теле,

Которому, сеньор, увы, нужна еда.

Не обратиться ль мне на кухню?

Командор.

А когда

Яфет прибудет к нам?

Фукараль.

Летит на крыльях страсти.

Он, надобно вам знать, мастак по этой части.

Командор.

Успокоительно.

Фукараль уходит.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Командор, дон Альвар.

Командор.

Пускай у нас найдет

Торжественный прием сей новый Дон-Кихот.

Такие я отдам распоряженья слугам,

Что голова пойдет у дон Яфета кругом.

Дон Альвар.

Достойный командор, ручаюсь, что и так

Из круглых дураков круглейший он дурак.

Однако, не в пример обычным остолопам...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Те же, Фукараль и Родриго.

Фукараль.

Встречайте! Дон Яфет! Он мчит сюда галопом!

Командор.

О боже! Прилетел и впрямь как на пожар.

Займите вы его, любезный дон Альвар,

Пока по дому я отдам распоряженья.

(К Родриго.)

А вас прошу позвать ко мне без промедленья

Мою племянницу. Да вот она сама.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же, Леонора и Марина.

Командор.

Узнайте: человек редчайшего ума,

Вельможный дон Яфет сюда прибудет скоро;

Он вас намерен взять в супруги, Леонора.

Леонора.

О, это для меня большая слишком честь.

Командор.

Сейчас я сообщу домашним эту весть.

Окажем мы прием высокому вельможе.

Надеюсь, что свой долг исполните вы тоже.

Командор, дон Альвар, Родриго и Фукараль уходят.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Леонора, Марина.

Марина.

Школяр-то ваш небось с ним вместе к нам спешит.

Леонора.

Что радует меня, но также и страшит.

Мешало лишь одно взаимной нашей страсти:

Крестьянкой я была. Теперь же я во власти

Всесильного отца. Быть может, уж давно

Мое замужество отцом предрешено
И он мне подыскал богатого супруга,
Чье золото — его единая заслуга.
Да, любит мой Альфонс, и мною он любим,
Происхождением равны теперь мы с ним,
Но без отцовского на то соизволения,
Увы, моим мечтам не будет воплощенья.

Марина.

Ай-ай! Не стыдно ль вам так сразу духом пасть?
Будь вы чуть-чуть смелей...

Леонора.

Родительская власть

Захочет → вознесет, захочет — в бездну сбросит.

Шум за сценой.

Однако же мой слух мне явственно доносит
О том, что прибыл к нам докучный этот шут.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Командор, дон Альвар, Педро, Леонора, Марина,
слуги командора, потом Родриго, дон Яфет, Фукараль,
дон Альфонс, Марк-Антоний.

Командор.

Эй, слуги! Слышали — всем выстроиться тут!

Уж позабавимся мы вволю над Яфетом.

Прошу вас, дон Альвар, предупредить об этом

Мою племянницу.

Родриго.

С дороги! К нам грядет

Славнейший из людей, великий дон Яфет.

Командор (слугам).

Так помните, что вам приказано.

Дон Яфет.

Эй, свита!..

Я так скакал, что конь чуть не сорвал копыта.

Паскаль! Рох! Фукараль! Да где же свита? Эй!

Бездельники! Скоты! Вы стоите плетей!

Я в пищу воронью отдам всю эту шатью.

Вы предали меня — я вас предаю проклятью!

Командор.

Сколь счастлив я, что здесь — великий дон Яфет.

Дон Яфет.

Я...

Дон Альвар.

Равного ему во всей вселенной нет.

Дон Яфет.

Сеньор...

Командор. Прославлено повсюду имя это.

Дон Яфет.

Но...

Дон Альвар.

Чести выше нет, чем принимать Яфета.

Дон Яфет.

Сеньоры...

Дон Альвар. Командор, мой славный сюзерен,

Безмерно счастлив вас узреть меж этих стен.

Дон Яфет.

Но я...

Командор. Вы — пастырь наш, а мы все —

ваша паства.

Дон Яфет.

Однако...

Командор. Может быть, помогут наши яства

Вам облегчить тоску по роскоши двора.

Марина.

Он взглядом сердце мне прожег еще вчера.

Леонора.

Хочу любить его и никого другого.

Дон Яфет.

Позвольте наконец мне тоже вставить слово:

Рискуете мой гнев вы на себя навлечь.

Паскаль! Рох! Фукараль! Сейчас мы скажем речь.

Педро (*одет в сутану, чихает, кашляет и сморкается*).

Сеньор!..

Дон Яфет. Проклятье!

Педро.

Двор, где вы, как царь Итаки,

Прославились... апчхи!.. тот двор, в чьем зодиаке

Блистательной... апчхи!.. ярчайшей среди звезд...

Дон Яфет.

Как он мне надоел, простуженный прохвост.

Хоть не сморкался бы...

Педро (*сопя и кашляя*). Кха-кха!.. Тот двор, который

Считает вас своим... апчхи!.. своей опорой...

Дон Яфет.

Доколь мне изнывать?

Педро. Тот двор, где ваш каприз —
Закон... апчхи!.. где вы, как новый Амадис,
Внушали, так сказать...

Дон Яфет. Короче! Ближе к делу!

Педро.
Тот двор, где вашему высокому уделу...

Дон Яфет.
«Тот двор», «тот двор», «тот двор»! Ну что
случилось с ним?

Педро.
Тот двор, где вы... апчхи!.. как некий серафим
В чертоге ангельском...

Дон Яфет. Я потерял терпенье.
Сморканье, кашель, хрип, чиханье да сопенье.
Он, может, виртуоз, да скрипка-то без струн.
Зачем вам, командор, такой дрянной сморкун?

Дон Альвар.
Он гоф-оратор наш.

Дон Яфет. Да, насморк тут некстати.
А вы, любезнейший? Кем числитесь вы в штате?

Дон Альвар.
Гоф-егермейстером.

Дон Яфет. А те — гоф-дураки?
Их, верно, наняли болтать гоф-пустяки?

Дон Альвар.
Здесь приближенные и слуги командора.

Дон Яфет.
К вам прибывает гость — и сразу эта свора
Кидается к нему с дурацкой болтовней,
А он и рта раскрыть не смеет, как немой.

Дон Альвар.
Хотел вас командор почтить таким приемом.

Дон Яфет.
Он, может, и хотел, да блин-то вышел комом.
Кто выдумал встречать прославленных гостей
Потоками тупых, бессмысленных речей?
В тоску меня вогнал ваш этот гоф-оратор.
Но я черкну письмо, узнает император,
И герцог Альба вмиг вас упечет под суд.

Над его ухом раздается выстрел из мушкета.

О боже! Что это?

Дон Альвар. То в вашу честь салют.

Дон Яфет.

Какого дьявола! Мне ваш салют не нужен.
Все в голове вверх дном. Я оглушен! Контужен!
(Леоноре.)

О юная краса! Я из-за вас, увы,
Чуть-чуть не потерял и вправду головы.
Ответьте, что это? Оплошность? Подкушение?
Сперва выводите меня вы из терпенья,
Обрушив на меня своих приветствий груз,
Потом оратор ваш свой открывает шлюз
И льет поток слюны, соплей и красноречья.
А в довершение мне причинил увечье
Мушкетный этот залп. Меж тем как знает всяк:
Я огнестрельного оружия лютый враг.
Кто приказал отдать салют? Придуман кем он?
И сами-то вы кто? Мой ангел или демон?

Все окружающие безмолвно шевелят губами, делая вид, что разговаривают с ним.

Ну, что ж вы попусту поразевали рты?..
Что? Я оглох?.. Любовь! Во всем виновна ты!
Орут наперебой хозяева и слуги,
Моя любимая вон хрипнет от натуги —
Не слышу! Боже мой, что за ужасный день:
Брат императора оглох. Он глух как пень.
Сеньоры! В цвете лет лишен я вами слуха.
Ну, разом гаркните мне для проверки в ухо...
Не слышу. Рывкните похлеще!.. Тот же толк.
Глух, словно бы они просили денег в долг.
Проклятье глухоте, затеям командора!
Будь прокляты Консегр, любовь и Леонора!
Вы, чертов командор! Я вижу, вам смешно,
Что именитый гость глухим стал как бревно.
Наделали делов! Вам смех, а мне увечье.
Я вижу хохот ваш, издевки и злоречье,
Однако ничего не слышу. Ничего!
Ну, что вы скалитесь? О злое озорство!
Куда я ни взгляну — хохочущие рыла.
Коварная судьба! Меня ты оглушила,
Так ослепи, чтоб я не видел этих рожд,

Ни капли совести нет у больших вельмож.
Паскаль! Рох! Фукараль! Мы едем восвосяси.
Забудьте навсегда о злополучном часе,
Когда предпринял я несчастный свой вояж.
А с Леонорой все покончено. Шабаш!

Из-за нее одной вся эта заваруха,
Из-за нее лишен и чести я и слуха,
Она ж, негодница, и ухом не ведет.

Командор (обычным голосом).

Мужайтесь, дон Яфет. Со временем пройдет.

Дон Яфет.

Я слышу! Боже мой! Прошло. Я слышу снова.

Леонора (кричит изо всех сил).

Сеньор!

Дон Яфет. Черт побери! Взревела, как корова.

Леонора (кричит).

Вам слышно?

Дон Яфет. Да, да, да. Умерьте вашу прыть.

Командор (кричит).

Ужели наш прием вам мог так повредить?

О, я в отчаянье...

Дон Яфет.

Нет, командор мой милый,

Не бойтесь. Слышу вновь. С удвоенною силой.

На радостях, что слух мне возвратил господь,

Я разрешаю вам и прочим вздор молоть.

А Леоноре вновь верну свою любовь я,

Пускай, проказница, смеется на здоровье.

Хочу увериться, что глухота прошла.

(Дону Альвару.)

Скажите что-нибудь.

Дон Альвар (кричит). Сеньор! Источник зла...

Дон Яфет.

Довольно! Прекратить! Орет как бесноватый.

Вы так стараетесь, как будто вы — глашатай.

Я снова, кажется, оглох. Вот горлодер!

Все (кричат).

Вам слышно?

Дон Яфет. Мой творец! Какой ужасный хор.

Милей мне волчий вой.

Командор (кричит). Сеньор, мы — надо вникнуть —

Привыкли вам кричать.

Командор. Пришел монарший к нам приказ:

Всем вашим потакать желаньям и капризам.

К тому же я узнал, что стали вы маркизом.

Дон Яфет.

Что слышу? Наш кузен нам дарит маркизат?

Он добрый родственник. Я подношенью рад,

Хотя у нас теперь маркизом стать не штука,

Все обмаркизились, нехитрая наука.

Сегодня ты — ничто, последний блюдолиз,

И вдруг пожалуйте — назавтра ты маркиз.

Дон Альвар.

Маркиз де Мысмакрель, таков ваш титул новый.

Дон Яфет.

Каков наш маркизат?

Фукараль.

Туземцы — рыболовы.

Там есть лесистый мыс и ловится макрель,

А четверть выручки за рыбу — в ваш кошель.

Дон Яфет.

Именье с гаванью?

Фукараль.

Еще бы! И с отличной.

Дон Яфет.

А замок мой каков?

Фукараль.

Новехонький. Кирпичный.

Дон Яфет.

Он долго простоит. А как там местный люд?

Не мавры?

Фукараль. Нет, они Христову церковь чтут.

Дон Яфет.

А как там женщины?

Фукараль.

Приветливы, учтивы.

Дон Яфет.

Наружностью?

Фукараль.

Смуглы, округлы, точно сливы.

Дон Яфет.

Да? Я таких люблю. Там есть монастыри?

Фукараль.

Да. Целых девять штук.

Дон Яфет.

А храмов божьих?

Фукараль.

Три.

Дон Яфет.

Какие кровли там?

Фукараль.

Из красной черепицы.

Дон Яфет.

Имеются ли там веселые девицы?

Фукараль.

Еще бы, как не быть.

Дон Яфет.

Чеканит ли маркиз

Свою монету?

Фукараль. Да. Свой профиль, герб, девиз.

Дон Яфет.

Театр?

Фукараль. Еще какой. И труппа музыкантов.

Дон Яфет.

Я из Италии ввезу комедиантов,

Они забавники. Откуда ж те края

Столь ведомы тебе? Там родина твоя?

Фукараль.

Мой прежний господин там жил. Я безутешен:

Добрейший человек, и нате вам — повешен.

За что? Ростовщику он отчекрыжил нос.

Ух, строгий там судья.

Дон Яфет.

Вот как?

Фукараль.

Да. Сущий пес.

Зато палач — артист: так вешал — загляденье.

Дон Яфет.

Мы вскорости начнем гуманное правленье.

(*Леоноре.*)

Маркизой суждено вам стать, моя краса.

(*Командору.*)

Нам надо, командор, все кончить в полчаса.

Жжет страсть, и влага вся во мне иссякнет скоро.

Зачахнет дух, а плоть погибнет от запора.

Командор.

Придется потерпеть.

Дон Яфет.

Немыслимо. Отнюдь.

Любовная тоска — к могиле верный путь.

Командор.

Отдать мне предстоит сначала приказанья.

Тут не обычный брак, тут бракосочетанье.

Устроить надобно балет и бой быков.

Дон Яфет.

Да, бой быков. Я в нем участвовать готов.

И в доблести моей вы убедитесь сами:
Свое оружие скрещу я с их рогами.
Вдвоем сразимся мы: я сам и мой слуга.

Фукараль.

Ну, нет. Вам уступлю и лавры и рога.

Родриго (тихо, командору).

Сеньор, к нам прибыла сейчас совсем больная
Сеньора Лáuра Энрикес. От врача я
Услышал, что она не проживет двух дней.

Командор.

Безотлагательно я направляюсь к ней.

(Дону Яфету.)

Я вынужден, сеньор, на время отлучиться.

Командор, дон Альвар и Родриго уходят.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Яфет, дон Альфонс, Марк-Антоний,
Фукараль, Леонора, Марина.

Дон Яфет.

Ступайте. Лишь бы здесь была моя царица...
Как! Вновь с секретарем? Ей ручку жмет медведь
Своею лапшей. Ведь я сказал — не сметь!
Не много он, клянусь, успеет накудесить:
Проверю, отлуплю и прикажу повесить.

(Напевая, подкрадывается к Леоноре и дону Альфонсу,
которые увлечены разговором. Поет.)

О страсть!

Ужель мне от тебя пропасть?
Без спроса ты, злодейка, шасть
Мне в сердце и печенку.
Мне из твоих сетей
Не вырваться, ей-ей,
Как из кошачьих из когтей
Мышонку.

(Хватает дону Альфонса за руку.)

Попался, негодяй! Разбой! Денной грабеж!
Ты руку ей лобзал. Сегодня ты умрешь.

Ты к ручке девственной, что горных лилий чище,
Прижал вонючие табачные усищи.
О дерзостный Икар! Преступный Иксион!
К четвертованию ты мной приговорен.—
Тебя ж, неверная, я покараю строже:
С тобой не разделю супружеское ложе.

Леонора.

Когда бы выслушать изволили меня...

Дон Яфет.

То был бы дураком.

Дон Альфонс. Но, сударь, я...

Дон Яфет. Брехня!

Мошенник! Лицемер! Плут! Бестия! Бродяга!

Леонора.

Прошу вас выслушать, для вашего же блага.

Дон Яфет.

Извольте. Так и быть. Идет.

Леонора. Благодарю.

Не правда ль? — Отдан был приказ секретарю,

Чтоб он от имени сеньора дон Яфета

Сказал мне комплимент. Велений этикета

Мы не нарушили: исполнив ваш приказ,

Мне руку секретарь поцеловал — за вас,

Столь пламенно, что я краснею от смущенья.

Дон Яфет.

Вот как? Мой гнев прошел. Дарую вам прощенье.

Но ручки целовать я впредь желаю сам.

О, дайте мне прижать их к алчущим устам!

Я от сердечного изнемогаю жара.

Взгляни на нас, дон Рох, какая мы с ней пара —

Единство слитное различных двух начал.

(Леоноре.)

Вы очень влюблены?

Леонора. О да.

Дон Яфет. Я так и знал.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Перед домом командора. Ночь.

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Дон Альфонс.

Увы! Как эта ночь, душа моя черна.

Марк-Антоний.

Да ну? Вы влюблены, и любит вас она,
С чего ж тут горевать?

Дон Альфонс. Любовь моя бесправна.

Марк-Антоний.

Иль ваша матушка...

Дон Альфонс. Она так своенравна.

Но точно ль здесь она?

Марк-Антоний. Да. С вашей сестрой.

Дон Альфонс.

А ты уверен в том?

Марк-Антоний. Ручаюсь головой.

Дон Альфонс.

Мечтами окрылен, за счастьем в погоне

Летел я, но теперь... Что делать, Марк-Антоний?

Марк-Антоний.

Как — что? Надеяться.

Дон Альфонс. Не одолеть препон!

И небом и землей на смерть я обречен.

Марк-Антоний.

Иль сердце матери кремень? На вашем месте

Я ей открылся бы.

Дон Альфонс. Я выехал к невесте,

И обещание дал матушке я в том,

Что скоро возвращусь с женою в отчий дом.
Но слово я свое осмелился нарушить.
Разгневанная мать не станет даже слушать,
Ты знаешь, как строга, как непреклонна мать.
Не вижу выхода. Мне надобно бежать.
В Севилье не был я. К вине прибавил этой
Еще и новый грех: я — здесь, переодетый,
Под именем чужим. Как это объяснить?
Но разве я могу бежать? Как мне прожить
От милой вдалеке? Расстаться с Леонорой,
С прекрасным ангелом, с возлюбленной, с которой
Мы клятвами в любви сопряжены навек!
Надежды нет. И я — погибший человек.

Марк - Антоний.

А все ж начистоту открылся б я мамаше.

Дон Альфонс.

Придется. Но хочу я огорченья наши
Любимой сообщить. Я ею упрежден,
Что выйдет в темноте она на свой балкон.

Марк - Антоний.

Кого к нам бог несет?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Те же и Марина со свечой.

Марина. Не повезло мне, грешной.
Вот порученьице: изволь во тьме кромешной
Сыскать ей школяра. Я что, ворожея,
Чтоб видеть в темноте?

Дон Альфонс. Кто здесь?

Марина. Ай!.. Это я.

Дон Альфонс.

Но кто же вы?

Марина. Я — я.

Марк - Антоний. По-моему, Марина.

Марина.

И мне так кажется.

Дон Альфонс. Какая же причина
Из дома выгнала тебя в столь поздний час?

Марина.

Вот напугалась я... Уф!.. Я искала вас.

Дон Альфонс.

А я искал тебя.

Марина. Я с новостью печальной:

Придется изменить наш план первоначальный

Насчет свидания. Желает вишь Яфет

Под окна к нам прийти — знать, сочинил куплет.

А дядя приказал не прекословить гостю.

Дон Альфонс.

О небеса! Киплю досадой я и злостью!

Ужель по милости проклятого шута

Не сбудется моя заветная мечта?

Ужели у меня отнимет он свиданье?

Он будет созерцать небесное созданье,

Тогда как я, увы... На что, Марина, ей

Понадобился вдруг несчастный дуралей?

Марина.

Нельзя ж ослушаться. Распоряжение дяди.

Дон Альфонс.

О ты, король глупцов! Твоих капризов ради

Ей про свою беду сказать я не могу.

Ну погоди, тебя я здесь подстерегу.

Ты встречи жадно ждешь, ты рвешься к юной даме,

Но встретишься во тьме с моими кулаками.

(Марине.)

Ступай домой. Иль нет, смотри, оставшись тут,

Как битым дураком влюбленный станет шут.

Марина.

Нет, Леонора ждет. Тьфу, черт! Погасла свечка.

Как в темноте найти мне заднее крылечко?

А все любовь!

Дон Альфонс. Шаги. Два наших дурака.

Марк-Антоний.

А, здесь и Фукараль? Намну ему бока.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Яфет, Фукараль и музыканты;
в глубине сцены дон Альфонс и Марк-Антоний.

Фукараль.

Эх, ну и ночи! Черна, как харя Вельзевула.

Дон Яфет.

Мне эта тьма с руки. Ночь словно присягнула
Мне в верности; она — мой преданный вассал.

Фукараль.

Вам тьма с руки, а я чуть ногу не сломал.

Дон Яфет.

Сказать по совести, я не поклонник мрака,
Но раз мне предстоит столь славная атака —
Рискую.

Фукараль. Что ж, и я боками рад рискнуть,
Чтобы потискать всласть девическую грудь.

Дон Яфет.

Да, нынче я коснусь — твой кстати комментарий —
Двух нежных, сладостных, упругих полушарий.

Фукараль.

Канальство! Целых двух? Да мне бы хоть одно.

Дон Яфет.

Коль было б существо мое сотворено
Простым и неизменным — могла бы Леонора
Противиться. А так не встречу я отпора.
А Сурдукачи-то ей строил глазки. Фат.

Фукараль.

Он и Паскаль — хлыщи от головы до пят.

Марк-Антоний (*в сторону*).

За это я тебе намылю нынче шею.

Дон Яфет.

Восторги я вкушу с возлюбленной моею,
И удивит ее и восхитит мой пыл.
Как Цезарь, я пришел, увидел, победил.

Фукараль.

А вдруг сам командор вас — шпагой, как злодея?

Дон Яфет.

Тогда из Цезаря я превращусь в Помпея.

Фукараль.

Зачем при нас певцы, чума их задави?

Дон Яфет.

Я в звуках изолью томление любви.

Фукараль.

А если командор услышит эти звуки?

Дон Яфет.

Сей диспут мы ведем по правилам науки,

И убедил меня ты доводом своим.

Однако ж я дукат вручил в задаток им.

Фукараль.

Пусть пропадет дукат, иначе мы пропали.

Дон Яфет.

Источник мудрости пробился в Фукарале.

Но мы еще пока до места не дошли,

Так пусть же, от ушей злокозненных вдали,

Споют за мой дукат певцы, жрецы искусства,

Стихи, в которые вложил я столько чувства.

Музыка радует и жизнь дает словам.

Так спойте же, певцы, повелеваю вам...

Нет. Стоп! Раздумал я — не вышло бы скандала.

Я сам прочту стишки тихонько, для начала.

Любви божок
Мне грудь прожог,
И дон Яфет
Нагрет,
Как жаркое горнило.
Увы! Увы!
До синевы
Любовь меня спалила.

Огонь страстей
Жжет до костей.
Любовь, ты зла —
Дотла
Нутро испепелила.
Беда! Беда!
Как жить, когда
Жжет спереди и с тыла.

Мне стихотворства дар послали небеса.

Фукараль.

Горнило! Тыл! Нутро! Какие словеса!

Дон Яфет.

Когда ж любовные вкушу с ней наслажденья,

Я в стансах воспою ее телосложенье.

Дон Альфонс колотит дона Яфета, а Марк-Антоний — Фукаралья.

Ай, Фукараль! Ай-ай! Ты что дерешься, пес?

Фукараль.

При чем тут я? И мне расквасил кто-то нос.

Дон Яфет.

Он бьет меня опять.

Фукараль. И мне добавил кто-то.

Удар богатыря, удар скуловорота.

Дон Яфет.

И мой злодей меня ногой пребольно пнул.

Фукараль.

А может быть, сеньор, нам крикнуть «караул»?

Дон Яфет.

Нет, что ты! Криками я всех перетревожу,

Испорчу все.

Фукараль. А так он мне испортит рожу.

Дон Яфет.

Тут двое домовых. Мой с расстановкой бьет.

Фукараль.

Мой — дробью; тумакам я потерял и счет.

Дон Яфет.

Имейте хоть к лицу, сеньоры, снисхождение.

Фукараль.

Ей-богу, закричу.

Дон Яфет. Нет-нет, мой друг! Терпенье!

Фукараль.

Я сам бы рад терпеть, да ребра не хотят.

Дон Яфет.

Чтобы сберечь лицо, пинкам подставим зад:

Давай обнимемся, пристроившись друг к дружке.

Фукараль.

Черт! Где вы?

Они находят друг друга и обнимаются.

Дон Яфет. Не страшны теперь нам колотушки.

Дон Альфонс.

Эй! Кто идет?

Фукараль. Никто.

Дон Альфонс. Ответьте, кто идет?

Фукараль.

Мы не идем, стоим. Нас взяли в оборот.

Дон Альфонс.

Ну, хватит с них пока.

Дон Альфонс и Марк-Антоний уходят.

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Яфет, Фукараль.

Фукараль. Никак, ушли злодеи.

Не разогнуть спины.

Дон Яфет. Не повернуть мне шеи.

Фукараль.

Живого места нет.

Дон Яфет. Спасибо и за то,
Что злоключений сих не подсмотрел никто.

Фукараль.

Спасибо? Вот еще! За синяки да шишки?

Вы хоть справляете амурные делишки,

А мне, сеньор, за что сворочена скула?

Дон Яфет.

Не духи ль тут шалят?

Фукараль. У духов есть тела

С тяжеловесными к тому же кулаками.

Дон Яфет.

Но страстью прежнюю горю к своей я даме.

Пожар в моей груди.

Фукараль. И над скулой фонарь.

Дон Яфет.

О покушении узнает государь.

Фукараль.

И правильно!

Дон Яфет. Но вот балкон моей богини.

Свисти.

Фукараль. Ответит ли?

Дон Яфет. Условились мы ныне.

Фукараль свистит.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Леонора на балконе.

Леонора.

Кто здесь? Вы, дон Яфет?

Дон Яфет. Я, я, мой херувим.

Я приключением задержан был одним,

Был выбит... то есть сбит... Но ваше появление

Заставило меня забыть все треволнения.

Леонора.

О дон Яфет, для вас отвергла я свой долг,
И голос скромности девической умолк.

Дон Яфет.

Внимая словесам, что сладостней нектара,
Я от любовного изнемогаю жара.

Дозволь к тебе взлететь, о птичка райских куш!

Леонора.

Мой дон Яфет! Амур, который всемогущ,
Мне сбросить повелел вам лестницу с балкона.

Дон Яфет.

Мой ангелок! Само искусство Цицерона
Воздать бы не могло достойных вам похвал.

Эй, Фукараль!

Фукараль. Сеньор?

Дон Яфет. Что я тебе сказал:

Пришел, увидел...

Фукараль. Мда... и оказался битым.

Дон Яфет.

Послушай!

Фукараль. Что?

Дон Яфет. Так я отправился с визитом.

(Влезает на балкон по веревочной лестнице.)

Эй, Фукараль!

Фукараль. Ну что?

Дон Яфет. Изменчива судьба.

Фукараль.

Вы тоже.

Дон Яфет. Подожди поодаль, у столба.

Фукараль.

С живейшей радостью. *(Отходит в глубину сцены.)*

Дон Яфет. В любви мешает третий.

Мы время проведем в приятном тет-а-тете.

Леонора.

Поднимем лестницу.

Дон Яфет. Да, спрячь, моя краса,
То средство, коим я был поднят в небеса.

Леонора.

Я к вам сейчас вернусь, лишь посмотрю сперва я,
Уснул ли дядюшка.

Дон Яфет. О ты, создание рая!

Иди, уверься в том, что нам угрозы нет.
Здесь будет ждать тебя счастливый дон Яфет.

Леонора.

Нам надо точно знать, что дядя не проснется.
Подумайте — вдруг к нам во тьме он подкрадется?
Он, как я слышала, суров, жесток, упрям.
Тут мне несдобровать.

Дон Яфет. Верней, обоим нам.
Балконы, лестницы и тайные свиданья
Влекут смертельные подчас кровопусканья.

Леонора уходит и запирает балконную дверь.

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Яфет, один, на балконе.

Однако ж я попал, как в клетку попугай.
Куда заводит страсть мужчину. Ай-ай-ай!
Божественная ночь, заступница влюбленных!
Не пожалей своих усилий благосклонных,
Страсть увенчай мою. Я в жертву бы, ей-ей,
Принес тебе двух сов и трех нетопырей.
Богиня жуликов, своею властью чудной
Нашли на старика сон крепкий, непробудный.
Ужели, ночь, ты мне на помощь не придешь?
Любовь мне утолить, ей-богу, невтерпеж.
Но что это за шум? Ах! Леонора, где ты?
Ой! Помоги мне бог!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Командор, дон Альвар, Родриго, слуги, дон Яфет.

Дон Альвар. Эй! Заряжай мушкеты!

Дон Яфет.

Я, кажется, погиб.

Дон Альвар. Могу поклясться в том,
Что на балконе — вор, залезть он хочет в дом.
Но порцию свинца в него сперва мы всадим.

Дон Яфет.

Постойте, господа! Сейчас мы все уладим.
Как быстро вынесли вы смертный приговор!
Могу вам присягнуть, что я совсем не вор,
Я — как бы вам сказать, — любовник я счастливый.
К тому же от судьбы, ко мне несправедливой,
Удары претерпел лишь полчаса назад.
А если бьют кого, то сразу не казнят.

Дон Альвар.

Не спустится — его достанем мы камнями.

Дон Яфет.

Камнями? Боже мой! Опомнитесь, что с вами?
Ведь вы, задев меня, заденете всю знать!

Дон Альвар.

Довольно болтовни! Покончить с ним.

Родриго.

Стрелять?

Дон Альвар.

Да.

Дон Яфет.

Нет!

Дон Альвар.

Так прыгай вниз без глупого витийства.

Дон Яфет.

Но церковь не велит свершать самоубийство.

Командор (тихо).

Неплохо бы раздеть болвана догола.

Дон Альвар.

Эй, рыцарь Амадис! Любовь вас вознесла,
Но градом каменным мы снимем вас с насеста.
Чтоб жизнь свою спасти, извольте без протеста
Раздеться и отдать одежду вашу нам.

Дон Яфет.

Отдать одежду? Но... я в ней нуждаюсь сам.
Поверьте, господа, я чрезвычайно зябок,
Сим свойством я пошел в одну из прапрабабок.

Дон Альвар.

Я вижу, ты упрям. Тогда уж не взыщи,
Что полетят в тебя камни из пращи.

Дон Яфет.

Постойте, пращники! Я расстаюсь с одеждой.
Вот для начала вам мой меч. Я был невеждой
В тот миг, когда себя тут с Цезарем сравнил.

Ведь Цезарь — он пришел, увидел, победил,
А я — пришел, ни зги не видел и при этом
Сперва побитым стал и под конец — раздетым.
Будь проклята любовь!

Командор (тихо). Забавнейший дурак!

Дон Яфет.

Убийцы! Вам смешно?

Дон Альвар. Убийцы? Вот ты как?

Вор оскорбляет нас. Убьем его.

Дон Яфет. Сеньоры!

Вы не убийцы, нет... Вы шутники, бретеры.

Дон Альвар.

Где ваше платье? Ну! Нам надоело ждать.

Дон Яфет.

Терпенье. Надо ведь его сначала снять.

Дон Альвар.

Как он копается! Живее!

Дон Яфет. Правый боже!

Чуть-чуть озябну я — и весь в гусиной коже.

О шляпа, с головой расстанься! Кончим спор

На том, что я отдам свой головной убор.

Иль ободрать меня хотите вы как липку?

Дон Альвар.

Нет, пощадив его, мы сделали ошибку.

Эй, пращники!

Дон Яфет. Зачем, сеньоры, нам опять

О побивании камнями толковать?

Раз вы желаете, продолжим раздеванье.

Дон Альвар.

Глумишься, негодяй? Постой, башка баранья,

Я прострелю тебя. Подайте мне мушкет.

Дон Яфет.

Сеньор! Что сделал вам несчастный дон Яфет?

Вам мало, что меня раздели до рубашки, —

Вы не хотите дать ничтожной мне поблажки:

Нельзя и на судьбу посетовать? Увы!

Сеньоры добрые, не я глумлюсь, а вы.

Напуган я, продрог, к тому ж ославлен вором,

Покрыт одною лишь рубашкой да позором.

Так сжальтесь надо мной. Коль вещи вам нужны,

Берите: вот камзол... вот туфли... вот штаны.

Дон Альвар.

Как вы добры, сеньор. Мы очень благодарны.

Командор, дон Альвар, Родриго и слуги командора
уходят, унося одежду дона Яфета.

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Яфет на балконе, потом дуэнья.

Дон Яфет.

Как вы добры! О черт! Глумится пес коварный!

А я — раздет. Будь я внизу, тогда б злодей

Не платье получил, а тысячу плетей. —

Мой ангел, где же ты? Простри свои заботы.

Дуэнья (*появляясь в окне над балконом*).

Вот тьма!.. Поберегись!

(*Опрокидывает на дона Яфета ночной горшок.*)

Дон Яфет.

О боже! Нечистоты!

Старуха гнусная! Служанка сатаны!

Чудовище! Ты что, обьяелась белены?

Скажи, что вылила ты на голову нашу,

Сей каплей мерзостной переполняя чашу

Моих страданий? Тьфу!.. Ах, чертова карга!

Пусть Вельзевул тебя поднимет на рога!

Дуэнья.

Поберегись! (*Выливает помои.*)

Дон Яфет. Кой черт! Еще? Двойная доза!

Когда бы этот дождь благоухал, как роза,

И то в такой мороз не сладко. Но увы,

В зловонной скверности я с ног до головы.

Коль возвратится вдруг прелестное создание —

И зренье оскорблю я ей и обонянье.

Придется отступить на этот раз. А как?

Вот лестница. Но столь непроницаем мрак,

Что если я по ней полезу слишком смело —

Свое бесценное могу изранить тело.

Будь проклята любовь! И проклят будь балкон,

Где я лишен одежд и дрянью окроплен!

Увы, как тяжко быть любимцем Купидона.

(*Спускается по веревочной лестнице с балкона.*)

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Командор со свитой, дон Альвар, Фукараль, дон Яфет.

Командор.

Эй! Что за человек?

Дон Яфет. А вы кто?

Командор. Страж закона.

Дон Яфет.

Так что ж? Законов я не нарушал пока.

Командор.

Эй, люди, взять его!

Дон Яфет. Опять намнут бока!

Но вашей не страшусь оравы я несметной.

Кто первый? Он падет от пули от мушкетной.

Командор.

Во имя короля! Отдайте ваш мушкет.

Дон Яфет.

Я сам почти король.

Командор. Как! Это дон Яфет?

Дон Яфет.

Как! Это командор?

Командор. Я вижу вас раздетым.

Дон Яфет.

Купаться шел.

Командор. Зимой?

Дон Яфет. А я взопрел, как летом.

Горит в моей груди такой любовный жар,

Что от него и лед вмиг превратится в пар.

(В сторону.)

Ах, только б лестницу они не разглядели.

Командор.

Что греет страсть — теперь мы поняли на деле.

Вы — паладин любви. Чтим, преклоняясь, мы

Героя, что рискнул купаться средь зимы.

Дон Яфет.

Клянусь, я весь в поту. *(В сторону.)*

В холодном. О проклятье!

ЯВЛЕНИЕ ДЕСЯТОЕ

Те же и Родриго с платьем дона Яфета.

Родриго.

Сейчас на улице я поднял это платье.

Какой-то человек нес узелок в руке;

Меня увидев, он дал тягу налегке.

Командор.

Чье платье?

Фукараль. Моего хозяина. Ей-богу.

Дон Яфет.

Да, это может быть. Пускаясь в путь-дорогу,

Я слугам поручил мой охранять наряд,

По нерадивости они, лентяи, спят,

А дерзкий вор мое похитил одеянье.

Командор.

Оденьтесь, дон Яфет. Глотнуть для согреванья

Полезно бы вина. Послушайте меня.

Дон Яфет.

Чтоб успокоить вас, погреюсь у огня.

Все уходят.

ЯВЛЕНИЕ ОДИННАДЦАТОЕ

Дон Альфонс, Марк-Антоний.

Дон Альфонс.

Фортуна и любовь мне обещают счастье:

Вот лестница шута, по ней смогу попасть я

В чертоги райские.

Марк-Антоний. А вдруг, попавши в рай,

Оттуда сверзитесь вы после невзначай?

Дон Альфонс.

Ведь командор ушел.

Марк-Антоний. А вдруг придет обратно?

Дон Альфонс.

«А вдруг», «а вдруг»!.. За мной!

(Поднимается по лестнице.)

Посторожишь. Понятно?

Мужайся! Что-то ты некстати оробел.
Фортуне и любви угоден тот, кто смел.

Марк - Антоний.

Кто служит юноше, тому не знать покоя.

Не то что лечь в постель — тут не вздремнешь и стоя.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Яфет, дон Альвар.

Дон Альвар.

Караковый горяч.

Дон Яфет. Тогда не подойдет.

Дон Альвар.

Вам, стало быть, нужна лошадка-тихоход?

Дон Яфет.

Да. Погарцует пусть, когда я дам ей шпоры,
Но так — ни-ни! К чертям коней, что носят шоры.
Я прямо вам скажу: не нужно скакуна;
Мне лошадь надобно такую, чтоб она
Была выносливой, послушной и не пылкой,
Как мул.

Дон Альвар.

Я вас снабжу смирнехонькой кобылкой.

Дон Яфет.

Поскольку я с быком иду на смертный бой,
Не вправе ль пистолет я захватить с собой?
Поможет пистолет мне в предприятии этом.

Дон Альвар.

Увы, на бой быков не ходят с пистолетом.
Обычай не велит.

Дон Яфет. Обычай этот глуп.

Когда, того гляди, ты превратишься в труп,
Как можно обращать вниманье на обычай?
Мне встретить предстоит свирепый натиск бычий,

Остервенелый зверь вот-вот свой всадит рог
В мое нутро, а мне нельзя спустить курок?

Дон Альвар.

Суровы правила, нет никому уступок,
Трусливым зрители ваш назовут поступок.

Дон Яфет.

Лишь мудрым был бы он.

Дон Альвар.

Не мудрость тут нужна,

А смелость.

Дон Яфет. Вы ее получите сполна.

Чем должен драться я?

Дон Альвар

Чем? Деревянной пикой,

Раскрашенной пестро.

Дон Яфет.

Какой обычай дикой!

Гм... а секирой?

Дон Альвар. Что?

Дон Яфет.

Секирой.

Дон Альвар

На быка?

От смеха будут все держаться за бока.

Дон Яфет.

Но пика не легка ль для столь тяжелых схваток?

Дон Альвар.

Ее вы всадите быку промеж лопаток.

Дон Яфет.

А если в брюхо? А? Обширнее оно,

Да и податливей.

Дон Альвар.

Увы, запрещено.

Дон Яфет.

Будь проклят десять раз обычай ваш нелепый.

Дон Альвар.

Мужайтесь.

Дон Яфет.

Бык — он зверь могучий и свирепый.

Я не боюсь, ведь мне неведом низкий страх,

Но опасаюсь...

Дон Альвар.

Я скажу вам в двух словах,

Как на ристалище должны себя вести вы.

Гарцуя на коне, отважны, горделивы,

С копьём наперевес, приросши к стремянам,

Приветствуете вы сидящих в ложах дам...

Дон Яфет.

А вслед за этим бык пырнет меня рогами.

Жестокая судьба! Ах, если бы вы сами

Прикончили быка, уж так я был бы рад,
Что предложил бы вам свой новый маркизат.
Что делать! Уж сражусь на сей раз самолично,
Но если выживу — не попадусь вторично.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Эльвира, дон Альвар.

Дон Альвар.

Эльвира, жизнь моя! Доколь велите ждать?

Эльвира. Иль вы не знаете, как своевластна мать?

До той поры, пока известий нет о брате,

Она лишь о своей печалится утрате,

И говорить нельзя с ней ни о чем другом.

Дон Альвар.

Тогда мой долг — добыть известия о нем.

Пущусь на розыски, и, где б он ни скрывался,

Не может быть, чтоб я об этом не дознался.

Но если он погиб?

Эльвира.

Боюсь, такой исход

Правдоподобнее. Он матушку убьет.

Дон Альвар.

Итак, на поиски велите отправляться?

Эльвира.

Что делать!

Дон Альвар. Свидеться — и сразу вновь расстаться?

Эльвира.

Но скоро вы, Альвар, вернетесь с ним вдвоем

Иль весть прискорбную доставите о нем.

Дон Альвар.

Чтоб свидеться скорей, скорей уехать надо.

Эльвира.

Заслуженная здесь вас будет ждать награда:

Вновь сына обретя, с одра восстанет мать

И дочь свою сама захочет вам отдать.

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Те же и Педро.

Педро.

Несчастье, дон Альвар! Вам должен сообщить я,

Что нынче страшные произошли события,

Дон Альвар.

В чем дело?

Педро. Секретарь Яфета... Дон Альвар,
Ведь полагали все, что бедный он школяр,
Но нет, он дворянин, влюбленный в Леонору.

Дон Альвар.
Как! И она?..

Педро. О да. Он к ней в ночную пору
Проник через балкон и до утра там был.
И нет сомнения, что свой любовный пыл
Сумел ей доказать.

Дон Альвар. Но как открылась тайна?

Педро.
Дверь в комнату была незаперта случайно.
К племяннице вошел без стука командор
И сам воочию увидел свой позор.
Не донесли ль ему? Уж больно вышло гладко.
Любовник наш отнюдь не робкого десятка,
Но крикнул командор вооруженных слуг.
Немало было их, но юноша, сам-друг
С товарищем своим, вторым слугой Яфета,
Изранил всех врагов. Его клинком задето
И командорское плечо. Хотя на вид
Он хрупкий юноша, сражался он, как Сид,
Граничила его отвага с безрассудством.
Когда же наконец, осилен многолюдством,
Сей галльский Амадис врагами был пленен
И сорван был с него школярский балахон,
На коем там и сям — прорехи и заплаты,
То обнаружился под ним наряд богатый,
И, видно по всему, что не простолюдин
Сей юный секретарь, но знатный дворянин.
Как некогда Роланд, воитель достославный,
Сражался с маврами, так он вел бой неравный.
Он, даже связанный, врагам внушает страх;
Он грозен, яростен, как юный лев в цепях.
Лишилась тут же чувств бедняжка Леонора
И в спальне заперта, а ключ у командора.

Эльвира.

Вот горе, боже мой!

Педро. Его ведут сюда.

Командор.

Кто ты таков, скажи. Я имя должен знать.

Ответь, не то кинжал вонжу по рукоять

В грудь соблазнителью.

Дон Альфонс. Я жажду смерти скорой,

Мне все равно не жить в разлуке с Леонорой.

И если б ты сейчас мне руки развязал,

Сам в сердце бы свое направил я кинжал.

Ты хочешь знать, кто я? Когда бы Леоноре

Мои признания принести могли бы горе,

Скорей бы претерпел я тысячу смертей,

Чем причинил печаль возлюбленной моей.

Но в имени моем ей разве есть обида?

Узнай: я дон Альфонс Энрикес, из Мадрида.

Сейчас моя сестра и немощная мать

Здесь, у тебя. За все готов я отвечать,

И, если речь моя твой гнев не обуздала,

Бесстрашно я паду от твоего кинжала.

Эльвира.

Мой брат!

Дон Альфонс. Моя сестра!.. Позвольте досказать.

Нет, я своей вины не стану отрицать.

Я искуплю ее, взяв в жены Леонору

Иль смерть приняв, коль так угодно командору.

Но, повторю, и смерть меня не устрасит,

Ведь ангел мой тогда слезой меня почтит.

Командор.

Так это дон Альфонс, а не слуга Яфета?

Позвольте мне взамен словесного ответа

Вам руки развязать. Стыжусь своих угроз.

Дон Альфонс.

Нет, сам стыжусь, что вам обиду я нанес.

Командор.

Нам спорить не о чем. Я вам в знак примиренья

Отдам племянницу и с ней мое именье.

Дон Альфонс.

Меня вы из тюрьмы возводите на трон!

Я был в аду — и вдруг на небо вознесен.

Командор (слугам).

Позвать племянницу!

Эльвира.

Брат! Что случилось с вами?

Оплакивая вас, мать изошла слезами.

Дон Альфонс.

Не выполнил я то, чего желала мать,
И не надеялся ее поколебать.
На самовластие ее мы оба ропщем.

Командор.

Но уступить должна она молениям общим.

Дон Альфонс.

По праву бы могла, в другие времена,
На сына своего разгневаться она:
Кузина, что была просватана мне с детства,
Красива, у нее огромное наследство.
Однако же судьба могущественней нас.
Как мог противиться я чарам этих глаз?
И мог ли ожидать, что на пути в Севилью
Увижу, как мечта внезапно стала былью.
Я повстречал любовь. Я у нее в плену.
Пусть пленнику любви простят его вину.

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Те же и Фукараль.

Фукараль.

Несчастье, господа! Чуть было дон Яфета
Смерть не похитила. Я счел — ну, песня спета.

Командор.

Как! Ранен он быком?

Фукараль.

Без малого убит.

На поле выехал героем, что твой Сид.
Но оказался бык предерзкою скотиной:
Рассержен, видимо, Яфета грозной миной,
Он начал наступать и, яростью объят,
Рогами норовил поддать ему под зад.
Решив отдать быку на растерзанье клячу,
Себе в помощницы герой призвал удачу
И соскользнул с седла. Однако в тот же миг
Заметил сей маневр неугомонный бык.
Попер на пешего, презрев копье, треклятый,
И в воздух воспарил наш дон Яфет трикраты.
Стал изрыгать хулу невежливый народ,
А бесноватый зверь в атаку вновь идет:
Яфета за штаны он зацепил рогами

И на спину себе взвалил. Поймете сами,
Какую вытерпел тут встряску наш храбрец.
Бык долго тешился над ним и наконец
Швырнув на землю, пнул презрительно копытом.
Остался он в пыли, поруганным, избитым.
Хоть, слава небесам, больших увечий нет,
Но поднят чуть живым был славный дон Яфет...
Как? Здесь наш секретарь? Разряжен — в пору
принцу.

Носить такой камзол невместно челядинцу.

Дон Альвар.

Расстался навсегда с чернильницей дон Рох.

Он нынче женится на Леоноре.

Фукараль.

Ох!

А как же дон Яфет?

Дон Альвар. Он получил отставку.

Фукараль.

Боюсь, что медленней пойдет он на поправку,
Узнав об этом. Но, как преданный слуга,
Я доложу ему, что у него — рога.

(Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Командор, дон Альфонс, Эльвира, дон Альвар,
Леонора, слуги.

Командор.

Племянница, когда случилась суматоха,
То с вами второпях я обошелся плохо,
Но происшествие хочу уладить я,
Сеньора этого вам предложив в мужья.

Леонора.

Прошу меня простить. Краснею от смущенья.
Вы так ко мне добры.

Командор.

Одно вам извиненье:
Ваш выбор. (Дону Альфонсу.)

Вам ее я в жены отдаю.

Дон Альфонс.

Смогу ли выразить признательность мою?
В коронах королей такого нет алмаза!

Командор.

У вашей матушки не встретим мы отказа.

Эльвира.

Благая эта весть больную исцелит.

Командор (*Эльвире и дону Альвару*).

На радостях она и вас благословит.

Дон Альвар.

С таким заступником мы можем быть спокойны.

Командор.

Две свадьбы — вот конец разумный и достойный.

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Те же и Фукараль.

Фукараль.

Эй, расступись, народ! Раздайтесь, господа!

Пришел я вестником расправы и суда.

За мною — дон Яфет, он в пароксизме гнева,

Как вас начнет крошить направо и налево!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Те же и дон Яфет, в полном вооружении, с копьем в руке.

Дон Яфет.

Где, где он прячется, проклятый командор?

Изменник! Негодяй! Мучитель! Живодер!

А, вот он! Окружен своей дурацкой сворой,

Дурацкий командор с дурацкой Леонорой.

Хохочешь, скверный лгун? А этот низкий сброд,

Как водится, пример с хозяина берет.

В тот час, как я блистал отвагой на арене

И ставил недругов рогатых на колени,

Ты у меня украл избранницу мою

И отдал гнусному бродяге, холую.

Стать писарской женой! На что это похоже?

Меж тем как дон Яфет предназначал ей ложе,

Которое делил с царевной Азарек!

Ответь, бессовестный, бесчестный человек:

Зачем я, вопреки рассудку и приличьям,

Плоть нежную свою рогам подставил бычьим?

Зачем, сил не щадя, скакал во весь опор

Сюда из Оргаса? Знай, дерзкий командор:
Не будь столь предан я заветам христианства
(Что учит кротости), за это окаянство
Обманщика бы я жестоко покарал:
Колесовал его! Распял! Четвертовал!

Да всколыхнись весь гнев, вся мощь моя и сила,
Поверг бы, как Самсон, я стены и стропила
На ваши головы, в руинах погребя
Невесту с женихом, а главное — тебя.

Не поднеси ты мне столь подлого сюрприза,
Твоя племянница была б теперь маркиза.

Я, дон Яфет, маркиз и родич короля,
Мог стать ее рабом. А писарь! Эта тля
Непостижимую явила дерзновенность.

За что он получил такую драгоценность?

Что вас прельстило в нем? Иль писарский оклад?

За писарство ему я в год плачу дукат...

Дон Альфонс.

Светлейший дон Яфет!

Дон Яфет.

Молчи, неблагодарный!

Прочь с глаз моих, слуга бесстыдный и коварный!

Дон Альфонс.

Виновен, признаюсь. Но если дон Яфет
Поймет, что дворянин был школяром одет,
Чтобы снискать любовь прекрасной Леоноры,
То, я надеюсь, он смягчит свои укоры
И мне вину простит.

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Те же и Педро, переодетый гонцом, с почтовым рожком
в руках. Педро трубит над ухом дона Яфета.

Дон Яфет.

О! Чертова труба!

Да это хуже, чем мушкетная пальба!

О правый боже, рог!.. А это что за харя?

Педро.

Я, славный дон Яфет, гонец от государя.

Дон Яфет.

Что привело тебя?

Педро.

Есть порученье к вам.

Дон Яфет.

Ну-ну? Да спрячь свой рог, не то по шее дам.

Педро.

Я шепотом.

Дон Яфет. Зачем?

Педро. Боюсь встряхнуть мозги вам.

Дон Яфет.

Дурак! Сперва встряхнул, а после стал пугливым
Какие новости? Выкладывай скорей!

Педро.

А что мне говорить?

Дон Яфет. Смеешься ты, злодей?

Повинен смерти тот, кто шутит над Яфетом.

Педро.

Я не шучу, сеньор, я прислан к вам с пакетом.

Дон Яфет.

Читай.

Педро. А я, сеньор, неграмотный.

Дон Яфет. Так пусть

Другой прочтет.

Педро.

Письмо я знаю наизусть.

Дон Яфет.

Ну!

Педро. Обращается помазанник к вам божий,
Наш император.

Дон Яфет. А! (В сторону.)

С помятой этой рожей

Встречался где-то я.

Педро.

«Вам сообщаем весть,

Что нами, дон Яфет, для вас подыскан тесть:

Богаче всех в Перу и родовитый самый —

Сын звезд, Манго Капак. С прекрасной Койя Мамой,

Своей родной сестрой, вступив когда-то в брак,

Принцессу Айяйя родил Манго Капак.

Она должна в Мадрид прибыть на той неделе,

Принять крещение. И, прямо из купели,

Пусть наш кузен Яфет к венцу ее ведет.

Как свадебный им дар мы жертвуем доход

От ввоза к нам в страну пунцовых попугаев

(Поскольку пошлину берем мы с их хозяев)».

Дон Яфет (в сторону).

Припомнил я: гонец похож на сморкуна!

(Педро.)

От императора? А подпись? Где она?

Педро.

Сей знак поставила монаршая десница.

Командор.

Я подпись узнаю.

Педро.

Заморская девица

Плывет со свитой двух груженных кораблей.

Сокровищ там полно: там шкурки упырей,

Орлиные зобы, монеты без чеканки

И дырки от колец...

Дон Яфет.

Недурно.

Педро.

...обезьянки,

Что с португальцами на ихнем языке

Болтают запросто... О птичьем молоке

Я должен помянуть и о китовом пухе,

Алмазах, жемчугах и прочем в том же духе.

Дон Яфет.

Ты перечислил все?

Педро.

Нет, сотую лишь часть.

Боялся: вы, слышать, так бескорыстны — страсть!

Дон Яфет.

Скажи, ты не в родстве с тем сморкуном поганым?

А то я отошлю невесту и с приданым,

Хоть тем и нанесу обиду королю. (Леоноре.)

А вас я от своей особы удалю:

Мне ваша дерзкая не нравится повадка.

В невестах у меня не будет недостатка.

Да будет мне женой принцесса Айяйя.

Восторгами любви упьюсь с принцессой я.

(Дону Альфонсу.)

Мой бывший секретарь! Мне жалко вас, бедняга:

Задумав сделать зло, вы принесли мне благо.

Отбили девушку и счастливы небось?

Но счастьешко с гнильцой и расплзется врозь.

Когда спознаются повеса и кокетка,

Рогами их союз кончается нередко.

Старались вы вовсю, разыгрывая роль,

А вышло только мне на пользу. Вот в чем соль.

(Командору.)

И вас я раскусил: вы волк в овечьей шкуре,

Вы хитрый интриган, предатель по натуре.

Но правду трудно скрыть, и до меня дошло,
Что супротив меня вы замышляли зло.
Вы льстили мне, но я расслышал в вашем тоне
Оттенок дерзости. А случай на балконе?
А мерзкий ваш сморкун? А давешний мушкет,
Что оглушил меня? Но знайте, дон Яфет
Сумеет покарать коварную измену.
Опасно досаждают монаршему кузену.
Однако ждет меня индейский херувим,
И должен я спешить в Мадрид, на встречу с ним.

Командор.

Я получил еще известье: от короны
Вам шлют подъемные, а также на прогоны
Четыре тысячи дукатов. Подождем,
Пока они придут, — и в путь вас соберем.

Дон Яфет.

Да точно ли?

Командор. Письмо с печатью августейшей.
Пока же я прошу, чтоб дон Яфет светлейший
Своим присутствием украсил праздник наш.

Дон Яфет.

Ну что ж, я остаюсь. (Фукаралю.)

А как же мой багаж?

Сюда из Оргаса доставь его заране.

Фукараль.

Да вот ваш узелок, он у меня в кармане.

Командор (дону Альфонсу и Эльвире).

Ну, к вашей матушке пойдете, коли так,

Испросим у нее согласия на брак.

Светлейший дон Яфет пир свадебный возглавит.

Когда ж отпразднуем, в столицу он направит

Парадный свой кортеж из двадцати карет.

Принцессу Айяя там встретит дон Яфет.

Дон Яфет.

Но чур без сморкуна! Коль этот безобразник

Еще мне встретится, я вам испорчу праздник.

Саламанкский
школяр
или
Великодушные
враги

ТРАГИКОМЕДИЯ В ПЯТИ ДЕЙСТВИЯХ

Перевод
А. ЭФРОН

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Граф.
Дон Луис.
Кассандра — сестра графа.
Дон Педро Сеспед — школяр.
Леонора — сестра дона Педро.
Дон Феликс — отец дона Педро.
Криспен — слуга дона Педро.
Беатриса — служанка Леоноры.
Лизетта — служанка Кассандры.
Саморин — наемный убийца.
Латайад — наемный убийца.
Четверо наемников.
Начальник стражи.
Стражники.

Действие происходит в Толедо.

ДЕЙСТВИЕ ПЕРВОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Граф, Леонора, Беатриса.

Граф.

Сударыня, итак, мне хода нет отсюда?

Леонора.

Как ты догадлив, граф! — Запри-ка дверь покуда.

Граф.

Ну, Беатриса! Жду!

Беатриса.

Открыть вам нету сил:
Заржавленный засов мне палец прищемил!

Граф.

Я требую!

Леонора. Запри, что б там ни говорилось!

Беатриса.

Готово!

Граф.

Надо мной смеется ваша милость,
Из комнаты своей создавши мне тюрьму?

Леонора.

Тебя я испытать должна...

Граф.

Но почему?

Леонора.

Необходимо мне с тобою объясниться!

Граф.

Ах, только и всего? Готов я подчиниться.

Леонора.

Отсюда не уйдешь, не вняв моим словам!

Беатриса.

Потише, ни к чему весь этот шум и гам.

Разбудите отца — сон старческий так чуток...
Старик придет сюда — вам будет не до шуток!

Граф.

Я превратился в слух.

Леонора. Чтоб к этому прийти,

Ты должен посидеть, как видно, взаперти?

Хорош сердечный друг, бегущий разговора!

Граф.

Сударыня, молчу, не то начнется ссора.

Леонора.

Я ссоры не ишу — ты сам заводишь речь

О ссоре и ее торопишься разжечь.

С тех пор, что ты сумел в тенета обольщений

Завлечь мою любовь, лишить ее сомнений,

Мне верность посулив до гробовой доски,

Уж две весны свои раскрыли лепестки,

И долгих две зимы их погребли под снегом...

Всё это время я, могу поклясться небом,

Под властью чар твоих, не смела допустить

И мысли, что со мной ты мог душой кривить.

Когда б мне уделял и меньшее вниманье,

Во мне нашел бы ты всё то же обожанье...

В счастливейшие дни, когда мадридский двор

В Толедо ты забыл, у ног моих, сеньор,

Ты был не одинок: все женихи Толедо,

Влюбленные в меня, за мной ходили следом,

Но к сердцу, что тебе я отдала, пути

Ни одному из них не удалось найти.

Пусть слишком я тебе поверила поспешно,

А всё ж моя любовь тогда была безгрешна,

Вам не было дано — улыбки, вздохи, лесть —

Позволить мне забыть стыд девичий и честь...

Но становился ты чем дальше, тем печальней,

И я тебе дала ключ от опочивальни.

Напрасно мне твердил рассудок и твердит,

Как нужно избегать обманов и обид,

Не слушая его, я остаюсь во власти

Того, кто свел меня с превратностями страсти...

Быть может, твой огонь уже почти угас

Из-за того, что мой усилился в сто раз?

Уж сердце мне грызет страх твоего презренья,

Раскаянье меня гнетет и сожаленье...

Однако, милый граф, ужели ты б не смог
В блаженство обратить весь сонм моих тревог?
Хоть обеднел мой род, он твоего не ниже,
Ни древностью своей, ни славой не обижен.
Ты обещал мне брак, но тщетно жду его...
Хозяин или нет ты слова своего?
Иль изменить ему изыщешь ты причины,
Тем самым изменив достоинству мужчины?
Коль в жертву всю себя я принесла любя,
Подобной жертвы жду я также от тебя...
Но что я говорю? Не жертвоприношений
Ждать вправе от тебя; любое из свершений
Мне радости не даст, коль для тебя оно
Не искренностью чувств ко мне вдохновлено,
Когда тебе, мой друг, покажутся обузой
Законная любовь и Гименея узы.
Брак для обоих честь, и если с этих пор...

Граф.

Я чувствую, к чему ведете разговор,
Сударыня, и смысл понятен мне сугубо.
Зачем вам утруждать и голову и губы?
Немногословен я и коротко скажу,
Что, как и в первый день, в вас счастье нахожу,
Что вами я пленен, что вы — моя богиня,
Но знайте, разлюбить способен вас отныне,
Коль должен в жертву вам свободу принести,
Супругой вас назвать и верность вам блюсти.
К подруге я влекусь, супругу ненавижу. —
Речь эту продолжать причины я не вижу.

Леонора.

Так больше ничего ты не нашел сказать
Тебе отдавшей всё, что только мог ты взять?
Отступник, до поры скрывавший преступленье,
К неопытной любви забывший уваженье!
Да что я говорю! Способный изменить —
Презреньем за любовь способен отплатить!
«К подруге я влекусь, супругу ненавижу!»
Бесчестного лжеца перед собой я вижу...
Иль ты уже забыл, о ненавистник жен,
Блаженство дней твоих, очей прелестный сон,
Властительницу дум, богиню и царицу,
С которой на земле никто не мог сравниться?

Был вкрадчив голос твой так, что звучал едва,
Когда произносил влекущие слова
Столь часто, что душа им не могла не верить...
Как простоте моей умел ты лицемерить!
Ты предавал меня, и подвиг этот был
Тщеславию твоему, о двоедушный, мил...
Но не позволю я торжествовать злодею!
За попранную честь воздать ему сумею,
Как сердце мне велит, — или себя убью!
К чему влачить в слезах жизнь жалкую свою?
Боязнь суда людей и гласности не властна
Над той, что влюблена иль чересчур несчастна...
Преследовать тебя я буду ночь и день!
Я превращусь в твою карающую тень,
И, мертвая, следить я буду неотступно
За палачом своим, душой его преступной.
Пусть явишь ты собой пугающий пример
Наказанного зла, о лжец и лицемер!
Зачем мне дольше жить? Достань из ножен шпагу,
Добей меня скорей — яви свою отвагу!

Граф.

Сударыня!

Леонора. Злодей!

Граф. К чему запал такой?

Леонора.

К тому, что я умру!

Беатриса. Полегче, боже мой!

Ведь так оно и есть — отец разбужен вами...

Он кашляет вовсю, прислушайтесь хоть сами!

Стук в дверь.

Леонора.

Стучат!

Беатриса. И как еще!

Дон Феликс (за дверью).

А ну, откройте дверь!

Леонора.

Ах, спрячься поскорей! Что делать нам теперь?

Граф.

Я — прятаться? Ну нет, мне непривычно это!

Леонора.

Подумай обо мне — ведь честь моя задета!

Граф.

Что ж, выскочить в окно?

Леонора.

Решетка на окне!

Дон Феликс.

Откройте!

Беатриса. Да замок не поддается мне!

Дон Феликс.

Смотрите, рассержусь!

Беатриса.

Душа уходит в пятки...

Граф.

Хоть покажите мне, где тут играют в прятки!

Леонора.

Встань меж оконных рам, а створки притвори,

Да крепче их держи рукою изнутри!

Беатриса.

Открыть?

Леонора. Теперь открой!

Дон Феликс.

Да что это, насмешка?

Смотрите у меня!

Беатриса.

Зачем такая спешка,

Когда шалит замок?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Феликс, Беатриса, Леонора, граф.

Дон Феликс. Что ж, спешка налицо!

Беатриса.

Хоть слесаря позвать, чтоб заменил кольцо

И винтик...

Дон Феликс. Слесарям платить недоставало! —

А вас, неверных слуг, всех перевешать мало!

Что вижу? Дочь моя одета и не спит?

Леонора.

Одета ваша дочь затем, что к вам спешит,

Узнав, что вы больны!

Дон Феликс.

Да, чертова простуда

Уснуть мне не дала как следует покуда,

Но не она сюда мои шаги ведет:

Родитель от детей всегда обиды ждет...

Леонора (*в сторону*).

Увы, он знает всё...

Дон Феликс. ...И мягкостью чрезмерной
Их может погубить...

Леонора (*в сторону*). Хоть дело и прескверно,
Но поправимо...

Дон Феликс. Да, я за него возьмусь,
Не то под старость лет греха не оберусь!

Леонора.

Сто раз он клялся мне...

Дон Феликс. И верить ты готова
Мальчишке, чье ни в грош я не поставлю слово,
Безумцу и глупцу?

Леонора. Отец, у ваших ног
Я за него прошу...

Дон Феликс. Нет, с ним я буду строг!
Когда разгневан я, то и родства не помню,
И не щажу плутов: свой иль чужой он, что мне!
Ваш злополучный брат, несчастный вертопрах...

Леонора (*в сторону*).

Я прихожу в себя!

Дон Феликс. ...Продулся в пух и прах.
Там, в Саламанке, он — картежник не последний.
Вот что он пишет мне: начало — как в обедне!
«Мир господен да пребудет с вами...» и т. д.
Но святостью такой меня не проведешь:
Отцу ль не отличить, где истина, где ложь?
«Мир господен да пребудет с вами. Настоящим со-
общаю вам, что просадил в карты все свое жало-
ванье. Однако, невзирая на это, весьма удовлетво-
рен везеньем, сопутствовавшим мне вплоть до про-
игрыша, который да не беспокоит вас, ибо я дал
себе слово впредь не превышать ставками налично-
сти. С другой стороны, вам, сударь мой, не хуже мо-
его известно, что всякий, не имеющий средств на
пропитание, рискует помереть с голоду, так что ваша
святая обязанность — средства эти мне предоставить,
ибо произвели меня на свет, не спросив моего на то
соизволения. Зато, будучи награжден вами нравом
миролюбивым, я, поссорившись с кем-либо, не в со-

стоянии уснуть, прежде чем не сведу счёты с обидчиком; каковое мое качество на днях стоило глаза некоему надоедливому арагонскому школяру, что и должно убедить вас в том, что не такой уж я пропащий человек, как вам это кажется. Направляю к вам Криспена, которого прошу отослать ко мне, снабдив его деньгами. Вверяя себя вашему великодушию, дорогой мой родитель, свет очей моих, и моля бога, дабы он хранил вас и милую мою сестрицу, которую я, недостойный, всегда поминаю в своих молитвах. Остаюсь вашим покорным сыном. Дон Педро Сеспед. Писано в Саламанке, сего октября».

Леонора.

Как набожно звучит!

Дон Феликс. Нет, но каков святоша!

Твой брат и лицемер и негодяй хороший!

Любой гренадский мавр понабожней его...

Бесчестье он герба и рода своего!

Уж так благочестив, что — помереть на месте —

Бесстыжею рукой и лба не перекрестит!

Ну, я ему задам! Гляди, сейчас войдет

Сюда его слуга — весьма занятный скот.

Криспен!

Криспен. Adsum!

Дон Феликс. Ну что б сказать по-христиански!

Криспен.

Non possum!

Дон Феликс. погоди, припомнишь ты испанский,

Как за тебя возьмусь! Латинских три словца

Бездельник затвердил и шпарит без конца!

Что мой негодник-сын?

Криспен. Mal facit!

Дон Феликс. Вот заладил!

Смотри, как бы тебя я палкой не огладил!

Криспен.

Спокойней, сударь мой, я прикушу язык...

Дон Феликс.

Как твой хозяин?

Криспен. Жить по-своему привык.

Их восемь — вместе с ним — обжор и горлопанов,

Все коротают дни под брань и звон стаканов,

Под крышею одной. Ложатся дружно спать:

По-четверо в одну разбитую кровать.
В их комнате зимой волков морозить можно;
Убранство в ней — щиты, рапиры, шпаги, ножны,
Гардины паутин да мусор по углам.
Все восемь школяров, верней бандитов, там,
Презрев ученья свет, устраивают битвы...
Науки им милы не больше, чем молитвы.
Частенько по ночам они — ищи свищи! —
С прохожих забулдыг камзолы и плащи
Снимают иль с врагом на шпагах сводят счеты...
То не хотят вставать, то спать им нет охоты.
Служанка есть у них — как смертный грех страшна;
Лет тридцать без зубов обходится она.
Как им подаст на стол — иль на сундук, вернее, —
Всяк друг у друга рвет кусище пожирнее,
Торопится скорей живот себе набить!
Как ни горазды жрать, предпочитают пить,
Когда им есть на что, но редко так бывает!
А что до книг, то их никто не раскрывает —
Иль только для того, чтоб положить еду,
Поставить котелок или сковороду.
Вот всё про сына вам и про его ораву.

Леонора.

Дружков, я вижу, брат нашел себе на славу!

Дон Феликс.

Он мило рассказал, хоть и болван. Ну что ж,
Выходит, мой сынок и вовсе нехорош?

Криспен.

Я только говорил, что сын ваш не игумен,
А так он всем хорош, уживчив, остроумен,
К тому ж красноречив, что твой старик Катон;
Речами из камней исторгнет слезы он...
Услужлив, тароват, разодолжит любого,
Не заставляет ждать, охотно держит слово,
Воспитан, хоть и храбр, и множество друзей
Себе завоевал учтивостью своей.
Он — славный Александр в своем победном стане!
Но жаль, что у него нет и гроша в кармане...
Весь капитал его — хороший аппетит!

Дон Феликс.

Таков же был и я... Как времечко летит!

Ведь надо, чтоб любой юнец перебесился...
Вот деньги для него; скажи, чтоб относился
К ним бережнее впредь, чем делал до сих пор.
Ты в сапогах, мужлан? Кавалерист без шпор!
Что, прибыл к нам верхом?

Криспен. Почтовою каретой.

Дон Феликс.

Я пользуюсь и сам подчас новинкой этой.
Чего ты ждешь? Ступай!

Криспен. Сеньор, я жду письма.

Дон Феликс.

Зачем ему оно, раз деньги шлю?

Криспен. Весьма

Умно решили вы, храни за то вас боже!

Пусть были б все отцы хоть чуть на вас похожи!

Прощайте! (Уходит.)

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Феликс, Беатриса.

Дон Феликс.

Я сердит и не смогу уснуть,

Но стоит лечь без сна — и кашель давит грудь...

А вам пора... Фу, черт, вот память! Беатриса,

Криспена вороти, да поживее, крыса!

Я сыну должен был вещь важную сказать,

А сам, про всё забыв, готов улечься спать!

Беатриса.

Ну нет, теперь догнать его смогу едва ли!

Как денежки схватил, так только и видали

Его и кошелек — с обоими простись!

Дон Феликс.

Лентяйка! Он едва успел спуститься вниз.

Кричи в окно — он там! Да ты оглохла, что ли?

Беатриса.

Да, так он вас и ждет! Ищите ветра в поле!

Дон Феликс.

Плут, верно, за углом...

Беатриса. Зачем он нужен вам?

Дон Феликс.

Зачем он нужен мне, про то я знаю сам,
И сам его найду!

Леонора. Ужасно сердце бьется...

Вдруг графа он найдет!

Беатриса.

Увы, и мне сдается!

Дон Феликс.

Сейчас вас научу, как надо звать слугу!

Но почему окно открыть я не могу?

Тут, верно, гвоздь забит!

Беатриса.

О небо всеблагое!

Дон Феликс.

Нет, поддалось, пошло... Но что это такое?

Что вижу пред собой?

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Граф, дон Феликс, Леонора, Беатриса.

Граф.

Мужчину, а не сон.

Мужчина этот храбр, к тому ж вооружен!

Дон Феликс.

О, кто бы ни был ты, в тебе я зрю злодея!

Ты всем изобличен — повадкою своею,

Тем, что в полночный час проник в ее покой...

Кто дверь тебе открыл?

Граф.

Я на вопрос такой

Сумел бы дать тебе ответ вполне пристойный,

Да нахожу дуэль с тобою недостойной.

Кто безоружен, сед, притом защитник дев,

Способен вызвать в нас презренье, а не гнев!

Дон Феликс.

А ну, посторонись, дай только взять мне шпагу,

И я убью тебя иль сам в могилу лягу!

Граф.

Спешу, клинок мой ждет, чтоб грудь тебе пронзить.

Леонора.

Отец мой!

Дон Феликс. Дочь моя!

Леонора.

Молю повременить!

Дон Феликс.

С обидчиком моим, я вижу, вы едины...

О горе, твой позор пал на мои седины!

Леонора.

Отец, вас гнев влечет куда, зачем — бог весть!

Плохой советчик злость, когда задета честь...

Люблю, любима я... моим он будет мужем,

Ужели от отца погибель мы заслужим?

Граф.

А вот о слове «муж» пора забыть давно...

Тому, что вам сулил, не сбыться всё равно!

Дон Феликс.

Отречься хочешь ты от своего обета?

Но нет, пока я жив, не совершится это!

Как бы я ни был слаб пред силою твоей,

Неукротимый дух не подчинится ей.

Иль с дочерью моей в законный брак ты вступишь,

Иль, честь ее отняв, ты и мою загубишь,

И кровь мою прольешь, чтоб дело завершить!

Граф.

Жениться должен я или тебя убить?

Где смысл в твоих словах? Как взять себе супругу,

Коль ни она, ни я не подошли друг другу?

Как биться мне с тобой, когда лишь брань и крик —

Последнее твое оружие, старик?

Жена мне не нужна. Когда решу иначе,

То выберу себе невесту побогаче,

Чем та, что ты решил силком на мне женить.

Ты требовать хотел, но не умел просить.

Отзывчив к просьбе я и нетерпим к приказу —

За грубость отплачу заносчивостью сразу.

Нет, ваших недовольств мне непосилен груз;

Узнав отца и дочь, я прав, что не женюсь!

Поймете вы меня по здоровом размышленьи,

Но мне пора идти. Итак, мое почтенье!

Дон Феликс.

Со шпагою в руке сперва ответишь мне!

Граф.

Прить эта не к лицу почтенной седине...

Дон Феликс.

Найдется у меня защитник помоложе!

Граф.

К защите надо мне готовиться, похоже!

Леонора.

Бездушный лицемер!

Граф.

Не нужно грубых слов;
Деньгами вашу скорбь я исцелить готов,
Печальный ангел мой. А ты, старик гневливый,
Стать тестем не спеши — и проживешь счастливо.

(Уходит.)

Дон Феликс.

Смерть от руки твоей, гнуснейший из воров,
Была бы легче мне, чем лицемерье слов.
Дочь оскорбив мою и род мой опозоря,
Ты, жизнь оставив мне, мое умножил горе,
Мучительно продлил безрадостные дни...
Скорей их оборви — кому нужны они?
Но нет! Покой найти в кончине я успею;
Ведь у меня есть сын — он отомстит злодею!
Дон Педро юн и смел, я призову его,
Пусть он сотрет пятно позора моего.
Но если отпрыск мой загубят злые силы,
Последую за ним в безмолвие могилы.
Ты ж, мир души моей нарушившая дочь,
Скорбь грешную свою неси отсюда прочь!
Как гнева моего, страшись презренья брата
И кары неба жди, пред коим виновата.
Карают небеса за низменную страсть
Влюбленных, что дают греху над сердцем власть.
На, Беатриса, ключ, подай фонарь и шпагу,
Что в комнате моей.

Беатриса.

Скорее дам присягу,
Что он сошел с ума.

Дон Феликс.

Спеши, минуты нет!
Тут близко, за углом, стоянка всех карет,
Что почту и людей отвозят в Саламанку.
Я сыну закажу местечко спозаранку.
Немедля сможет он на мой приехать зов —
Записку передам с одним из кучеров.
Навряд ли плут слуга сумел домой добраться;
Их дело — до утра по кабакам шататься!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ВТОРОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Дон Луис, Саморин, четверо наемников.

Дон Луис.

Ну как, всё ясно вам?

Саморин.

О чем тут говорить!

В вопросах чести нас не надобно учить.

А что, школяр не трус?

Дон Луис.

Кичится он отвагой.

Саморин.

Тем лучше.

Дон Луис. Мастерски юнец владеет шпагой.

Саморин.

Тем лучше.

Дон Луис.

Пусть умрет.

Саморин.

Считайте, что усоп.

Коль не сбежит от нас, ему готовьте гроб.

Теперь нам надлежит подумать о местечке,

Где подстеречь его, — не вышло бы осечки!

Дон Луис.

Проходит он всегда вот с этого конца...

Но тише, вижу свет... Чу, прямо на ловца

Не сам ли зверь бежит?

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Дон Педро, Криспен.

Дон Педро.

Ты говоришь, папаша

Дал только...

Криспен. Сто монет.

Дон Педро. Печальна участь наша...

А милая сестра?

Криспен. Хоть бы один реал!

Дон Педро.

Сквалыга! Что отец, прочтя письмо, сказал?

Криспен.

Не слышал.

Дон Педро. Как бы он не вздумал догадаться,
Что я в Толедо!

Криспен. Вам придется днем скрываться,
А ночью выходить.

Дон Педро. Я и живу так вот.

Криспен.

Ну что ж, по всем статьям вы — настоящий кот,
На крыше бы пора вам назначать свиданья!

Дон Педро.

Любителям острить и делать замечанья
Желаю сто плетей!

Криспен.

Я — сотню синяков
Всем тем, кто по ночам, как сыч, летать готов...
Когда б вы из того хоть пользу извлекали!

Дон Педро.

Дурацкой головой меня поймешь едва ли!

Криспен.

Пусть голова глупа, да ум в ней здрав вполне...
Куда же мы идем, хоть объясните мне?

Дон Педро.

Куда любовь ведет.

Криспен. Скажу вам откровенно,

Она — плохой вожак.

Дон Педро.

Есть у меня Химена,
Опального она придворного сестра.
Кого-то оскорбив, он вызвал гнев двора...

Криспен.

Достанется и вам от взбалмошного братца!
Когда опальный он — чего ему бояться?
Ужели на сестре вам даст жениться он,
Коль вы не принц, не граф и даже не барон?
Пусть знать перевелась и выдохлось дворянство,
Но титулов полно — их носят спесь да чванство.

Любой, кому не лень, — пэр, герцог иль маркиз,
И полководцев тьма... откуда и взялись?

Дон Педро.

Читай мораль, болван, людей не задевая!

Криспен.

Ну что же, у меня способность есть такая,
Как, например, у вас — быть влюбчивым талант.
Беседуя о вас, родитель ваш, педант,
Пословицу на свет извлек о пилигриме,
Что от своих грехов искал спасенья в Риме:
«От перемены мест нет перемены в нем;
Где б конь ни побывал — воротится конем!»

Дон Педро.

Послушай-ка, Криспен, довольно издеваться!

Криспен.

Коль не даете спать, хоть дайте посмеяться...

Дон Педро.

Как ты нашел отца?

Криспен.

Противный, злой старик!

Дон Педро.

Уж слишком, негодяй, ты распустил язык!
Вот я тебя!

Криспен. Сеньор, там люди, осторожно!

Дон Педро.

Они нас не съедят.

Криспен.

Да, съесть нас невозможно.

Нас десять удалцов, их — шестеро всего.

Дон Педро.

Ты за скольких меня считаешь одного?

Криспен.

За десять человек; но вы ведь со слугою,
Который слаб, и хил, и неспособен к бою,—
Так, значит, с десяти мы сбросим четверых,
И остается вас шесть против шестерых.

Дон Педро.

Ступай вперед!

Криспен.

Боюсь. Они такого роста,

Что живо доведут нас с вами до погоста,

А у меня пока и завещанья нет...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Дон Луис, дон Педро, Саморин, четыре наемника,
Криспен, граф.

Дон Луис.

С дороги, сударь мой, во избежанье бед,
Да побыстрей!

Дон Педро. Сеньор, вас, видно, очень много,
Что так грубите вы?

Дон Луис. Нас шестеро!

Дон Педро. Дорога
Останется за мной. Вам следует найти
Еще с десяток шпаг, чтоб я свернул с пути.
Когда найдете их, то и тогда ни пяди
Я вам не уступлю, на вашу наглость глядя!

Дон Луис.

Сейчас умрешь, хвостун! Не век тебе болтать!

Бьются на шпагах.

Дон Педро.

Еще не нажил я привычки умирать!

Криспен (*прячась*).

Умерь свой пыл, Криспен, ты так и лезешь в драку!
Вперед, хозяин мой! Рази его, собаку!
Ну что за молодец!

Дон Луис. Смелее, Саморин!

Саморин.

Готовьтесь на тот свет, мой юный паладин!

Дон Педро.

Готовлюсь, да не я! На, получай, мальчишка!

Дон Луис.

Проклятье, ранен я... Эй, Саморин, мне крышка!

Саморин.

Держитесь!

Дон Педро. Сам держись, ибо противник мой,
Как Цезарь, напал, но проиграл свой бой!

(*Падает.*)

Черт, ногу подвернул! Зато рука осталась...

Саморин.

Прикончить школяра, как видно, мне досталось!

Дон Педро.

Ведь отступал, подлец!

Саморин.

Чтоб лучше взять разбег!

Дон Педро.
Трус!

Входит граф.

Граф. Как, на одного — и столько человек?
Я с вами, сударь мой!

Дон Педро. Спасибо за подмогу!
С таким, как вы, бойцом всех победим, ей-богу!
Догоним их, Криспен!

Криспен. Сеньор, Криспен устал.
Ведь, защищая вас, он рук не покладал!

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Кассандра, Лизетта, Криспен.

Кассандра.

Лизетта, милый друг, ну выгляни наружу!
Что делается там?

Лизетта. Дерутся... или хуже.

Кассандра.

Боюсь, что брат Луис, за честь мою борясь,
Дон Педро в западню загнал на этот раз.

Лизетта.

Не приведи господь иметь такого братца,
Что, как отец родной, во все готов мешаться!
Но и дон Педро ваш не бог вещь что за дар!
Пора о нем забыть, ведь он — простой школяр...

Кассандра.

Да, милый мой — школяр, в том спору нет, Лизетта,
Но он умен, красив, а разве плохо это?
Когда б хотел меня, как я его, любить,
Всё, чем наш род богат, могла б с ним разделить.
Но кто там?

Криспен. Это я. Промолвить страшно даже,

Но по пятам за мной, сеньора, мчится стража,
Как свора жадных псов. К несчастью, за углом
Был человек убит, и я замешан в том
С хозяином моим. Увы, ему в угоду
Ввязался в драку я, как говорится, с ходу,
Дон Педро защитив. Прав я иль виноват,
О том судите вы, а я так был бы рад
Залезть в любую щель, дыру, нору любую...
Быть может, ваша честь отыщёт мне такую

Повелевает мне — чему я сам не рад —
Нарушить ваш покой. Сеньор Луис, ваш брат,
Был только что убит у вашего порога.

Граф.

А сам убийца где?

Начальник стражи.

Ведет сюда дорога.

Он забежал в ваш дом, так нам сказал сосед.

Мы появились здесь, идя убийце вслед.

Граф.

В то, что внушили вам, поверить невозможно!

Какой преступник сам войдет неосторожно

Убежища искать под злополучный кров,

Где за убийство всяк воздать ему готов?

Велел замкнуть я дверь, шум услышав. К тому же

Я слугам запретил выглядывать наружу

И сам не выходил. Ручаюсь, что никто

В дом этот не проник, чтоб я не знал про то.

Начальник стражи.

Что ж, сударь, вам видней. Простите, ваша милость!

Хотели вам помочь в беде, что приключилась.

Граф.

Так действуйте скорей, немедля, сей же час...

Не смею, господа, задерживать я вас...

Меня ж оставьте вы с тоской моей безмерной.

Начальник стражи.

Мы выполним свой долг. (Уходит.)

Граф.

Проклятье, дело скверно!

Всё так переплелось, что не могу решить,

Стерпеть ли брата смерть, коль должен отомстить,

И мстить ли за нее, коль честным словом связан?

Одной рукой убить, другой щадить обязан,

И, как бы ни решил, страдает честь моя...

Ах, кто бы мог сильней запутаться, чем я! —

Известно вам, сеньор, кто я такой?

Дон Педро.

Конечно!

Вы жизнь мою спасли! Благодарю сердечно...

Граф.

А как меня зовут?

Дон Педро. Не знаю я, увьи!

Граф.

А как зовут того, кого убили вы?

Дон Педро.

Я не был с ним знаком; но все ж в ночи, без света,
Мне кажется, сумел я угадать, что это —
Прибывший к нам — зачем, не ведаю путем —
Брат графа одного... а впрочем, что мне в нем!

Граф.

Вы правы, да. Я — граф. Мой брат загублен вами.

Дон Педро.

Прискорбие мое не выразишь словами...
И что решили вы?

Граф.

Решил я вас убить.

Дон Педро.

В решении таком ошибка может быть.
Кто хочет испугать — сам страху наберется...
Что ж, шпаги обнажить, как вижу, нам придется!
Готов к услугам, граф.

Граф.

Повременить прошу.

Не здесь и не сейчас я спор наш разрешу.

Дон Педро.

Однако здесь, сейчас и место есть и время?

Граф.

Нет, здесь на мне лежит той самой клятвы бремя,
Которой вам сулил спасенье и приют,
И, как бы ни желал, вас не прикончу тут.
Настигнет вас мой гнев! Но не под этой кровлей
Я гостю своему кончину уготовляю...

Дон Педро.

Как вы в своей душе сумели совместить
Желание спасти с намереньем убить?

Граф.

С открытою душой я спас вам жизнь. Едва ли
Я догадаться мог, что вы ее отняли
У брата моего. За это отомщу.

Дон Педро.

О зле, что причинил, я искренне грущу,
Но никакая грусть усопшим не поможет...
Пусть ваша помощь мне вину мою умножит!
Несчастный я! Того, кто дорог вам и мил,
Случайно, видит бог, рукой своей сгубил...
Что ж, несмотря на то, что всем даю я сдачи,
И лезу напролом, и не могу иначе,
Я буду избегать возможных с вами встреч,

От самого себя желая вас сберечь.
Вы знаете, что я не робкого десятка.
Вас убедила в том сегодняшняя схватка...
Но чтобы вам свою признательность явить,
Готов я трусом стать или, верней, прослыть.

Граф.

Заставлю драться вас!

Дон Педро. Я сдамся вам без спора.

Граф.

Бойтесь вы меня?

Дон Педро. Нет, вашего укора.

Граф.

А как не укорять того, кто столь жесток?

Дон Педро.

Жестокий ради вас стать кротким вряд ли б смог.

Я — избегая вас, а вы — берясь за шпагу,

Являем всяк свою немалую отвагу...

Граф.

Итак...

Дон Педро.

Коль небеса нам захотят помочь,

Друзьями станем мы, вражду отбросив прочь.

Граф.

Мне не до праздных слов и не до вашей дружбы!

Вы можете уйти. Вот выход — через службы.

Не тронут вас. — Ушел, господь благослови!

Кто там стучится в дверь?

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Граф, Беатриса.

Беатриса. Я, вестница любви

(Которая всегда противится рассудку),

К вам в неурочный час явилась на минутку.

Переезжаем мы, и госпоже моей

Вас надо повидать — тем лучше, чем скорей.

Вот тут записка вам, а я спешу вернуться...

Что, ежели старик уже успел проснуться

И, дьявол, угадать, что я ушла сюда?

Нам вместе с госпожой и попадет тогда!

Граф

Я выполню, что мне велит твоя хозяйка...

Беатриса.

Бегу.

Граф. Куда спешишь?

Беатриса. Попробуй опоздай-ка! (Уходит.)

Граф.

Еще не спите вы, сестрица, в этот час?

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Граф, Кассандра.

Кассандра.

Ах, при беде такой я не сомкнула глаз...

Граф.

Мне тоже не дала уснуть моя утрата...

Пусть я погибну сам, но отомщу за брата!

Куда ни кину взор — опасность мне грозит.

Недавно я узнал: покинувши Мадрид,

В Толедо прискакал, чтоб быть ко мне поближе,

Тот самый человек, который мной обижен.

От женщины одной теперь письмо пришло.

Она зовет к себе. Я причинил ей зло,

Хоть и влюблен в нее и во взаимность верю,

Но что простила мне, я не удостоверю.

К ней всей душой тянусь, но знать бы, что сулит

Мне после ссоры той предложенный визит?

Кассандра.

Вы бросили ее?

Граф.

Нет, хуже оскорбленье!

Кассандра.

Готовьтесь ко всему и опасайтесь мщенья!

Кротчайшая из жен опасна и страшна,

Когда в любви своей она уязвлена.

Меняет страсть на злость красавица любая,

Коварство чувств своих и замыслов скрывая,

И, как бы ни был зол мужчина, всё равно

Ему с любой из нас сравняться не дано

В искусстве воздавать обиду за обиду,

И жалить, и разить, не подавая виду.

Граф.

Размолвку нашу чем смогу я объяснить,

Коль женщину сию и впредь готов любить,
Когда любовь моя не слушает совета?..
— Однако к нам стучат с заката до рассвета!
Откройте! Черт, мой враг проник сюда опять!
Я думал, вы ушли?

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Дон Педро, граф, Кассандра.

Дон Педро. Я — что легли вы спать!

Граф.

Признаться, удивлен, вас здесь увидев снова!
Бежать от глаз моих вы мне давали слово,
Но дразните меня присутствием своим..

Дон Педро.

Невыслушанный враг не должен быть судим,
А выслушав, ему вернете вы доверье.

Граф.

Сестра, оставьте нас!

Кассандра уходит.

Дон Педро. Хочу закрыть я двери.

Граф.

Прошу. Что нужно вам еще кроме дверей?

Дон Педро.

Хочу поговорить.

Граф.

Но только поскорей!

Дон Педро.

Прочтите, сударь мой, с усиленным вниманьем
Полученное мной печальное посланье!

Граф (читает).

«Дон Педро, честь моя поругана врагом,
Он знатен и силен — с ним справиться не в силах...
Приди, коль кровь отца в твоих струится жилах,
И за меня воздай — прошу тебя о том».

Дон Педро.

Теперь, надеюсь я, простит мое явленье
Великодушный муж, чьим дорожу я мненьем,
Жизнь возвративший мне и сохранивший честь.
Отец, больной старик, прислал мне эту весть.

Он кем-то оскорблен, он ждет на помощь сына,
Который защитит почтенные седины.

Хоть в Саламанку мне послал письмо отец,
Но помогла судьба: случилось, что гонец —
Хозяин мой, почтарь. И посему записка
Была мне вручена весьма от дома близко.—
Учтивый недруг мой, я должен вас просить
Решенье наших дел на время отложить.
Победа надо мной покроет вас позором,
Поскольку я еще не рассчитался с вором,
Укравшим честь отца — тем самым и мою.
Не смыв сего пятна, я встретить вас в бою
И в нем со славой пасть, ей-богу, недостойн.
Я этим всем, сеньор, весьма обеспокоен.

Граф.

Сеньор, вам отказать я в просьбе не могу;
Идите за отца воздать его врагу...
Что до меня — я рад забыть о вас на время.

Дон Педро.

Я, сударь, ваш должник и способами всеми
Вас отблагодарю.

Граф.

За что благодарить?

Служить готов вам с тем, чтоб вас верней убить.
Отмстите за отца — вам буду мстить за брата.
Тревогою одной душа моя объята:
Вас поединок ждет, опасность вам грозит —
Как знать, из двух бойцов который победит?
Чтоб вас не подвергать опаснейшему риску,
Пожалуй, сам готов ответить на записку!
Чтоб вашу заменить — годна моя рука
И сможет защитить надежно старика.
Кто он и где живет? Сняв с вас сии заботы
И ублажив отца, покончу с сыном счеты.

Дон Педро.

Намеренья, сеньор, вполне достойны вас,
Но как исход борьбы предугадать сейчас?
Кто знает, вы ль меня иль я вас одолею?
Что до отца, то вам, увы, назвать не смею
Я имени его, пока еще оно
Так, как велит мне долг, мной не обелено.
Не следуют у нас обычаю такому,
Чтоб долг сыновний свой препоручать другому.

Граф.

Так что хотите вы?

Дон Педро. Стараться уцелеть,
Стараясь отомстить.

Граф.

Дай бог вам преуспеть

До той поры, что сам я в этом преуспею.

Вот комната моя, располагайте ею,

Не тронет вас никто. А я оставляю вас...

Сомнительный визит мне предстоит сейчас.

Чтоб помощь оказать в опасности возможной,

Товарищ нужен мне достойный и надежный.

Пойду сейчас за ним. Но где его искать?

Дон Педро.

Что ж, с вами, вижу я, приходится порвать

Все соглашения, граф, все наши договоры!

Граф.

Хотел бы знать, к чему такие разговоры?

Дон Педро.

К тому, что, если вам доверился вполне,

Пренебреженьем вы ответствуете мне!

Нет, видно, у меня ни мужества, ни чести,

Коль с вами в трудный час быть недостойн вместе...

Спасением своим зачем обязан вам,

Коль смешано оно с презреньем пополам?!

Граф.

Ну что вы, верю я и в ваше благородство

И в мужество. Отнюдь не чувство превосходства

Заставило меня вам предложить приют!

Я просто убежден, что здесь вас не убьют...

Забочусь же о том лишь потому, что, каюсь,

Я это сделать сам потом намереваюсь!

Дон Педро.

Граф, или сей же час мы с вами бьемся здесь,

Иль с вами я иду, чтоб вашу жизнь и честь

Надежно охранять, хоть от отца родного!

Граф.

Вам другом быть готов, сеньор, даю вам слово,

Да не велит закон, по коему живем...

Итак, мой храбрый враг, я верю вам. Идем!

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ТРЕТЬЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Беатриса, Леонора.

Беатриса.

Напрасно вы горды своей душевной силой!
Отступит лютый гнев перед любовью милой...
Хотите графу мстить, но бьюсь я об заклад,
Чуть он откроет дверь — как всё пойдет на лад.

Леонора.

Я отомщу ему.

Беатриса. Да бросьте вы, сеньора!
Влюбленные сердца всегда отходят скоро...
Я женщина сама и знаю, что таит
Желание видать творца своих обид.
Своим презреньем граф вас уязвил опасно.
Он плохо поступил, вас оскорбив напрасно...
Но не презренье, нет, а равнодушие — зло,
Что барышне моей сердечко обожгло.
Ужель не предпочли б холодному забвенью
Любое озорство, любое оскорбленье?

Леонора.

Да, вся моя душа тебе насквозь видна...
Боязнь забытой быть гнетет меня одна.

Беатриса.

Век рыцарей прошел и больше не вернется!
Мужчины уж не те, о ком в стихах поется.
Вперилась в графа я, записку передав,
Что написали вы, и побожусь, что граф
Доволен был весьма, хотя и притворялся,

Что равнодушным он к посланию остался.
Но как ты ни лукавь себе наперекор,
Все хитрости твои прочтет пытливый взор.
Как был в вас граф влюблен, так любит и доньне;
А вы ему явить должны свою гордыню,
Жестокость показать, оставшись с ним вдвоем...
Что б он ни говорил, вы стойте на своем.

Леонора.

А если он уйдет?

Беатриса. Заставим воротиться.

Леонора.

Жестокостью моей, боюсь, не соблазнится,

А попросту сбежит.

Беатриса. Догоним и вернем.

Не с вашей красотой заботиться о том...

Сто раз вернется тот, кто раз пришел обратно...

Ему мы не дадим исчезнуть безвозвратно.

Хоть лопнет, а придет боготворить вас вновь!

Леонора.

Но кто его вернет?

Беатриса. Вы, я, сама любовь!

Он должен нежным стать, как бы ни отбивался!

Леонора.

Пока что нежность мне он не весьма старался

Выказывать свою!

Беатриса. Едва сюда взойдет,

Уж тут за все грехи ему и попадет...

Леонора.

Нет, он не из таких, которым попадает!

Беатриса.

Граф любит вас сильнее, чем сам предполагает!

А я, поверьте мне, знаток в таких делах!

Но объясните мне: ужель ревнивый страх

Ни разу не терзал его воображенья?

Ужель вы столь слабы в искусстве обольщенья?

Леонора.

Ты думаешь, что здесь соперник нужен, да?

Беатриса.

А не было его?

Леонора. Нет.

Беатриса. В том-то и беда!

Любя лишь одного, в запасе б я держала

Поклонников иных, желательно немало,
Чтоб милый не скучал, себе поставив цель
Их всех переловить и вызвать на дуэль.
И, за его спиной другому строя глазки,
Герою своему внушала б для острстки,
Что он в любви моей — не первое лицо,
Что, может, и хорош, а может, так, дрянцо!
Та женщина глупа, чья верность в тигра злого
Способна превратить любовника ручного,
Чьей нежностью бедняк пресыщен до того,
Что боле проглотить не в силах ничего.
Я, следуя во всем лишь своему закону,—
Орел в делах любви!

Леонора. А я?

Беатриса. А вы — ворона!

Леонора.

Пожалуй, речь твоя меня бы развлекла,
Коль безмятежно ей внимать бы я смогла...
Боюсь, он не придет!

Беатриса. Придет, клянусь, и скоро!

Я слышу звук шагов... Вам следует, сеньора,
Скорей уйти к себе: ваш милый у крыльца!
А я открою дверь и встречу беглеца.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Криспен, Беатриса.

Криспен (поет).

Твоя любовь, как ты сама, прекрасна,
Люби меня, как я тебя люблю,
А я люблю тебя безумно, страстно...

Беатриса.

Ты это, шут Криспен?

Криспен. Привет тебе, служанка!

Беатриса.

К кому явился ты?

Криспен. К тебе, моя приманка!

Сынка к себе призвал наш взбалмошный старик,
Мы оба собрались в дорогу сей же миг,
Хозяин мой — верхом, а я себе — пешочком,

А прибыли сюда — и вышла проволочка:

От пешего отстал внезапно верховой...

Я, видишь вот, пришел — он скрылся с глаз долой.

Что скажешь, милый друг, про этакое чудо?

Беатриса.

Скажу, чтоб шел ты спать!

Криспен.

Повременю покуда.

Послушаться бы мог, когда б хоть чуть устал,

Но я ведь шел пешком, а не верхом скакал!

Беатриса.

Отстал хозяин твой...

Криспен.

Безмозглый непоседа

Шатается небось по улицам Толедо,

В беспечности своей не ведая о том,

Что собственный отец покинул прежний дом.

Один лишь я узнал, в каком живет он месте,

Оттуда получив негаданные вести,

А этот шалопай, задумавший пропасть,

Не сможет без меня к родителю попасть.

Беатриса.

Ступай к себе и жди хозяина в постели!

Криспен.

Нет, мы с тобой еще вдвоем не посидели,

Обычай мне велит сначала поболтать,

А уж потом идти укладываться спать...

Беатриса.

Ах, боже!

Криспен. Как понять такое восклицанье?

Что выражаешь им, угрюмое создание?

Беатриса.

Что поспешить пора хозяину вдогон!

Криспен.

И рад бы поспешить, да слишком утомлен.

Беатриса.

А говорил, что нет!

Криспен.

Ну, Беатриса, крошка,

Бывает, что язык и подведет немножко...

А кстати, нам его и почесать не грех:

Хозяев дорогих разделать под орех,

Друг другу рассказать о собственной методе,

При коей свой доход в их черпаем расходе...

Коль надоест нам быть, так сказки есть, изволь!

Вот, выслушай одну: жил-был один король;
Дворец себе воздвиг он на горе лесистой,
Над некою рекой с водой отменно чистой.
Ров гору обегал, и в нем вода текла.
Висел подъемный мост, а под мостом жила
Русалочка одна. Весною было дело.

И вот, представь себе...

Беатриса. Чума б тебя заела,
Назойливый болтун! Я вся дрожу, как лист...
Увидит графа он...

Слышен свист.

Ах, боже, слышу свист...

Пропали!

Криспен. Не тебя ль чаруют этой трелью
И знак тебе дают бог весть с какою целью?
Ступай на зов, займись любовью на ходу.
Не буду вам мешать, а лучше спать пойду!
(Уходит.)

Беатриса.

Ну, долго он мое испытывал терпенье!
Медлительный наглец! Я просто в исступленье!
Сторицей отплачу за дерзости его!
А так-то посмотреть — он малый ничего,
И пусть и простоват, в нем что-то есть такое...
Пойду-ка свистуну скорее дверь открою!
Входите, гость ночной! Влетайте, соловей!

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф, дон Педро, Беатриса.

Граф.

Зачем зажгла ты свет? Фонарь задуй скорей.
Тому, кто здесь со мной, некстати чьи-то взоры.

Беатриса.

Ах, наконец вы тут! Вот счастье для сеньоры...

Граф.

А также для меня...

Беатриса. Но только... тишина!

Граф.

Боюсь, что эту ночь вам будет не до сна!

Дон Педро.

Забудьте обо мне, лишь помните о деле!

Граф.

Вы — верный человек!

Дон Педро.

Чтоб вы достигли цели,

Согласен я, сеньор, пожертвовать собой!

И что мне целый свет и что отец родной,

Когда бы против вас они теперь восстали!

Граф.

Ждать меньшего от вас осмелился б едва ли...

Беатриса.

Молчите! Чутко спит наш общий грозный враг,

Так, словно он всегда ложится натошак!

(Провожает графа в комнату Леоноры.)

Тихонько! Вот сюда!

Дон Педро *(садится в стороне на стул)*.

Мне б следовало, право,

Не прикрывать собой опасные забавы

Смертельного врага, а поспешить на зов

Отца, который зря не стал бы тратить слов!

Чуть только рассветет, домой поспеть обязан,

Узнать, за что и кто мной должен быть наказан,

Кто, старца оскорбив, сумел ему внушить

В преклонные года стремленье отомстить!

Чтить, защищать отца, бесспорно, должен каждый,

А я, свой долг презрев, пред ним виновен дважды

И этим удручен...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Дон Феликс, дон Педро.

Дон Феликс *(входит без фонаря)*.

Мне слух не изменил,

Тут кто-то был сейчас, шумел и говорил...

Проверим все углы!

Дон Педро.

...Какой знакомый голос!

Дон Феликс.

Ага, оттуда звук. Чтоб шпага напоролась
На то, что я ишу, сначала свет зажгу,
А то ведь в темноте и упустить могу
Тебя, незванный гость!

Дон Педро. ...Я в этом переулке
Все знаю наизусть дома и закоулки
И голову свою на отсечение дам,
Что граф не встретит здесь ни девушек, ни дам,
Своею красотой, богатством, обаяньем
Способных завладеть на миг его вниманьем!
Так что здесь ждет его, какая западня,
Коль помощи просить решил он у меня?..
...Кто крадется сюда со шпагой обнаженной? —
Стой или ты умрешь, моим клинком сраженный!

Дон Феликс.

Погибнешь сам сперва!

Дон Педро. Отец мой!

Дон Феликс. Это сон?

Дон Педро, мальчик мой!

Дон Педро. О, как я потрясен,
Отец, вас встретив здесь!

Дон Феликс. Как ты нашел дорогу
Сюда, в наш новый дом? Вот чудеса, ей-богу!

Дон Педро.

Пугает эта речь меня не без причин...

Дон Феликс.

Ты прибыл кровью смыть позор с моих седин?
Но что с тобой, мой друг? Ты бледен и растерян,
То ль холоден со мной, то ль странно неуверен?
Иль знаешь о беде, проникшей в отчий дом?
Увы, дурную весть не спрячешь под замком!
Иль враг уже погиб и за мое бесчестье
Он принял от тебя и кару и возмездье?

Дон Педро.

Возмездье?!..

Дон Феликс. За позор, перенесенный мной,
Обязан ты воздать достойною ценой!

Я жду!

Дон Педро.

Узнать бы мне, отец, что вас задело?

Дон Феликс.

Узнаешь всё потом, сперва берись за дело!
Погибнешь или нет, мстя за меня,— бог весть,
Но снимешь с нас пятно — иль восстановишь честь,
Я слишком стар, дитя, чтоб, рдея от смущенья,
Рассказывать тебе про наше унижение,
Подробно излагать, в чем кроется беда...
Избавь меня сейчас от этого стыда —
Гнетущие слова твердить перед тобою...
Пойди-ка лучше сам поговори с сестрою,
Но об одном прошу: ее побереги!
Узнав ее печаль, советом помоги,
Не карой угрожай, а обещаю прощенье...
Кровь сердца моего к ней просит снисхожденья:
Тебе она сестра, мне — дорогая дочь.

Дон Педро (в сторону).

Злодею своему я вызвался помочь,
Тем самым завершив семьи своей бесчестье!

Дон Феликс.

А знаешь что, сынок, пойдем с тобою вместе,
Попробуем вдвоем ее уговорить...

Дон Педро.

Простите, сударь мой, сюда нельзя входить!

Дон Феликс.

Как, мне нельзя сюда?

Дон Педро.

Лишь через тело сына
Войдете в эту дверь!

Дон Феликс.

Какая чертовщина!
Или рехнулся ты? И что это за вид?
Вздыхает, как во сне, и жалостно глядит!
А ну-ка отойди!

Дон Педро.

Дверь под моей охраной.

Дон Феликс.

Признаюсь, говоришь с отцом довольно странно!
Недоставало мне, поверх всего, что есть,
Чтоб ты утратил ум, как я утратил честь!

Дон Педро.

Нет, мой рассудок здрав... Пусть пресвятая дева
Поможет объяснить...

Дон Феликс.

И не страшишься гнева
Отцовского, щенок?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Леонора, граф, дон Педро, дон Феликс.

Леонора (за кулисами).

Ты не уйдешь теперь!

Граф (за кулисами).

Не пúстите меня — я выломаю дверь!

Дон Феликс.

Мужчина спрятан там!

Дон Педро.

С отцом любимым споря,

Злодея охранять!

Леонора (выходя на сцену).

Все родственники в сборе!

Граф.

Победа или смерть, дон Педро! Пробил час!

Леонора.

Граф, я умру с тобой!

Дон Феликс.

Вот враг, сгубивший нас!

Ко мне, мой сын! Смотри, наглец глядит героем!

Граф.

Как, это сын его?

Дон Феликс. В крови лжеца отмоем

Запятнанную честь! Из мертвых воскресить

Ее сумеем мы, сумев его убить.

Дон Педро.

Нет выбора, увы, тому, кто клятвой связан,

И графа из беды я выручить обязан...

Дон Феликс.

Что там бормочешь ты?

Дон Педро.

Что не возьму я в толк...

Дон Феликс.

А я так взял давно и знаю, в чем наш долг!

Граф.

От самого себя я спас тебя, дон Педро,

Но за мое добро мне воздаешь не щедро,

И, совесть потеряв, ты в собственном дому,

Вняв окрику отца, лжешь слову своему!

Дон Феликс.

Ты слух склоняешь свой к творцу трусливых басен,

А смысла отцовских слов душе твоей не ясен?

Спасением твоим кичится жалкий тать

За то, что не убил, посмевающий честь отнять!
Идем же, воздадим ему за посрамленье!

Дон Педро.

Я не могу воздать убийством за спасенье...
Он сохранил мне жизнь, которой вы — творец!
Я был в его руках, и тут бы мне конец,
Ведь я семье его нанес урон кровавый
И должен был бы ждать заслуженной расправы!
Когда б обидчик наш был добрых чувств лишен,
То сына вас лишить поторопился б он!

Дон Феликс.

Коль предал честь сестры обетам скороспелым,
Да будет стыд твоим пожизненным уделом!
Хозяин ждет тебя, спасай его, холоп!
Пусть ты погибнешь сам, пусть нас ты вгонишь
Ты больше мне не сын. Я и один не струшу!

в гроб,

Граф.

Старик, хоть чуть уймись, а ты, дон Педро, слушай:
Умею жизнь дарить и драться за нее —
Не так уж нужно мне содействие твое!
Мне собственный клинок проложит путь отсюда...
Но ежели сражен в бою неравном буду
Под натиском двойным и сына и отца,
Не чайте для себя лаврового венца
Ни ты, юнец пустой, мной возвращенный к жизни,
Ни ты, отец, по нем не плакавший на тризне
Лишь оттого, что я был милосерд к нему.
Не ждите похвалы коварству своему!
Узнает вся страна о вашем деле черном,
И ляжет смерть моя на вас клеймом позорным.
Себя же не виню, что прежде не постиг,
Какой монетой долг мне возвратит должник!
Кидайтесь на меня — я жду. Господь свидетель —
Жизнь дорого продаст ваш бывший благодетель!

Дон Феликс.

Я сам сражусь с тобой, как одинокий лев!

Дон Педро.

К чему вас приведет ваш безрассудный гнев?

Дон Феликс.

К тому, что всех сгублю, что совершу злодейство,

Что дочь свою убью, позорище семейства!

Карающий кинжал пусть грудь ее пронзит!

Дон Педро (*останавливая отца*).

Нет, не она, отец, я должен быть убит!

Я ваш удар приму!

Дон Феликс. Пусти!

Граф (*тихо, Леоноре*). Скорей бегите

Ко мне, к сестре моей, и там развязки ждите!

Дон Феликс.

Ну как, бездушный сын, решил ты поступить?

Дон Педро.

Приказывает долг обидчику отомстить,

А честь велит воздать услугой за услугу...

Дон Феликс.

Выходит, ничего вы не должны друг другу?

Ты — родича убил, он — честь унес, как вор,

Напялил траур он — мы облеклись в позор...

Нет, на одной доске несчастье и бесчестье,

Кончину и обман не установишь вместе!

Как будет мстить отец, смотри со стороны!

Дон Педро.

Я умоляю вас...

Дон Феликс. Слова мне не нужны.

(*В сторону.*)

Сейчас запру на ключ нескромную девицу,

А завтра в монастырь — пусть в келье насидится!

(*Уходит.*)

Дон Педро.

Ты в этом доме, граф, как видишь, одинок,

И я с тобой легко расправиться бы мог,

Здесь перевес за мной... но все ж прими на веру,

Что с мужеством твоим иной сквитаюсь мерой.

Ты понимаешь сам, что счет взаимных бед,

Который мы ведем, уравнивать не след —

Не мною, а тобой честной закон нарушен,

И через силу я с тобой великодушен...

Ты за свое добро вознагражден с лихвой,

Теперь пора за зло ответить головой.

Лишь смерть твоя вернет — коль возвратить

возможно —

Достоинство семьи, растленное безбожно!
И если я сейчас уйти тебе даю,
То для того, чтоб вновь мы встретились в бою!
По брату твоему пусть будет панихидой,
Пусть подведет итог и под моей обидой,
Которая зовет к отмщению досель,
Последняя твоя, предсмертная дуэль!

Граф.

Ну что же, решено! Где ждать тебя я буду?

Дон Педро.

На площадь выходи. Сейчас туда прибуду.

Граф.

Но помни — я спешу!

Дон Педро.

Не терпится и мне

С тобою этот спор решить наедине!

Граф уходит.

Дон Феликс (возвращается).

Как, он уходит сам, когда вперед ногами

Мы вынести его должны к могильной яме?

Дон Педро.

Я встречу с ним, отец, всё договорено!

Дон Феликс.

А может, и сестру ты встретишь заодно,

Сбежавшую от нас?

Дон Педро.

Я поражен как громом! (Убегает.)

Дон Феликс.

Иди и без нее не появляйся дома!

А впрочем, жалкий трус, не приходи совсем!

Отец по горло сыт тобою, ею, всем...

Обоими детьми я обещен равно,

Обоими мой род кончается бесславно.

Поставить должен крест на тех, кого люблю,

А сам пойду искать защиты к королю.

Когда ж и он моей не исцелит досады,

С врагом расправлюсь сам — и пусть не ждет

пощады.

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Криспен, Беатриса.

Криспен.

Считаю твой визит достойным выраженьем
Сочувствия ко мне и знаком уваженья...

Беатриса.

Не зная, что сюда попали вы вдвоем,
К дон Педро я пришла. Но ты в казенный дом
Как угодил, Криспен?

Криспен.

Да без большой охоты.

Случилось всё в ту ночь, когда сводили счета,
Подняв чертовский шум, старик, сынок и граф.
С постели соскочив, я бросился стремглав,
Как служба мне велит, сопровождать дон Педро.
Он, выбежав за дверь, летел быстрее ветра,
Сестрицу и того, к кому ушла она,
Ругая на чем свет и злясь, как сатана.
Обшарив город весь, все улицы, все щели,
Мы, графа не найдя, избегли и дуэли.
Зато нас взял дозор и притащил сюда —
Сюда, то есть туда, где люди ждут суда;
Суда же ждут в тюрьме; в тюрьме могу ругаться;
Ругаться — то есть клясть, браниться, чертыхаться.
А чертыхаться...

Беатриса. Брось валять ты дурака!

Криспен.

Итак, удрали вы, оставив старика?

Беатриса.

Да попросту ушли, я и моя сеньора.

Криспен.

А графская сестра вас приняла без спора?

Беатриса.

Нас приняла она с великой добротой.

Их с барышней теперь не разольешь водой,

Уж так они дружны...

Криспен.

В Кассандре ведь причина
Тому, что Педро наш сразился с тем мужчиной,
С тем родичем ее, который в цвете лет
Хозяином моим на тот отправлен свет!

Беатриса.

С того и началась вся эта суматоха...

Криспен.

Эх, скоро мне к судьбе, и это очень плохо...

Так всё же, почему решили вы сбежать?

Беатриса.

Да не хотелось нам до срока помирать.

Старик из рук своих не выпускал кинжала,

Да и сынок ему не уступал нимало.

Всё это позади. Теперь мы спасены,

А барышня и граф друг в друга влюблены,

Как никогда досель.

Криспен.

Зато Криспен с дон Педро,

Кто знает почему, томятся в этих недрах.

Я, правда, не ропщу и рад тебе сказать,

Что много здесь людей, привыкших не роптать.

Я угостил их всех в честь своего прибытья...

Беатриса.

Однако мне пора. Должна домой спешить я.

Криспен.

Спасибо, что зашла.

Беатриса.

Вот что еще скажу:

Когда тебя казнят, я мессу закажу.

Криспен.

Коль бог мои мечты исполнить пожелает,

То он тебя со мной местами поменяет.

Прощай, мой свет!

Беатриса.

Прощай!

Криспен.

Когда обратно ждать?

Беатриса.

Быть может, вечером я загляну опять.

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Саморин, Криспен.

Саморин.

Красотка хоть куда! С такой не будет скушно...

Криспен.

К достоинствам моим она равнодушна...

Саморин.

Да, девушка в соку, и ножки хоть куда...

Криспен.

А где же все друзья? Что не идут сюда?

Саморин.

Наелись, напились, потом на боковую...

Криспен.

Хотел бы им задать пирушку не такую!

Саморин.

И эта хороша, как вспомнишь, что визит
Назавтра к палачу, быть может, нам грозит.

Я сам изведаль всё: доносы и допросы,

И трижды в сих стенах глядел в лицо безносой,

Но всё равно умел смеяться, пить и есть,

Понявши, что тоской судьбы не изменить.

А разве тех, кого я вам сейчас представил,

Нельзя назвать людьми высоких чувств и правил?

Цвет Франции, красу Испании родной

Сюда загнал закон безжалостной рукой.

И что ж? Как здесь живут порядочные люди?

Едят себе да спят, не думая о хуе,

Играют да поют, не строя кислых мин...

Криспен.

Прекрасные слова, достойный Саморин!

Саморин.

Коль погляжу на вас, сеньор Криспен, вы сами,

Попавши под арест, не изошли слезами.

Криспен.

А я здесь не впервой!

Саморин.

Уже случалось вам?

Криспен.

Два месяца страдал. За что — не знаю сам.

Саморин.

Все так же говорят... Кто вам подстроил это?

Криспен.

Отчаянная страсть к прелестному предмету.

Саморин.

Как, только и всего?

Криспен.

Да, дело было так...

Хотите, расскажу, как я попал впросак?

Вот: некий адвокат завел мощну тугую,

В нее влюбился я; страдая и ревнуя,

Ее уговорил начать со мной роман

И, в знак ответных чувств, в мой перейти карман.

Красотка прыг туда! Ну а владелец старый,

От гнева вне себя, тотчас затеял свару:

Дознавшись без труда, что я похитил честь

Любимицы его, решил меня извести:

Тут следствие, там суд, наветы, наговоры...

За всю мою любовь меня признали вором,

Раз, два — и под замок; не привелось никак

С красавицей моей вступить в законный брак. —

Развел нас адвокат до бракосочетанья...

Не скоро б я сумел сие покинуть зданье,

Когда бы не друзья...

Саморин.

Да, честным не везет...

А как же вы теперь попали в переплет?

Криспен.

Опять любовь...

Саморин.

К мощне?

Криспен.

Нет, виноват хозяин...

Мальчишка он, щенок, но до чего отчаян!

Чуть ночь — а он за дверь, к своей подружке —

шасты!

Конечно, я за ним — стремясь к своей попасть.

(Всем людям на земле присущи заблужденья,

Прошу вас посему внимать со снисхожденьем...)

Едва мы в эту ночь любовью занялись,

Как нас подмял Закон: мы за него взялись

И нанесли урон немалый Правосудью.

Сперва хозяин мой занялся впалой грудью

Судьи, клинком ее пощупавши слегка,

Потом секретарю пощекотал бока,

А в это время я другого крючокотвора

В мартышку превратил, на удивленье взору,

Орлиный нос его укоротив на треть.

Чтоб не совался им куда не надо впредь.

К тому ж хозяин мой всю продырявил стражу...

Саморин.

А кто-нибудь погиб?

Криспен. Весьма возможно даже,

Звонили, говорят, в церквах колокола...

Саморин.

Коль это правда всё, то честь вам и хвала!

Пусть казнь, что предстоит, не слишком вас

тревожит:

Ведь эта ерунда с любим случиться может...

Криспен.

Всё то, что вам сказал, пусть будет *inter nos*.

Саморин.

Con licencia patron. Но что за весть принес

Мне этот человек?

Криспен.

Я вас не разобиху,

Оставив с ним вдвоем?

Саморин.

Отнюдь. Кого я вижу!

Ты, Латайад?

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Саморин, Латайад.

Латайад. Тебя я повидать пришел...

Саморин.

Как видишь, я в тюрьме!

Латайад.

Едва, едва нашел!

Тебя ища, мой друг, как в темноте иголку,

Весь город обошел без никакого толку,

Все наши уголки, где вместе столько раз

Сходились мы вдали от посторонних глаз...

Когда уж был готов на всё махнуть рукою,

Судьба меня свела с болтливою вдовою

Хромого старика, что счет окончил дней

На виселице...

Саморин.

Тот, кто к краже двух коней

Приплел тебя?

Латайад.

Вот-вот. Итак, ворчунья Жанна

Мне о твоей беде поведала пространно.

Я поспешил к тебе и огорчен весьма,
Что ты сюда попал. Проклятая тюрьма!
Да, тут тебе не жизнь!

Саморин. То, что со мной случилось,
Ты понял хорошо?

Латайад. Нет, объясни на милость!
Старухе, знаешь сам, недолго и соврать...

Саморин.
Итак, один школяр пустился завлекать
Сестрицу одного обидчивого братца,
И тот постановил с мальчишкой рассчитаться.
Он нанял пятерых — и я был в том числе, —
Чтоб на другой же день школяр лежал в земле.
Но, в западню попав, не струсил он, куда там!
Сперва, попятив нас, с красавицыным братом
Скрестил он шпаги так, что тот был сам не рад:
Клинок заехал в глаз, и брату шах и мат!
Ну, стража тут как тут; зеваки, пересуды...
За шиворот меня — кто я таков, откуда?
Однако я — молчок! Беда от лишних слов!
Тогда меня сюда — и двери на засов...
Здесь отрицаю всё, но что-то нет мне веры...
Сам знаю, что могу попасть я на галеры,
Хоть не предатель я, да и почти не вор...
Готов и погрести — работа не позор, —
Но страшно буду мстить всем этим кровопийцам!

Латайад.
Такое говорить пристойно лишь убийцам,
А ты — христианин...

Саморин. Искал меня когда —
Что мне хотел сказать?

Латайад. Есть дельце хоть куда —
На тысячу экю!

Саморин. Не мокрое ли дело?

Латайад.
Представь, что человек, которого умело
Прикончить мы взялись, не кто иной, как граф,
Что удружил тебе, в тюрьму тебя загнав!
Он вызван на дуэль, но это лишь для виду.
Без риска отомстить за давнюю обиду
Желает господин, который нас нанял...

Саморин.

Боюсь, что мало ты за дворянина взял!

Латайад.

Нет, такова цена: убить, а тело в реку...

Саморин.

А кто с тобой?

Латайад.

Велел прийти Левше и Греку.

Да кой-кому еще.

Саморин.

Оружье?

Латайад.

Пистолет.

Саморин.

Ему бы предпочел я шпагу и стилет...

Латайад.

Их про запас возьмем...

Саморин.

Нет, какова досада!

Томиться взаперти, когда работать надо!

Латайад.

Не век ты будешь здесь!

Саморин.

Кто выручит меня?

Латайад.

Да деньги, что должна вот эта пятерня

За графа получить...

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Начальник стражи, дон Педро, Саморин.

Начальник стражи. Уйдите, кто не наши.

Останься, Саморин.

Дон Педро.

...И в этом ералаше

Несчастный дон Луис прикончен был не мной.

Да это подтвердить сумеет вам любой!

Вот, скажем, Саморин, известнейший рубака,

Признаёт, что не я ввязался в эту драку,

Не станет на меня, безвинного, грешить,

Когда б и мог за то свободу получить!

Начальник стражи.

Ну, правду говори!

Саморин.

Я так и собираюсь.

Чем больше я гляжу, тем больше убеждаюсь,

(Да это мой школяр! Ну до чего хорош!)

Что этот на того нисколько не похож!
Виновный был с лица краснее помидора,
И ростом невелик, и пополей сеньора,
Откормлен на убой, и не сказать, что хром,
Но как-то кривобок, и ноги колесом.
А этот господин совсем иного склада,
И строен, и высок... Каких еще вам надо
Свидетелей тому, что он напрасно взят?

Дон Педро.

Что ж, ясно вам теперь, что я не виноват?

Саморин.

За это я готов ручаться головою...

Начальник стражи.

Твой отзыв, Саморин, поможет мне, не скрою,
Сеньора отпустить, как сам того хочу...

Дон Педро.

За всякое добро и я добром плачу!

Начальник стражи.

Чтоб с вас не брать залог и обойтись без штрафа,
Должны мы сообщить итог дознанья графу.

Пусть убедится сам — а труд тут невелик, —

Что против вас, сеньор, нет никаких улик.

Тогда придется вам, дабы достичь свободы,

Не то, чтоб уплатить, а так, войти в расходы.

Я честен, например, и взяток не беру,

Другим бесплатный труд, увы, не по нутру!

(Уходит.)

Дон Педро.

Голубчик Саморин, я ваш должник навечно!

Саморин.

Я был бы подлецом, злодеем бессердечным,

Ну, низостью самой, помноженной на зло,

Когда б губил того, кому не повезло,

И доблесть осознав его и благородство...

Я в деле видел вас, и ваше превосходство

Заставило меня завидовать. Узнав

Вещь, важную для вас, доверю вам, что граф,

Загнавший вас в тюрьму, поплатится за это.

Дон Педро.

Что говорите вы?

Саморин.

Что песня графа спета...

Четыре молодца — а стоят добрых ста —
Взялись его убить, потом спустить с моста.
За это крупный куш дает один вельможа
(Того не зная сам, за вас хлопочет тоже!).
Граф вызван на дуэль и будет взят врасплох...
Как видите, расчет действительно неплох!

Дон Педро.

Я благодарен вам за это сообщение.

Саморин.

Но только никому!

Дон Педро. Ну что вы, без сомненья!

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Криспен, дон Педро, Саморин.

Криспен.

Светило, чье лицо закрыл туман густой
Или, вернее, шаль из ткани непростой,
Желает видеть вас...

Дон Педро. Что ты болтаешь?

Криспен. Дама,
Приличная на вид, стремится к вам упрямо;
Она не из таких, хоть и весьма смела.

Дон Педро.

Ну и пускай идет туда, откуда шла...

Криспен.

На это, сударь мой, она не согласится,
Коль мужество нашла забраться к вам в темницу.

Дон Педро.

Ах, мне не до любви и не до болтовни...
Но вот она сама... — Когда из западни
Я выберусь, то вас вознаграждать сумею.

Саморин.

Да не за что, сеньор! Вам докучать не смею.

(Уходит.)

Дон Педро.

Чем заслужил я честь?

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Кассандра, дон Педро, Криспен, Лизетта.

Кассандра. Я знаю всё про вас:
Кто вы, в какой беде находитесь сейчас,
Как, щедро одарив и доблестью и силой,
Богатством вас зато судьба не наделила...
Пришла я вам помочь, но уговор такой:
Ничем не нарушать души моей покой;
Подарок мой приняв, ни имени, ни званья
Не тщится узнавать — и не искать свиданья.

Дон Педро.

Когда б и склонен был от женщин брать дары,
Не смог бы ваш принять, хотя б до той поры,
Что не узнал бы я, как вас зовут, и кто вы,
И что за красоту таят сии покровы.
Как не страшиться мне неблагодарным быть,
Не ведая о том, кого благодарить?

Кассандра.

Не от души идут подобные сужденья,
Где тайна добрых дел берется под сомненье...
Я очень смущена и не ждала, сеньор,
Что чаянья мои найдут такой отпор!
Мне легче во сто крат свершить благое дело,
Чем объяснять его; я в этом неумела.
Однако, может быть, мне дав иной ответ,
Вы некий от меня услышали б секрет,
Что счастье бы сулил и в этом каземате...
Но поняла сама, что мой визит некстати!

Дон Педро.

Сударыня, клянусь вам быть покорным впредь...
Достойно ли хулы желанье вас узреть?
Я вовсе не хотел...

Кассандра. Пусть это вам в новинку,
Но, видя вас сама, останусь невидимкой.
Иль подчиниться мне теперь во всем должны,
Иль... *(Шепчет ему на ухо.)*

Криспен *(Лизетте).*

Узникам в тюрьме не призраки нужны,

А дамы, так сказать, из крови и из плоти!

Ну, покажи лицо!

Лизетта. Смотрите, пропадете!

Криспен.

Не выдержат глаза?

Лизетта. Нет, сердце и душа!

Криспен.

Тем лучше для меня, коль так ты хороша!

О, черт! И он идет! Я сам себе не верю!

Дон Педро!

Дон Педро. Что тебе?

Криспен. Да граф заходит в двери!

Кассандра.

Ой, спрячьте нас скорей, не то увидит брат!

Дон Педро.

Кассандра, это вы?

Криспен. Лизетта? Как я рад!

Дон Педро (*пряча их*).

Скорей, скорей сюда!

Криспен. Заметил он сестрицу?

Вот будет тарарам...

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Граф, дон Педро.

Граф. Должны вы удивиться,

Меня увидев здесь...

Дон Педро. Способны удивить,

Коль, посадив в тюрьму, спешите навестить!

Иль бремя зол моих утяжелить хотите?

Иль видом мук моих свои глаза насытить?

Иль подразнить врага, что связан по рукам?

Нет, сударь, не к лицу такая низость вам!

Я видел вас иным и жду от вас иного,

Чем рвенье мстить тому, кто вами же закован

За то, что вас же смел искать порой ночной!

Граф.

Не зная ничего, молчите, сударь мой!

Назавтра же, клянусь, вы будете свободны,

И мы скрестим клинки, коль это вам угодно!

Дон Педро.

Кто выпустит меня?

Граф. Всё я, ваш лютый враг!

Дон Педро.

Признаюсь, этих слов не ожидал никак!

Граф.

Пускай отмщенья ждут несчастного останки, .

Но я сказал, что вас видали в Саламанке

В ту ночь, что дон Луис был вами умерщвлен!

Ужель столь низок я, мой юный ветрогон,

Что с вами не могу сравняться в благородстве?

Дон Педро.

Не с вами спорить мне, увы, о превосходстве,

О мой сердечный враг! Как жаль, что должен вам

Погибель принести или погибнуть сам...

Ужель до завтра ждать дарованной свободы?

Нельзя ли мне сейчас покинуть эти своды?

Граф.

Нет разницы большой в том, завтра иль теперь

Шагнете вы, сеньор, через порог за дверь,

Но знаю лишь одно: мне чрезвычайно важно

На месте быть, когда один юнец отважный

За мной придет затем, чтобы убить меня...

А нынче занят я до окончанья дня.

Меня вам не сыскать, когда б того желали...

Придется ждать утра!

Дон Педро. Я доживу едва ли.

Граф.

Мир краткий заключить не следовало б нам?

Дон Педро.

До завтрашнего дня? Согласен! По рукам!

Граф.

Итак, на твой покой не буду посягать я...

Покуда ты мой друг, приходи в мои объятия!

Дон Педро.

Как трудно и любить и ненавидеть вас...

Ах, боже, мой отец!

ЯВЛЕНИЕ ВОСЬМОЕ

Дон Феликс, дон Педро, граф.

Дон Феликс. Я вижу, мой наказ —
 Воздать за наш позор — ты выполняешь рьяно,
 Неблагодарный трус, изменник окаянный!
 Так уважаешь ты гнев праведный отца,
 Спасаясь честь сестры от гнета подлеца,
 Так защищаешь ты семейные основы,
 Так разумеешь долг, так крепко держишь слово?
 Да что твои слова? Пустая болтовня!
 Ты изменяешь им, как предаешь меня,
 Без смысла, без стыда, по пустоте душевной...
 Вот клятв твоих итог поистине плачевный:
 Руками, что должны врага уничтожать,
 Ласкаешь ты его! Нет, я его обнять,
 Хоть немощен и стар, сумел бы по-иному!
 Я так бы сжал его, что больше сердцу злому
 Не биться бы вовек и не дышать груди!
 Да лучше ты и сам ко мне не подходи,
 Дабы не испытать такого же объятия!
 Но что это со мной? Я плачу... О проклятье!
 То кровь души моей слезами изошла...
 Пусть от моей руки и сам виновник зла
 Так кровью изойдет, коль сын мой слабовольно
 Склонился перед ним. Теперь с меня довольно!
 Смотри, презренный трус, как на твоих глазах
 Повергну в прах врага иль сам повергнусь в прах!
 Не смейся над моей угрозой стариковской:
 Пыл прежний не угас под сединой отцовской...
 А ты, наглец, дрожи пред слабостью моей:
 Нет силы, с коей днесь не справиться бы ей!
 К расплате будь готов! (Уходит.)

Граф. Какой свирепый мститель!

Дон Педро.

Поосторожней граф, ведь это — мой родитель.
 Он вами оскорблен, объятий наших вид
 Еще сильнее раздул огонь его обид.
 Вы сами — да любой — лишился бы покоя,
 Лишился бы ума, заметивши такое.
 Кто б не рассвирепел на сына своего,
 В объятиях врага увидевши его?

Граф.

Быть может. Но пора до завтра нам расстаться.

Сегодня занят я. Не следует пытаться

Искать меня.

Дон Педро. А всё ж сумею вас найти.

Граф.

Скорей сумею я визит ваш отвести...

Итак, до скорых встреч!

ЯВЛЕНИЕ ДЕВЯТОЕ

Начальник стражи, граф, дон Педро.

Начальник стражи. Сеньор, по заявлению

Дон Феликса я вас, с глубоким сожаленьем,

Обязан задержать.

Граф. Что это за напасть?

Но как же так? За что?

Начальник стражи. Изволили украсть

Девицу, дочь его, из отчего предела...

Граф.

Когда ж успел старик состряпать это дело?

Начальник стражи.

Он, идучи сюда, взял ордер на арест.

Вы знаете, сеньор, что мне из этих мест

Вас выпустить нельзя, а что до остального —

И я и стража вся вам услужить готова.

Коли что надо вам — располагайте мной!

Граф.

Спасибо. Знаю я — не вы тому виной,

Что я попал в беду. Но этого сеньора

Прошу освободить как только можно скоро.

Начальник стражи (*дону Педро*).

Сеньор, свободны вы.

Граф.

Оставьте нас пока.

Дон Педро.

Я очень огорчен, что из-за старика

Вы очутились здесь. Но всё не так уж худо!

Клянусь, что помогу вам выбраться отсюда,

Так, что и не моргнет недремлющий закон!

Граф.

Тем, что сказали вы, я просто воскрешен...
Ведь был я вне себя! По воле рока злого
Мог кое-кто решить, что изменил я слову,
В то время как одним похвастаться могу:
Держу его всегда — пусть данное врагу!
Когда на то пошло, то вам хочу признаться,
Что вызван на дуэль и должен оказаться
Со шпагою своей на месте через час.
А тут попал в тюрьму... И только из-за вас!
Но что у вас за власть над этими дверями?

Дон Педро.

Не всё ли вам равно, какими вы путями
Уйдете — через дверь или через окно?
Чтоб выйти из тюрьмы, вам надо лишь одно —
Мне ввериться во всем.

Граф.

Вам ввериться согласен.

Дон Педро.

Сумею сделать так, что будет не опасен
Задуманный побег. Ну что ж, идем, сеньор!

Граф.

Борьбу, что мы ведем, весь этот наш раздор
Сегодня назовем борьбой великодуший...

Дон Педро.

Сегодняшний наш мир мы завтра же разрушим
Со шпагою в руке!

Граф.

Его восстановить

Хотел бы навсегда!

Дон Педро.

Всё завтра может быть...

Занавес

ДЕЙСТВИЕ ПЯТОЕ

ЯВЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

Криспен, дон Педро.

Криспен.

Дон Педро, вы хитрец, мудрейшему под стать!

Где научились вы людей освобождать

Из тюрем — без ключей, пилы или бурава?

Нет, верно; вы умней, чем выглядите, право!

Дон Педро.

Мне здорово помог Лизеттин гардероб...

Криспен.

А бедную сестру, наверно, бил озноб,

Когда свирепый брат, собой изображая

Прислужницу, шагал, как изгнанный из рая!

Дон Педро.

Довольно, помолчи!

Криспен.

Однако бравый граф

Сам трясся, будто лист, на улицу попав.

В Лизеттином тряпье он всей своей осанкой

С шутком был боле схож, чем с девушкой-служанкой!

Всё: юбки, кружева, звон серебристый шпор —

Без смеха не могу припомнить до сих пор!.. —

Но как решились вы в такой игре опасной

Рискнуть его сестрой — вот это мне неясно.

Случайностям всегда хорош любой предлог,

Итак — любой пустяк ее бы выдать мог...

Вам что? Вы в стороне, а бедная девица

Держала бы ответ, попала бы в темницу,

Остригли бы ее, как девку, наголо,

Кто знает, что еще бы с ней произошло?

Дон Педро.

Поэтому-то я, судьбе не доверяя,
Шел рядом, и сестру и брата охраняя
До той поры, доколь Кассандра за углом
Не скрылась с глаз долой, войдя в знакомый дом.

Криспен.

Всё это пережить ей, верно, было жутко...
Понравилась ли ей рискованная шутка?
Признайтесь, сударь, в том, что весь этот побег
Затеяли затем, чтоб каждый человек,
Узнав, как вы врага спасли из-под ареста,
Вам прозвище бы дал Пилада иль Ореста...
Сплошное хвастовство!.. А как с Лизеттой быть?

Дон Педро.

Мы выкупим ее... Где б денег прихватить?

Криспен.

А спросят — где она?

Дон Педро.

Уехала к мамаше!

Криспен.

Ну, вы король плутов, дон Педро, воля ваша!
И чем это девиц умеете увлечь?
Однако не о том хочу держать я речь:
Скажите мне, к чему все снаряжение это —
И шпага, и кинжал, и даже пистолеты?
А главное, зачем — как будто на войне —
Велели этим всем увешаться и мне?

Дон Педро.

На подвиги идем, чтоб заработать славу!

Криспен.

В историю входить мне что-то не по нраву,
И славы я ищу не больше, чем чумы.
А вы сошли с ума. Чуть выйдя из тюрьмы,
Вы силитесь туда попасть, как видно, снова!
Безумцев я видал, но не встречал такого.

Дон Педро.

Ты знаешь, цель моя...

Криспен.

Наверно, высока!

Ну, скажем, в воду лезть? Уж коли здесь река,
То можно смыть и блох и прочих насекомых,
Чтоб фауной тюрьмы не одарить знакомых.
Тут можно у людей жизнь брать иль кошелек,

Коль скоро здесь темно... Мне все же невдомек,
Зачем сюда пришли?

Дон Педро. Чтоб драться на дуэли.

Криспен.

Вот, значит, каково название этой цели!
Все, видно, мало вам... Ну что ж, господь судья...
Но объясните мне, зачем тут нужен я?
Коль с вами в воду лезть — я пузыри пускаю,
Коль с кем-то счеты свести — я только отступаю...
Силен в дуэлях я лишь быстротою ног.
Коль шли бы воровать — вот тут бы вам помог...
Нет, правда, сударь мой, я слишком осторожен,
Чтоб так, как вы, клинок выхватывать из ножен,
И больше наврежу, чем ухитрюсь помочь...
Позвольте лучше мне уйти отсюда прочь,
Хотя б на полчаса!

Дон Педро. Ступай, но если только
Сболтнешь кому-нибудь...

Криспен. Хоть глуп, да не настолько!

Прощайте, мой сеньор!

Дон Педро. Так вот тот самый мост,
Где мужество мое во весь предстанет рост,
Где слава ждет меня... Но спрячемся скорее!
Я слышу голоса — идут мои злодеи!

ЯВЛЕНИЕ ВТОРОЕ

Латайад, четверо наемников.

Латайад.

Все четверо бодры, все весело глядят...
С надежными людьми связался Латайад!
— Итак, сегодня нам придется отчитаться
В тыщонке золотых — смелей за дело, братцы!
На совесть платят нам, докажем же свою,
Осилив вчетвером противника в бою!
Уж коль я слово дал — да будет вам известно,—
Родную мать продам, настолько малый честный!
Теперь проверьте всё: ведь дело — чистый клад,
И здесь мы не затем, чтобы пасти телят!
За промах нам грозит не просто наказанье,
А галстук из пеньки или колесованье...

Я вижу, он идет... Займу его пока.
Пусть вас не подведет ни зренье, ни рука,
Когда начнете бить по сей живой мишени...
На миг укройтесь здесь, в заброшенном строенье,
Чтоб графа взять врасплох. Друзья, ни шагу вспять...

ЯВЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

Граф, дон Педро, в маске, Латайад, четверо
наемников.

Граф.
Надеюсь, что ничуть вас не заставил ждать...
Вам должен я, сеньор, дать удовлетворенье?

Латайад.

Да, мне.

Граф. Хотел бы знать, какое оскорбление,
В глаза вас не видав, вам всё ж сумел нанести?
...Ах, вовсе не дуэль мне предстояла здесь?
Убийцы! Палачи! Расправлюсь с подлецами,
Сколь ни было бы их!

Дон Педро (*убивая одного из наемников из
пистолета*).

Смелей, сеньор, я с вами!

Один уже убит!

Латайад. Осечка! Мне конец!

Дон Педро.

Бегут!

Граф. Лови! Держи!

Латайад. Пускай другой храбрец

Смерть бегству предпочтет!

Дон Педро. Сеньор, не увлекайтесь —

Врагов простыл и след. Прошу вас, защищайтесь!

Граф.

Мне защищаться?

Дон Педро. Вам!

Граф. Но кто грозит мне?

Дон Педро. Я!

Граф.

Что заставляет вас?..

Дон Педро. Велит мне честь моя!

Граф.

В вас только что найдя защитника и друга,

Я смог бы вам воздать услугой за услугу,
Когда бы вы, едва успев меня спасти,
Не поспешили мне обиду нанести...
Что послужило вам для вызова причиной?
И почему лицо закрыли вы личиной?
Сразиться я готов, но, прежде чем начать
Нежданную дуэль, прошу вас маску снять.

Дон Педро.

Без маски вам мой вид понравится едва ли...

Граф.

Пусть так, но всё ж хочу, чтобы ее вы сняли!

Дон Педро.

Снимаю.

Граф. Боже мой! Дон Педро! Вот те на!

Дон Педро.

Надеюсь, что свой долг вам уплатил сполна,

Но что теперь и вы свой уплатить готовы...

Что ж, начинаем, граф?

Граф.

Не ждал конца такого...

Мне трудно обернуть клинок свой против вас.

Дон Педро.

Я верю вам; но что подумают про нас?

Пора нам отложить все дружеские чувства,

Дуэли посвятив и силы и искусство.

Граф.

Заспавшуюся честь готов я разбудить!

Скрещивают клинки. Шпага дона Педро ломается.

Дон Педро.

Черт! Шпага пополам! Несчастье! Как мне быть?

Граф.

Придется умереть... Или просить пощады!

Дон Педро.

Мне жизни, что дана из милости, не надо!

Пощады не прошу.

Граф.

Знай — смерть твоя близка.

Она — в моих руках.

Дон Педро.

А жизнь — в моих пока.

Граф.

Пред доблестью твоей моя должна склониться...

Я буду ждать. Беги, чтоб вновь вооружиться.

Найди другой клинок и возвращайся с ним.

Дон Педро.

О господи, опять спасением своим
Обязан вам, сеньор, когда беда настала...
Я тотчас же вернусь... (Уходит.)

Граф. Не нравится нисколько
Мне этот компаньон... Куда его девать?
Ведь как-то не к лицу за пададь отвечать...
Спущу его с моста, где посильней течение:
Злодей не заслужил иного погребенья.
Но что это? Шаги... не изменил мне слух...

(Убегает.)

ЯВЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ

Криспен, Беатриса, Леонора, Кассандра.

Криспен.
Носильщики без ног...

Беатриса. Бежали во весь дух...

Криспен.
Пришел он вот сюда и тут решил остаться.
Кого-то, видно, ждал, чтоб на дуэли драться.

Леонора.
Не видно ни души. Я знала всё равно,
Что опоздаем мы. Всё кончено давно:
Обоих нет в живых... обоих смерть скосила...
Пусть примет и меня разверстая могила!
— Кассандра, верьте мне — судьбу не обойти:
Несчастью моему другого нет пути.
Любезная сестра неискреннего брата,
То, в чем он отказать решился мне когда-то,
Сочувствие ко мне найду ль теперь у вас?

Кассандра.
Ах, как я в нем сама нуждаюсь в этот час.
И вы и с вами я страдаем обе равно:
Обеим дорог брат, а враг его — по давню.
Сочувствия искать у вас не больше прав,
Чем у меня...

Леонора. Увы! Ужели это граф
Вон там, на берегу, без шляпы и камзола?
Я вижу, что беда надежду поборола...
Да, здесь была дуэль — об этом говорит

Уже не сердца страх, а самый графа вид.
Дон Педро умерщвлен, и вот его убийца.
Он утолил свой гнев, жестокий кровопийца...
Я отомстить должна... но, ах, воздав ему,
Себе же отомщу и чувству своему...
Кассандра, поспешим — не в силах боле ждать я.
Что он ответит нам о женихе и брате? —
Несчастный! Где мой брат? Что можешь ты сказать?

ЯВЛЕНИЕ ПЯТОЕ

Граф, Леонора, Кассандра, Криспен.

Граф.

А разве я его обязан опекать?

Леонора.

Да, если ты со мной взаимным чувством связан,
Того, кто дорог мне, ты опекать обязан.
Моей тревоге дав столь дерзостный ответ,
Ты, верно, горд собой, убийца, людоед!
«Не брался опекать!»! Дурная прибаутка!

Граф.

Сударыня, он жив... лишились вы рассудка!

Леонора.

Быть может, ты и прав... Как знать, тебе видней!
Рассудок-то исчез по милости твоей,
В тот самый час, когда, поверив клятвам лживым,
Притворным словесам и жалобам красивым,
Лишилась воли я, не только что ума,
Тебе прощая все, пусть каюсь в том сама.
И даже вот теперь, в отчаянье гнетущем,
Оплакивая смерть, страдаю о живущем!
Пытаться разлюбить — великая тщета...
Не могут сердцу лгать правдивые уста...

Граф.

Утешь ее, сестра!

Кассандра.

Сперва меня утешь ты!

Не ты ли сам разбил все лучшие надежды?

Граф.

Боюсь, обеих вас сразил один недуг...

Кассандра.

Да, он меня любил и был мне лучший друг...

Граф.

Теперь я убежден, что вы несчастны обе...

Кассандра.

Смотри не убедись в моей жестокой злобе!

Граф.

Пока моя сестра оплакивает зря

Живого мертвеца, я, честно говоря,

Сударыня, хочу... Но ваш отец некстати

Торопится сюда узнать о вашем брате.

Хоть бы усопший наш скорей вернулся к нам

И в гибели своей отчитывался сам!

ЯВЛЕНИЕ ШЕСТОЕ

Дон Феликс, начальник стражи, стражники,
Леонора, Криспен.

Дон Феликс.

О боже, дочь свою я вижу в этом месте,

Преступницу, семье принесшую бесчестье!

Мне небо помогло виновную найти...

От гнева моего обоим не уйти!

Граф (в сторону).

Не нравится он мне в таком сопровожденьи!

Начальник стражи.

Вам лучше сдаться, граф, и без сопротивления...

Граф.

Что сделал я?

Дон Феликс. Убил в неправедном бою

Ты сына моего. Похитил дочь мою,

Похитил честь семьи... как будто бы не мало!

Граф.

А если сын твой жив и дочка не пропала,

В чем провинился я?

Дон Феликс. Некстати ты смешлив,

В крови и рукава и руки обагрив!

Убийца да палач такую любят моду...

Граф.

Куда ж я спрятал труп?

Дон Феликс.

Его ты бросил в воду.

Начальник стражи.

Свидетель я тому.

Дон Феликс. Ага, наглец смущен!

Граф.

Что ж, спорить ни к чему, когда разоблачен!

Начальник стражи.

Воскресни ваш мертвец, все были бы довольны...

Дон Феликс.

Да, тела не выдав, надеюсь я невольно...

Что знаешь ты, Криспен?

Криспен. Как вор вооружен,

Дон Педро шел сюда...

Дон Феликс. Я чувствую, что он

Здесь голову сложил...

Криспен. ... в свирепом настроенье,

С разгневанным лицом. Не потеряв мгновенья,

Бегу я к вам. Вас нет, а ожидать невмочь...

К сеньоре я лечу. Сеньора ваша дочь

С подругою своею сюда явились сразу.

Добавить ничего я не могу к рассказу.

Дон Феликс.

Да, бедный сын мой мертв...

Криспен. Его я мало знал,

Но то, что смертный он, сейчас же угадал!

Дон Феликс.

Отстань, безмозглый шут!

Леонора. Отец мой, я хотела...

Дон Феликс.

Что? Как ты рот открыть передо мной посмела?

И как прийти сюда тебе позволил стыд?

Криспен.

Уймитесь, господа, ибо сюда спешит

Целитель ваших бед и споров разрешитель,

Дон Педро во плоти, потусторонний житель!

ЯВЛЕНИЕ СЕДЬМОЕ

Дон Педро, граф, дон Феликс, Леонора,
Беатриса, Криспен.

Дон Педро.

Кого тут только нет!

Граф.

Ну, вспыльчивый отец,

Не жертва ли моя вернулась наконец?

Дон Феликс.

Мой сын любимый жив! Вот чудеса, как в сказке!

Криспен.

Всё, кажется, идет к желаемой развязке!

Дон Педро.

Ну погоди, Криспен! С тобою расплачусь!

Ты кашу заварил!

Криспен.

Я ни при чем, клянусь!

Граф.

Вы знаете, сеньор, что призван я к ответу

За то, что вас убил?

Дон Феликс.

Нет, вовсе не за это!

За то, что воровски мою сманил ты дочь!

Знай, кроме брака с ней, ничто уже помочь

Тебе не сможет, граф!

Граф.

Не силе принужденья

Возможно подчинять подобные решения!

Когда бы целый свет вмешался в сватовство,

И то без жениха не вышло бы ничего...

Не твой нажим, старик, и не твое упорство

Гордыню извели в душе не столь уж черствой,

А блеск твоих заслуг и доброй славы свет...

Ужели стану я причиной ваших бед?

Я свадьбы не бегу, мила мне Леонора...

Но пролитою кровью мне позабыть так скоро?

Но в трауре глухом стремиться под венец?

Жениться на сестре убийцы, наконец?

Как совместить всё то, что столь несовместимо,

Что должен презирать, с тем, что душой любимом?

Как обожать сестру, а брата грызть, как волк?

Как следовать любви и выполнять свой долг?

Я должен вам, сеньор, дать удовлетворенье...

Дон Педро.

Но прежде вас прошу мне внять со снисхождением.

К дуэли не лежит сейчас душа моя;

Покаюсь вам в одном: люблю Кассандру я!

Я верный раб ее, она — моя святыня...

Узнав про это, граф, поймете вы отныне —

Не я был виноват, а злополучный рок,

В том, что беду на вас негаданно навлек...

Когда бы знать я мог, спасаясь от расправы

(Вы были в битве той моей рукою правой),

Что враг нежданный мой — Кассандры милой брат,

Принять его удар я был бы только рад,

Иль в бегстве бы найти спасенье постарался!
Но я его не знал, и я сопротивлялся.
Что было делать мне? Безумно разъярен,
Ваш родственник меня теснил со всех сторон,
Я должен был убить, чтобы не быть убитым...
Держались позади презренные наймиты,
И я, лицом к лицу с противником своим,
Как истый дворянин, не дрогнул перед ним,
Жизнь смерти предпочтя и торжество победы...
Отсюда начались мои и ваши беды!
Ах, если б дали вы Кассандру в жены мне,
Тем положив предел бессмысленной войне!

Граф

Вам нравится сестра?

Дон Педро.

Она — моя Аврора!

Граф.

Возьмите же ее в обмен на Леонору!

Леонора.

Отец, простите нас!

Дон Феликс.

Отец не помнит зла,

Коль честь его детей вновь пышно расцвела!

Граф (дону Феликсу).

Уж коли дом мой стал обителью печали,
Приличия велят, чтоб свадьбу мы сыграли
У вас, сеньор, да так, чтобы оставить след
Великим торжеством в чреде грядущих лет,
Дабы, узнав о двух врагах великодушных,
Велениям души и совести послушных,
Гордились сыновья и воспевали нас
И славу наших дружб, раздоров и проказ.

Криспен.

Голубушка моя!

Беатриса. Криспен, мой друг сердечный!

Криспен.

Мы пожелаем им любви и дружбы вечной...

Беатриса.

Пусть небо наградит их будущих детей...

Криспен.

Твоею добротой...

Беатриса. И доблестью твоей!

ПРИМЕЧАНИЯ

Настоящее издание пьес французского поэта, романиста и драматурга Поля Скаррона является первым на русском языке. Ниже дается перечень всех пьес П. Скаррона с указанием года их первой постановки или, если таковой не было, появления в печати:

«Жодле или Хозяин-слуга» («Jodelet ou le Maitre-valet», 1645); «Жодле-дуэлянт» («Jodelet duelliste», 1646); «Три Доротеи или Обесчещенный Жодле» («Les trois Dorotheés ou Jodelet souffleté», 1646); «Комедия о Матаморе в бурлескных стихах на одну и ту же рифму» («Comédie de Matamore en vers burlesques et sur une même rime», 1646); «Нелепый наследник или Корыстолюбивая девица» («L'héritier ridicule ou la Dame intéressée», 1649); «Дон Яфет Армянский» («Don Japhet d'Arménie», 1652); «Саламанкский школяр или Великодушные враги» («L'Écolier de Salamanque ou les ennemis généreux», 1654); «Сам у себя под стражей», известная также под названием «Принц Филипен» («Gardien de soi-même», 1655); «Комический маркиз или Наспех произведенная графиня» («Le marquis ridicule ou la Comtesse faite à la hâte», 1655); «Обманчивая видимость» («Fausse apparence», 1662); «Принц-корсар» («Prince-corsaire», 1662). Кроме того, перу Скаррона принадлежат три коротких фрагмента незаконченных пьес.

«ЖОДЛЕ ИЛИ ХОЗЯИН-СЛУГА»

(«Jodelet ou le Maitre-valet»)

Литературным источником этой первой комедии Скаррона была пьеса испанского драматурга Франциско де Рохаса (1607—1648) «Где есть оскорбление, там нет ревности, или Хозяин-слуга» («Donde hay agravio no hay, celos, у Ato-criado»). Скаррон опускает первую часть названия комедии испанского драматурга, которая характеризует пьесу Рохаса как типичную «комедию плаща и шпаги». В комедии Скаррона устранены построенные на силлогизмах рассуждения дона Жуана о ревности и чести.

Один из известных актеров того времени указывает, что «Жодле или Хозяин-слуга» был сыгран труппой Мольера свыше тридцати раз. Цифра по тому времени значительная, если учесть, что спектакли шли три-четыре раза в неделю и что театр Мольера подвергался неоднократному закрытию.

Стр. 39. Аполлон — в древнегреческой мифологии бог солнца, а также искусств. Изображался стройным юношей, играющим на лире.

Стр. 45. Мамон (также мамона) — в христианской мифологии злой дух. В современном русском языке употребляется в значениях «корыстолюбие», «алчность», «обжорство».

Стр. 47. **Комплот** (франц.) — заговор.

Стр. 52. **Амадис** — герой рыцарского романа «Амадис Галльский» (первое издание 1508 г.), известен своими необычайными подвигами во славу дамы своего сердца Орианы.

Мере — Жан де Мере (1607—1684), французский драматург, впервые применивший закон о трех единствах на французской сцене; автор первой классицистской трагедии «Софонисба» (1634).

Стр. 53. **Химера** (греч.) — в древнегреческих сказаниях трехголовое огнедышащее чудовище. Иносказательно — небылица.

Стр. 56. **Фьеста** (испанск.) — праздник.

Стр. 70. **Цербер** — в древнегреческой мифологии трехголовый пес, охраняющий вход в подземное царство. В переносном значении — свирепый страж.

Стр. 73. **Фортуна** — в древнеримской мифологии богиня счастья, случая и удачи.

Стр. 85. (**Ковыряя в зубах зубочисткой**). — Появление Жодле с зубочисткой в зубах казалось особенно забавным, так как зубочистка только входила в житейский обиход Франции. Молодые щеголи считали особенным шиком постоянно держать ее в зубах.

Стр. 89. **Аристотель** (384—322 гг. до н. э.) — древнегреческий ученый и философ.

Стр. 92. **Вельзевул** — божество древних финикийян, в христианской религии дьявол.

Сид — Руй Диас Сид (1043—1099), герой испанского эпоса, знаменитый своими подвигами в защиту родины в период реконквисты. Он же герой трагедии «Сид» Корнеля (1606—1684), драматизировавшего историю любви Сида к Химене, отца которого он убивает во время феодальной распри. Впоследствии Химена становится женой Сида.

Стр. 98. **Нерон** (37—68 гг. н. э.) — римский император, известный своей жестокостью и коварством. Согласно историческому преданию, он велел поджечь Рим, чтобы любоваться пожаром.

«ЖОДЛЕ-ДУЭЛЯНТ»

(«Jodelet duelliste»)

Сюжет этой комедии взят Скарроном из испанской драматургии XVI—XVII веков, в частности у Франциско де Рохаса («Предательство наказывается» — «La traicion busca ei castigo») и у Тирсо де Молины («Глухота не худшее» — «No hay peor sordo»). Оригинальность Скаррона заключалась в создании, как и в первой комедии, образа неистощимого в своей веселости слуги Жодле, который становится душой пьесы. Оригинальным является и образ одного из главных действующих лиц комедии — дона Феликса, который мало чем напоминает дону Андреаса у Франциско де Рохаса и образ дона Фадрика у Тирсо де Молины, обычных влюбленных молодых людей из испанской «комедии плаща и шпаги». Своему герою Скаррон придал черты аморалиста, циничного соблазнителя женщин, в котором предугадываются черты мольеровского Дон-Жуана.

Как и в первой комедии, в «Жодле-дуэлянте» Скаррон показывает современные ему нравы.

Стр. 114. Агриппина — мать Нерона, которую он, подозревая в заговоре против себя, велел умертвить.

Сенека (род. в начале I в. н. э. — ум. в 65 г. н. э.) — римский философ, драматург, воспитатель Нерона. Обвиненный в заговоре против императора, был приговорен к смерти и покончил жизнь самоубийством.

Стр. 115. Лета — в греческой мифологии река в Аиде, подземном царстве, обиталище мертвых; согласно мифу, умершие, выпив из нее воды, забывали свою земную жизнь. Название реки стало символом забвения. «Кануть в Лету» — быть забытым.

Стр. 122. Гименей (греч.) — в античной мифологии божество бракосочетания. Изображался увешанным гирляндами цветов, с факелом в руках. Узы (оковы, цепи) Гименея — брак, супружество.

Стр. 130. Селадон — герой пастушеского романа «Астрея» французского писателя Оноре д'Юрфе. Имя героя романа стало нарицательным для сентиментального влюбленного. Употребляется также как синоним дамского угодника и волокиты.

Стр. 132. Роланд — герой французского эпоса «Песнь о Роланде» (1068), знаменитый своими подвигами. Здесь имеется в виду образ Роланда из шутовой поэмы «Ненстовый Роланд» итальянского писателя Ариосто (1474—1533), который изобразил Роланда сходящим с ума от неразделенной любви к красавице Анжелике.

Стр. 133. Фаэтон — в греческой мифологии сын бога солнца Гелиоса, упросивший своего отца позволить ему править солнечной колесницей. Ему не удалось сдержать быстроногих коней, колесница уклонилась от обычного пути и чуть не зажгла небо, за что Фаэтон был поражен Зевсом. «Фаэтон» в переносном значении — коляска с открытым верхом.

Стр. 134. Купидон — бог любви в римской мифологии.

Стр. 153. Мадригал (франц.) — стихотворение шутового или любовного характера.

Стр. 158. Терция и кварта (лат.) — название фехтовальных приемов.

Стр. 160. Фанфарон (франц.) — хвостун, бахвал.

**«НЕЛЕПЫЙ НАСЛЕДНИК
или КОРЫСТОЛЮБИВАЯ ДЕВИЦА»
(«L'héritier ridicule ou la Dame intéressée»)**

Литературным источником этой комедии Скаррона является пьеса испанского драматурга Алонсо Кастильо Солорсано (1580—1648) «Смешной наследник» («El payo y el gazgo figura»). Тема комедии была распространена в испанской драматургии; в частности, она встречается и у Лопе де Вега. Сохранив сюжет и действующих лиц пьесы Солорсано (за исключением дона Педро), французский драматург основное внимание уделил образам слуг, выступающих у него выразителями здравого смысла.

В образе Филипена, нелепого наследника, Скаррон впервые на французской сцене вывел образ богатого выскочки. Тогда как у Солорсано «нелепый наследник» дон Пайо де Какабелос всего лишь бахвал непрременный персонаж испанской бытовой комедии. Поведение влюбленных в пьесе Солорсано ограничено сословной моралью. Не случайно в финале комедии Солорсано дон Диего появляется в костюме кавалера ордена Сант Яго.

Стр. 185. Нарцисс (*греч.*) — юноша необыкновенной красоты, влюбившийся в свое отражение в воде и иссохший от этой любви. Согласно мифу, превратился в цветок. В переносном смысле — самолюбленный человек.

Стр. 196. «...боюсь, что в голодранца судьба вас превратит по милости голландца...» — Имеются в виду события нидерландской буржуазной революции XVI века, в частности разгром испанского флота в 1572 году морскими гёзами, а затем поражение так называемой «Великой армады» (1588), в котором немалую роль сыграл голландский флот.

Нептун (*лат.*) — в древнеримской мифологии бог моря.

Стр. 203. Сирены (*греч.*) — Согласно древнегреческим мифам, сирены изображались в виде полуптиц, полуженщин, которые своим волшебным пением заманивали моряков в морские пучины, где те погибали.

Стр. 205. Венера, Вакх, Феб, Зевс — боги античной мифологии. Венера (*лат.*) — богиня любви и красоты; Вакх (*лат.*) — бог виноградарства и виноделия; Феб (*греч.*) — бог солнца и искусства; Зевс (*греч.*) — верховный бог в древнегреческой мифологии.

Крёз (VI в. до н. э.) — царь Лидии, обладавший несметным богатством. Имя его стало синонимом богача.

Стр. 210. Аргус — в древнегреческой мифологии многоглазый великан, часть глаз которого была открыта, когда он спал. В переносном значении — бдительный страж.

Церера — в древнегреческой мифологии богиня плодородия и земледелия.

Стр. 215. Ноев ковчег. — Выражение возникло из библейского мифа о всемирном потопе, от которого спасся только Ной со своей семьей и взятыми им животными на ковчег (судно), который научил его построить бог.

Стр. 223. Геракл (или Геркулес; *греч.*) — в древнегреческой мифологии один из популярных героев, отличавшийся необычайной физической силой.

Ахилл (или Ахиллес; *греч.*) — герой древнегреческих сказаний о Троянской войне, прославленный Гомером в поэмах «Илиада» и «Одиссея».

Стр. 227. Аврора (*лат.*) — богиня утренней зари.

Стр. 233. Фламандская война. — Имеются в виду события нидерландской буржуазной революции, в результате которых испанские войска, оккупировавшие страну, потерпели поражение и была образована Голландская буржуазная республика (так называемая Республика Соединенных провинций, 1581).

Стр. 234. «Вы — не Иерусалим, а я — не иудей...» — Имеется в виду предание о плаче иудеев у стен Иерусалима, разрушенного во время Иудейской войны римским полководцем Титом Флавием, обратившим его жителей в рабство.

Стр. 242. *Retra, satanas!* (*лат.*) — уйди, сатана (в смысле — не искушай).

Стр. 243. Гоморра и Содом (точнее — Содом и Гоморра) — выражение, обозначающее крайний беспорядок; возникло из библейского мифа о городах Содоме и Гоморре, разрушенных богом за грехи их жителей.

«ДОН ЯФЕТ АРМЯНСКИЙ»

(«Don Japhet d'Arménie»)

Пьеса была поставлена в театре Марс (1652). Сюжет комедии заимствован Скарроном из пьесы Алонсо Кастильо Солорсано («Маркиз де Сигараль» — «El Marques de Cigaral»). Оригинальный характер пьесе Скаррона придает образ главного ее персонажа дона Яфета, родственник образу Раготена из «Комического романа» Скаррона. С большим художественным мастерством раскрывает Скаррон душевные переживания влюбленной пары. Герои пьесы Скаррона Альфонс и Леонора не похожи на влюбленных комедии Солорсано, напоминающих галантных пастухов и пастушек из пасторальной поэзии.

Стр. 250. «Отправился... в родные палестины» — иносказательно в значении «вернуться в родные места».

Стр. 251. Поллукс (лат.) — согласно древнегреческим сказаниям, Кастор и Полидевк (римский Поллукс) были близнецы. В переносном значении — неразлучные друзья.

Стр. 252. Кацкик — название вождей индийских племен.

«...Сам Цезарь отдал дань искусству Терпсихоры...» — Здесь под Цезарем дон Яфет подразумевает Карла V (1500—1558), императора так называемой Священной Римской империи и одновременно испанского короля.

Терпсихора (греч.) — муза танца и хорового пения.

Стр. 254. Аллоброг (аллоброги) — кельтское племя, некогда обитавшее на территории современной Франции между реками Роной и Изерой. Называя себя аллоброгом, Марк-Антоний шутит.

Стр. 255. Буриме — стихотворение, составленное по заранее заданным, часто необычным рифмам.

Экспромт — стихотворение, написанное без предварительной подготовки, обычно имеет шуточный характер.

Баллада — вначале в западноевропейской поэзии танцевальная песня, затем один из видов лирико-эпической поэзии.

Стр. 256. Зефир (греч.) — западный ветер. В поэзии означает приятный легкий ветер.

Стр. 257. Гранд — испанский вельможа.

Стр. 263. Немврод (или Нимврод) — согласно библейскому мифу, внук Ноя. Был страстным охотником.

Стр. 269. «Восьмое чудо света» — Выражение возникло из древнего предания о семи прославленных архитектурных и скульптурных сооружениях. В образной речи одним из «семи чудес света» называется что-либо замечательное, отсюда и выражение «восьмое чудо света». Употребляется нередко и в ироническом смысле.

Стр. 271. Дормез (франц.) — карета.

Стр. 278. Царь Итаки (греч.) — в древнегреческих сказаниях Итака — остров, родина героя Троянской войны Одиссея, царя Итаки.

Стр. 279. Егермейстер — ловчий.

Герцог Альба (1507—1582) — испанский полководец и государственный деятель, отличившийся своей жестокой расправой с народным движением в оккупированных Испанией Нидерландах в период нидерландской буржуазной революции XVI века.

Стр. 286. Ика р (греч.) — сын легендарного строителя и художника Дедала. Согласно древнегреческому мифу, Дедал сделал из перьев крылья и вместе со своим сыном Икаром поднялся в воздух, но Икар слишком приблизился к солнцу, которое растопило воск, скреплявший перья, и упал в море.

Икси он (греч.) — согласно древнегреческим сказаниям, Иксион, царь лапифов, за свое нечестие был прикован Зевсом к огненному вечно вращающемуся колесу.

Стр. 290. «Как Цезарь, я пришел, увидел, победил» — слова Юлия Цезаря (100—44 гг. до н. э.), римского государственного деятеля и полководца, которыми он известил одного из своих друзей в Риме о быстро одержанной победе над понтийским царем Фарнаком при Зеле в 47 году до н. э.

Помпей — Помпей Гней (106 — 48 гг. до н. э.), римский полководец и политический деятель. Вначале действовал вместе с Юлием Цезарем против сената, затем, опасаясь усиления Юлия Цезаря, выступил против него и был разбит Цезарем в битве при Фарсале (48 г. до н. э.).

Стр. 294. Цицерон — Марк Туллий Цицерон (106 — 43 гг. до н. э.), выдающийся государственный деятель и оратор древнего Рима.

Стр. 299. Паладин — странствующий рыцарь, носитель рыцарской доблести.

Стр. 311. Самсон — библейский герой, обладавший необычайной физической силой. Здесь имеется в виду храм, разрушенный Самсоном, под развалинами которого погиб он сам и глумящиеся над ним враги.

«САЛАМАНКСКИЙ ШКОЛЯР или ВЕЛИКОДУШНЫЕ ВРАГИ»

(«L'Écolier de Salamanque ou les ennemis généreux»)

Эта трагикомедия Скаррона явилась вольным переводом пьесы Франциско де Рохаса. Чтобы придать большую драматичность пьесе, Скаррон опускает риторические рассуждения героев де Рохаса и вводит много новых сцен. Среди них сцены, изображающие пребывание Криспена в тюрьме. Вводя в пьесу благородных разбойников, Скаррон предвосхищает эту тему у В. Гюго.

Стр. 325. Adsum (лат.) — я присутствую. Non possum (лат.) — не могу. Mal facit (лат.) — плохо сделано.

Стр. 326. Катон — Марк Порций Катон Старший (234—149 гг. до н. э.), римский сенатор. С 184 года до н. э. был цензором. Строгость катонской цензуры вошла в поговорку.

Стр. 360. Inter nos (лат.) — между нами. Con licencia patron (лат.) — с позволения хозяина.

Стр. 372. Пилад (греч.) — сын фокидского царя, друг Ореста.

Орест (греч.) — сын греческого царя Агамемнона и Клитемнестры. После убийства своего отца, когда ему угрожала та же участь, бежал к фокидскому царю, где подружился с его сыном Пиладом. Дружба Ореста и Пилада вошла в поговорку.

СОДЕРЖАНИЕ

Предшественник Мольера. <i>В. Лозовецкий</i>	5
Жодле или Хозяин-слуга. Перевод <i>Мих. Донского</i> . . .	31
Жодле-дуэлянт. Перевод <i>А. Эфрон</i>	109
Нелепый наследник или Корыстолюбивая девица. Перевод <i>А. Эфрон</i>	179
Дон Яфет Армянский. Перевод <i>Мих. Донского</i> . . .	245
Саламанкский школяр или Великодушные враги. Перевод <i>А. Эфрон</i>	315
Примечания <i>В. Лозовецкого</i>	383

Скаррон Поль
КОМЕДИИ

Редактор А. Ивушкина
Оформление художника Е. Голяховского
Художественный редактор В. Богданов
Технический редактор В. Горина
Корректор Т. Кудрявцева

Сдано в набор 25/XII—63 г. Подп. в печ. 14/IV—64 г.
Форм. бумаги 84×108¹/₃₂. Печ. л. 12,25. (Условных
20,09). Уч.-изд. л. 18,095. Тираж 7000 экз.
Изд. № 12474. Заказ № 888. «Искусство»,
Москва, И-51, Цветной бульвар, 25.
Цена 70 коп.

Московская типография № 20 «Главполиграфпрома»
Государственного комитета Совета Министров СССР
по печати. Москва, 1-й Рижский пер., 2.